

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

Периодический научный сборник

2016 № 3-4
ISSN 2413-0869

ПО МАТЕРИАЛАМ
XII МЕЖДУНАРОДНОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
Г. БЕЛГОРОД, 31 МАРТА 2016 Г.

АГЕНТСТВО ПЕРСПЕКТИВНЫХ НАУЧНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
(АПНИ)

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 3-4

Периодический научный сборник

*по материалам
XII Международной научно-практической конференции
г. Белгород, 31 марта 2016 г.*

ISSN 2413-0869

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ТЕХНОЛОГИЙ

2016 • № 3-4

Периодический научный сборник

Выходит 12 раз в год

Учредитель и издатель:

ИП Ткачева Екатерина Петровна

Главный редактор: Ткачева Е.П.

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а

Телефон: +7 (919) 222 96 60

Официальный сайт: issledo.ru

E-mail: mail@issledo.ru

Информация об опубликованных статьях предоставляется в систему **Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)** по договору № 301-05/2015 от 13.05.2015 г.

Материалы публикуются в авторской редакции. За содержание и достоверность статей ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей. При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.

Электронная версия сборника находится в свободном доступе на сайте: **www.issledo.ru**

По материалам XII Международной научно-практической конференции «Современные тенденции развития науки и технологий» (г. Белгород, 31 марта 2016 г.).

Редакционная коллегия

Духно Николай Алексеевич, директор юридического института МИИТ, доктор юридических наук, профессор

Васильев Федор Петрович, профессор МИИТ, доктор юридических наук, доцент, чл. Российской академии юридических наук (РАЮН)

Тихомирова Евгения Ивановна, профессор кафедры педагогики и психологии Самарского государственного социально-педагогического университета, доктор педагогических наук, профессор, академик МААН, академик РАЕ, Почётный работник ВПО РФ
Алиев Закир Гусейн оглы, Институт эрозии и орошения НАН Азербайджанской республики к.с.-х.н., с.н.с., доцент

Стариков Никита Витальевич, директор научно-исследовательского центра трансфера социокультурных технологий Белгородского государственного института искусств и культуры, кандидат социологических наук

Ткачев Александр Анатольевич, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Шаповал Жанна Александровна, доцент кафедры социальных технологий НИУ «БелГУ», кандидат социологических наук

Трапезников Сергей Викторович, начальник отдела аналитики и прогнозирования Института региональной кадровой политики (г. Белгород)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»	5
<i>Бархота М.А.</i> РЕФЛЕКСИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	5
<i>Веденяпина Э.А.</i> ЧЕХОВ. ПРОБЛЕМА ВЕРЫ	8
<i>Гурдаева Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ОФОРМЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ В РЕЧИ ШКОЛЬНИКОВ	16
<i>Емельянова А.М., Сукач Т.А.</i> СПОР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА ОВД.....	20
<i>Зиянгиров Э.К.</i> ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СПОРТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ.....	22
<i>Камышинская А.Е., Федорова И.А.</i> КОММУНИКАТИВНЫЕ КЛИШЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ.....	26
<i>Камышинская А.Е., Сахарова О.С., Федорова И.А.</i> СЕМАНТИКА ОБЪЕДИНЯЮЩЕГО КОМПОНЕНТА ЗЕВГМАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ.....	28
<i>Киселева И.А.</i> РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОМПОНЕНТА «ЖИВОТНЫЕ» В АССОЦИАТИВНОМ ПОЛЕ КОНЦЕПТА "ДЕТСТВО" В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖЕНСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ КОНЦА 19 – НАЧАЛЕ 20 ВВ).....	31
<i>Кочергина А.А.</i> ПРИЁМЫ ПОСТРОЕНИЯ АБСУРДНОГО ТЕКСТА У АРТУРА ГИВАРГИЗОВА	39
<i>Кулюкина Е.Н.</i> SPORTS BASED IMAGERY AND METAPHORS BASED ON SPORTS TERMINOLOGY AND PROFESSIONALISMS IN AMERICAN ENGLISH.....	44
<i>Любина Г.С., Хусаинова А.А.</i> ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ.....	50
<i>Малиева З.Н.</i> ТЕЗАУРУСНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ОБЫЧНОГО ПРАВА	54
<i>Марченко Е.П., Хусаинова А.А.</i> ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ЗАГОЛОВКИ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ.....	58
<i>Мезенцева Д.А.</i> ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ИЗ КНР ПРОДУКТИВНЫМ РЕЧЕВЫМ УМЕНИЯМ ПРИ ПОМОЩИ КОММЕНТАРИЕВ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К ТЕКСТАМ СМИ.....	61
<i>Мирошниченко Н.С.</i> ФРЕЙМОВАЯ СЕМАНТИКА КАК МЕТОД АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ.....	64
<i>Мосиенко Л.В., Безменова Ж.Н.</i> СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВЛЕЧЕНИЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ	69
<i>Ненарокова М.Р.</i> НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЯЗЫК ЦВЕТОВ В СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	71
<i>Овчинникова М.В., Бородулина Е.С.</i> СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПЕЙЗАЖА В РОМАНЕ Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР».....	79
<i>Палагина Ю.Н.</i> СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	84
<i>Перервина Н.В.</i> ПРАГМАТИКА РЕЧЕВОГО АКТА СОГЛАСИЯ	88
<i>Писарская Т.Р., Якименко Н.Е.</i> УСТАНОВКИ КУЛЬТУРЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ	91

<i>Правда Е.А.</i> ЯДЕРНЫЕ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЙ	94
<i>Савельева Е.К.</i> АНТРОПОЛИНГВИСТИКА: К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ.....	98
<i>Салихова Л.Э.</i> МЕТОДЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ПРАВОПИСАНИЮ В ЛЕЗГИНСКОЙ ШКОЛЕ.....	100
<i>Серикова Е.И.</i> РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ТЕКСТА: ЕГО ОСОБЕННОСТИ И ЖАНРОВЫЕ ВИДЫ	103
<i>Серикова Е.И.</i> СЛОГАН КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ	105
<i>Сизых А.А., Штыгашева О.Г.</i> ТЕМА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	108
<i>Улиско К.А.</i> СИНОНИМЫ-РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА «ТАХ»/«НАЛОГ»	112
<i>Устименко Н.Ю.</i> ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ.....	117
<i>Фанян Н.Ю.</i> КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ПОЛЕ АРГУМЕНТАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФЕНОМЕНОЛОГИИ	121
<i>Хакимова Г.Ш., Бразжников М.П.</i> КОНЦЕПТ НЕБОСКРЁБ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ	123
<i>Шамарова Г.Б., Хурматуллина Р.Ш.</i> ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ДАСТАНОВ А. КУРМАШИ.....	125
<i>Яковец Т.Я.</i> ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ТЕРМИНОВ МОДЫ В АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	129
СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»	133
<i>Плужникова А.О.</i> ЭЛЕМЕНТЫ ЮМОРА В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ.....	133
СЕКЦИЯ «ДЕМОГРАФИЯ»	136
<i>Рублева М.Е., Мажаров В.Ф., Гавриков В.Л., Хлебопрос Р.Г.</i> ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ	136

СЕКЦИЯ «ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

РЕФЛЕКСИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Бархота М.А.

старший преподаватель кафедры русского языка,
РЭУ им. Г. В. Плеханова, Россия, г. Москва

В статье исследуется проблематика формирования национальной идеи в России сквозь призму современной российской литературы. Анализируется противопоставление советской идеологии и православной традиции в рамках национальной идеи. С позиции литературно-философского анализа автором показывается, что указанное противопоставление может быть нивелировано и обращено в плоскость синергии благодаря общим целям и ценностям.

Ключевые слова: национальная идея, советская идеология, православная традиция, поиск справедливости.

Трудно переоценить значение национальной идеи в историческом и социально-экономическом развитии России. Национальная идея сегодня является таким же атрибутом государства, как границы, армия, валюта и налоги. Но, находясь в периметре нематериальных ценностей за пределами каких бы то ни было юридических фиксаций, национальная идея являет собой своеобразного серого кардинала, который определяет и влияет на все, оставаясь в тени эпицентра внимания исследователей.

Сегодняшнюю национальную идею России весьма трудно охарактеризовать однозначно. Очевидным является то, что это уже не полемика западников и славянофилов, а нечто принципиально новое, увязанное с феноменологией современного общества, важнейшими элементами которого являются ренессанс общества потребления, растущий индивидуализм и отчужденность, всепроникающие медиа, в том числе социальные сети.

С одной стороны, национальная идея призвана сплотить население в идейном поле и позволить нащупать единство ценностей и вектора социального развития. С другой стороны, национальная идея открывает своеобразную дорожную карту на пути к идеальному обществу, отличному в лучшем плане от текущего состояния. Это, в свою очередь, отражает сам уровень общественного самосознания: в зачаточном состоянии общества медиа транслируют саму национальную идею, в зрелом состоянии медиа концентрируются на обозначенной дорожной карте.

Современная российская литература как нельзя лучше отражает дискуссии об актуальной национальной идеи России. Вся палитра вариативности оценок содержания национальной идеи является весьма широкой, поэтому представляется целесообразным остановиться на одном из краеугольных камней этой проблематики – сочетании элементов идеологии советской формации и христианского мировоззрения как ядра национальной идеи. Данный

вопрос является предметом непрекращающихся дискуссий как в области гуманитарных исследований, так и на поле разного рода публицистики.

В качестве иллюстрации обозначенной проблемы представляется возможным привести пример сосуществования советского сознания и христианских ценностей в романе «Гувернер» (1999) С.Н. Есина (род. 1935). Необходимо напомнить, что основная проблематика творчества Есина как прозаика – трагическое мироощущение российской интеллигенции, рефлексия назревающего мировоззренческого конфликта. Для писателя философское размышление и идейная самоидентификация имеют ключевой приоритет, в сравнении с жанровой стабильностью и развитием сюжета.

В начале романа «Гувернер» мы находим следующее суждение автора: «Довольно часто оглядываясь на свою судьбу, я размышляю: что дала мне эта самая советская власть и какими потерями обязан я ей. Признаемся все-таки – диапазон имеется: от крестьянского мальчика до преподавателя московского вуза. Я часто задаю себе вопрос: а при другой общественно-политической формации смог бы я перепрыгнуть классовый барьер?» [З. С. 321]. Тем самым, С.Н. Есин отдает должное той системе ценностей, которая позволила реализовать герою механизм так называемого социального лифта, отражая невозможность такого воплощения в социально-экономической системе, целиком завязанной на высшей ценности материальных благ и индивидуализме.

В то же время писатель в том же произведении демонстрирует преклонение перед христианскими ценностями. В «Гувернере» это происходит при описании отдельных деталей экскурсии в Иерусалим: «И вот мы входим в храм, закрывающий как футляром все основное действие, произошедшее на горе Голгофе две тысячи лет тому назад. Под этой приземистой крышей и куполами поместилась ось пространства самой высокой в мире трагедии. Здесь каждый шаг Его, пристально наблюдаемый и сбереженный правдивейшим преданием, вместил в себя целый миф: камень «Помазания» – продолговатая плита, облицованная сейчас мрамором, куда было положено тело Христа, снятое с креста; пещера Гроба Господня, и совсем рядом – если по лестнице на Голгофу, место, где стоял крест, на котором Он был распят...» [З. С. 478-479].

Таким образом С.Н. Есин раскрывает феномен дуализма сознания современного гражданина России, и, как следствие, соответствующий дуализм в национальной идее. Ряд исследователей и экспертов относятся весьма скептически к концепции одновременного сосуществования разнонаправленных, по их мнению, векторов. Логика аргументации противников дуализма целиком сосредоточена на антагонистическом противоречии коммунистической идеологии и православной традиции, указывая на известные исторические факты XX века.

Критический анализ подобного рода доводов проводит выдающийся писатель Ю.В. Мамлеев (1931-2015) в своей философско-литературной работе «Россия вечная» (2011): «...уникальная историческая черта православия определяет и определяла всегда ее глубоко патриотическую позицию (по от-

ношению к Родине), что подтверждено всей ее историей, даже в тот период, когда православная Церковь находилась в гонении и мученичестве при советском режиме. Ее великие страдания, гибель священнослужителей не привели ее к оппозиции по отношению к собственной стране (как было в случае политического диссидентства в СССР), она не смешивала политический режим с народом и страной – наоборот, она молилась за страну и народ» [4. С. 120-121].

Таким образом, Мамлеев подчеркивает, с одной стороны, важность духовного ядра в национальной идее, с другой стороны, явную синергию политической власти и духовного центра: несмотря на различия во взглядах и текущий конъюнктурный момент, объединяющая национальная идея призвана нивелировать все противоречия во имя общего блага.

Далее автор трактата «Россия вечная» обосновывает непреходящий характер православной традиции и гибкость социально-экономических и политических доктрин в рамках консолидации национальной идеи: «В другом плане, со стороны интеллигенции (разрыв между Церковью и интеллигенцией, как известно, – большая проблема в России) нередко раздаются упреки в адрес православной Церкви, обвинения в так называемой «косности», акценте на обрядовости, замкнутости и т.д., а, дескать, во всем мире (и даже в России) многие люди ждут «новой религии». Нужно определенно ответить, что «религия» не может быть изобретением людей... и не только «новая религия», но и любые кардинальные изменения в традиционных религиях (если об этом вообще возможно говорить) относятся к сфере санкций высшего мира, сверхиндивидуального источника, иными словами, непосредственно Бога» [4. С. 127-128].

Представленный подход, как представляется, аргументирует возможность построения национальной идеи на базе православной традиции и совокупности социальных и нравственных установок с возможностями трансформации последнего. Ю.В. Мамлеев тонко отмечает, что наиболее яростная критика дуалистической модели национальной идеи доносится со стороны тех, кто не был никогда по-настоящему ни приверженцами коммунистических идей, ни приверженцами ни православной традиции.

Во многом созвучные размышления мы можем встретить сегодня в работах, посвященных преподаванию отечественной истории и воспитанию патриотизма. «В последнее время среди российской интеллигенции и в среде предпринимательства культивируется идея формирования нового поколения, как образованного, владеющего не только знаниями, но и нацеленным вообще существовать без принадлежности к своей Родине» [5. С. 52].

Справедливости ради необходимо отметить, что у коммунистических и христианских концепций есть много общего: труд лежит в основе жизнедеятельности, имеет место равенство граждан как в социально-экономическом, так и в духовном плане и, наконец, важной целью деятельности людей является поиск правды и справедливости. Последнее звено нашло отражение еще в творчестве русских классиков XIX века, например в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя, где метафизический смысл справедливости наслаивался на со-

циальный подтекст: «...и без того случается нам часто видеть то, что вовсе не утешительно...» [1. С. 464].

Помимо подхода к построению национальной идеи на основе христианской традиции и элементов советской идеологии и ценностей, ряд известных писателей ратовали за конкретные реформы, базировавшиеся на уже сложившейся в определенный период в России национальной идее. Так, лауреат Нобелевской премии по литературе, А.И. Солженицын (1918-2008) в своей работе «Как нам обустроить Россию» (1990) после распада СССР «предлагал создать новый Российский Союз, который включал бы в себя Россию, Украину и Белоруссию, а также заселенные русскими северные области Казахстана» [2. С. 319]. Примечательно, что столь конкретные предложения были сразу отклонены практически без обсуждения как сторонниками коммунистических, так и демократических идей. План Солженицына был назван не иначе, как «ретроспективной утопией» [2. С. 320].

Данное обстоятельство заостряет внимание на то, что корректировка национальной идеи является чрезвычайно длительным эволюционным процессом, отстающим порой от трансформации идеологических установок и формирования целых государств. Сегодня национальная идея требует множества интерпретаций как из уст интеллигенции, так и в представлении простого народа. Современная российская литература призвана оттенить составляющие элементы национальной идеи и выявить самобытные черты, являющиеся ее непреходящим ядром.

Список литературы

1. Бархота М.А. Решение проблемы поиска справедливости: от Гоголя до Мейринка // Гуманитарное образование в экономическом вузе Материалы IV Международной научно-практической заочной интернет-конференции. 2016. С. 464-469.
2. Волков С. История русской культуры XX века от Льва Толстого до Александра Солженицына. – М.: Эксмо, 2011. – 352 с.
3. Есин С.Н. Гувернер. – М.: «Олимп»; «Издательство Астрель»; «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 672 с.
4. Россия вечная / Юрий Мамлеев. – М.: Эксмо, 2011. – 512 с. – (Библиотека всемирной литературы).
5. Савинченко Т.И. Проблемы формирования мировоззрения студенческой молодежи в процессе преподавания отечественной истории // Гуманитарное образование в экономическом вузе Материалы IV Международной научно-практической заочной интернет-конференции. 2016. С. 48-52.

ЧЕХОВ. ПРОБЛЕМА ВЕРЫ

Веденяпина Э.А.

канд. филолог. наук, Россия, г. Москва

В статье анализируется рассказ А.П. Чехова «Студент» с точки зрения православного мировоззрения, традиционного в России в годы создания этого рассказа.

Ключевые слова: Великий пост, Страстная пятница, апостол Петр, холод, грусть, одиночество.

Чехова при жизни обвиняли в безыдейности. Он с этим не соглашался. Свой рассказ «Студент» (речь идет о студенте духовной академии) он назвал любимым, так что стоит прочитать его внимательно.

Рассказ посвящен событиям Страстной пятницы – *пятницы* Великой недели – последней недели перед Пасхой по православному вероисповеданию. Герой рассказа Иван Великопольский в этот день охотился с ружьем и вечером возвращался домой, голодный и озябший, а потому недовольный и природой, и историей России. Он встретился с двумя женщинами в поле у костра, разведенного, видимо, работниками, которые в тот момент поили лошадей у реки, разговорился на темы дня и почувствовал душевное облегчение. Ему показалось, что не так плохо на свете и все лучшее впереди. Ему показалось также, что он пережил опыт духовного общения, ощутив связь времен и духовных событий.

На первый взгляд, может показаться, что перемена состояния прямо связана с темой беседы Ивана с вдовами, Василисой и ее дочерью. Он говорил с ними о событиях почти двухтысячелетней давности – о предательстве Иисуса Христа его народом и его учениками, из которых один донес на Него, другой отрекся, а прочие (кроме Иоанна) в испуге бежали. Он рассказывал, как Петр страдал от того, что видел мучения Христа, а еще больше от того, что тут же трижды отрекся от своего Учителя. «В Евангелии сказано: «И исшед вон, плакася горько». Воображаю: тихий-тихий темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...».

Характерно, что Иван делает упор на переживаниях апостола, не восстанавливая подлинной картины его отречения. А она запечатлена в Евангелии от Матфея во всей последовательности и присутствует у всех четвероевангелистов. Сначала Петр следовал за Иисусом, которого вели к первосвященнику, но шел на расстоянии, вдали. Во дворе первосвященника он сел с работниками. Тут одна служанка сказала, что и он был с Иисусом Галилеянином. Петр испугался слов простой служанки, и сказал: «Не знаю, что говоришь». И отошел к воротам, то есть подальше от места мучения Учителя и поближе к выходу. Но там другая служанка сказала – и не ему, а стоящим рядом с ней: «И этот был с Иисусом Назореем». Ее указание людям на Петра произвело на него еще больший эффект, и он на этот раз не просто, а с клятвою отвергся – он не знает Этого Человека. Но окружающие приблизились к Петру и высказали серьезный довод в пользу подозрения служанок, указав, что его обличает речь – особенное произношение галилеян. И тогда он начал усиленно клясться и божиться, что не знает этого человека. Так Петр удалялся от Христа духовно, душевно и физически: неверием и бегством.

По-человечески всё это очень легко оправдывается: страшно. Но ведь на Петре была особенная благодать. Он первый исповедал Иисуса Христом, Сыном Бога Живого, то есть он первый признал в учителе Мессию, Спасителя. Господь сказал, что это открыто было Петру свыше (Евангелие от Матфея, 16–16) и что на этом исповедании, то есть на вере в Иисуса как Сына Божия, будет основана Его Церковь, священники которой получают ключи

Царствия Небесного. Под этим имеется в виду благодать священника, дающая ему власть отпускать грехи на исповеди.

Петр уверял Господа, что пойдет за Него на смерть, и получил предупреждение: «Прежде чем пропоет петух, трижды отречешься от Меня» (Евангелие от Матфея, 23–34). Когда Петр произносил слова третьего отречения, закричал петух, и апостол вспомнил слова Христа и не мог не восстановить в памяти всех обстоятельств того момента, когда слова пророчества были произнесены. Петр должен был убедиться, что мучимый и содержимый в неволе – Бог. И все же он не кинулся на мучителей или к ногам Иисуса. Не смог разделить Его участь. Он вышел за ворота.

И дело совсем не в трусости. Поведение Петра не простая человеческая слабость. Им овладел ужас вселенского масштаба. Апостол глубже всех ощущал невероятность происходящего, невозможность суда над Богом, а этот суд совершался. Петр был потрясен ощущением тупика: перед ним глумились над Учителем, над Человеком, открывавшим иные пути в жизни, владевшим тайнами жизни и смерти, повелевавшим стихии... И Он сейчас терпит все происходящее!.. Петр мучился сознанием, что страдает не просто человек, а Сын Бога, и от этого недавнее прошлое выглядело бессмысленным, всё слышанное от Иисуса, всё виденное – перечеркнутым, и потому будущее казалось совершенно беспросветным. Не трусость, не страх за себя, не мелкие чувства, а полное отчаяние, вызванное разочарованием, непониманием происходящего – вот что движет пылким, отзывчивым, преданным Петром, когда он отрекается не от «подсудимого», не от Иисуса, а от всего, что пережил в последние три года. В этом свете всё пережитое ранее теряло значение и вообще всякий смысл. Вот трагическое состояние потрясенного Петра, в котором он произносит слова отречения. Они могли бы быть переведены как: знать ничего не хочу, не хочу ни видеть, ни слышать... Такова была сила ощущения невозможности того, что оказалось возможным.

Но об этом Иван не рассказал. Для него важным было другое: ему надо было не анализировать переживания Петра, а вызвать сочувствие к себе, так как сам он нуждался именно в нем. Им двигали душевные, а не духовные мотивы. Это видно из того, что при встрече с женщинами первые его слова были не приветствие, а жалоба на холод: «Вот вам и зима пришла назад». Только после этого он произнес: «Здравствуйте!» Так вежливость была приглушена желанием пожаловаться и получить утешение.

Он знал тех, кому жаловался. То были две вдовы, мать и дочь, содержащие огороды. Первая реакция старой женщины на появление прохожего – испуг: «Василиса вздрогнула». Страх – это естественная реакция слабого человека на внезапное событие. Менее естественно реагирует Лукерья, «деревенская баба, забитая мужем». Она молчит. Выражение ее лица «странное, как у глухонемой», что означает еще большую ее слабость. У этих слабых женщин Иван неосознанно ищет поддержки.

После первых слов последовала беседа, о которой ничего не сообщается. Об этом одно слово: «Поговорили». Но очевидно, что эта беседа не отвлекла Ивана от его состояния, и он неожиданно заговорил на евангельскую

тому, уподобив ночь суда над Христом сегодняшней, этой ночи, в которой он вел беседу. Женщины знали собеседника, сына дьячка и студента духовной академии, их не удивила эта тема, но для читателя это полная неожиданность. Ведь начинается рассказ с описания охоты на вальдшнепа, выстрел по которому «прозвучал в весеннем воздухе раскатисто и весело», при хорошей, тихой погоде. Потом стемнело, подул холодный, пронизывающий ветер, и в лесу стало «неуютно, глухо и нелюдимо». Переменилось и настроение Ивана. «Казалось, что этот внезапно наступивший холод нарушил во всем порядок и согласие, что самой природе жутко». Это ощущение совершенно справедливое. Любой верующий человек переживает это же всегда в Страстную пятницу независимо от погоды. Но мысли студента шли иным путем. Он не вспомнил о том, какой это день в жизни Христа и Православной Церкви, а вспомнил Рюрика, положившего начало Русскому государству, Ивана Грозного и жесткого Петра 1, укрепивших страну. Он думал, что и при них было то же самое: «бедность, голод,.. невежество, тоска, такая же пустыня кругом, мрак, чувство гнета – все эти ужасы были, есть и будут, и оттого, что пройдет еще тысяча лет, жизнь не станет лучше». Свое ощущение голода и озноб он перенес на всю историю страны и, в сущности, обвинил ее правителей. Для него на первом плане стояли его собственные дискомфортные ощущения. Тогда он вспоминает еще более страшное в истории человечества: как убили Бога.

«Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр», – сказал студент, протягивая к огню руки. Этим самым он прямо уподобил себя апостолу. «Значит, и тогда было холодно», – говорил он. – «Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!» В сущности, он продолжает жаловаться на свое собственное состояние, ссылаясь на страдания Петра, и простые русские бабы согрели его сначала своим приветом (словами: «Бог с тобой. Богатым быть», сказанными деликатно, с улыбкой), а потом теплом костра. Иван вспомнил об апостоле Петре. Чуть позже он скажет: «Около костра стоял Петр и тоже грелся, как вот я теперь». Библейская начитанность сказала в нем лишь при виде костра и в присутствии русских женщин, вчера слышавших в церкви чтение двенадцати отрывков из Евангелий, повествующих о страданиях Христа. Тогда Иван пересказал историю отречения Петра, не пояснив пагубности состояния, когда душой овладевает ощущение. Не чувство, не убежденность, а ощущение – мгновенное, глубокое переживание, лишённое смысла, наполненное отчаянием. (Именно ощущение – ощущение невероятности и бессмысленности происходящего овладело Петром).

«Студент вздохнул и задумался. Василиса вдруг всхлипнула, слезы крупные, изобильные, потекли у нее по щекам, и она заслонила рукавом лицо от огня, как бы стыдясь своих слез, а Лукерья, глядя неподвижно на студента, покраснела, и выражение у нее стало тяжелым, напряженным, как у человека, который сдерживает сильную боль».

Студент пошел своей дорогой и думал: «если она заплакала, то, значит, всё, происходившее в ту страшную ночь с Петром, имеет и к ней какое-то отношение...» «Он продолжал думать о том, что так давно происшедшее имеет

отношение и к обеим женщинам, и к нему самому, и ко всем людям. Если старуха заплакала, то не потому, что он умеет трогательно рассказывать, а потому, что Петр ей близок, и потому, что она всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра». Какой странный вывод. Разве Василиса отрекалась от Христа? Почему она «всем своим существом заинтересована в том, что происходило в душе Петра»? В рассказе нет свидетельства ее отступничества от Господа или другой параллели с апостолом Петром. А вот между студентом и апостолом есть прямая связь. На нее указывает авторское уподобление ситуации: ночь, холод, костер, работники, две женщины-крестьянки, беседы. Есть связь и скрытая, неосознанная писателем. Она заключена в фактическом отступничестве Ивана от русских религиозных, ставших национальными, традиций.

В пересказе Ивана главным героем Евангельской истории в этот момент является не Господь, а Петр. О нем студент говорит много и подробно. «Бедный Петр истомился душой, ослабел, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал». Но не выспался. Позже «Петр, изнеможенный, замученный тоской и тревогой... не выспавшийся, предчувствуя, что вот-вот на земле произойдет что-то ужасное, шел вслед» Иисусу. На первом месте в описании состояния студента – его физиологические (не выспался) и душевные ощущения. И только в самом конце фразы сказано о том, что на земле скоро произойдет нечто ужасное.

«Пришли к первосвященнику. Иисуса стали допрашивать» – здесь у рассказчика не возникает никаких эмоций относительно того, что Бога унижают и мучают. Внимание направлено на окружение: «Работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял Петр и тоже грелся, как вот я теперь». Осмыслено ли героями рассказа это уподобление студента Петру? Ведь именно оно так тронуло слушателей. Возникшее сострадание студент объясняет так: «Прошлое связано с настоящим непрерывною цепью событий... И ему казалось, что он только что видел оба конца этой цепи: дотронулся до одного конца, как дрогнул другой». Здесь, казалось бы, ощущение единства времени. Но в действительности не время связывает людей, а способность к сопереживанию. Что же тронуло женщин? Иван не говорил о страданиях Иисуса Христа, оставленного учениками и народом, голодного и холодного, избитого и оплеванного, не на этом он сосредоточил их внимание, а на душевных муках отрекшегося ученика. Именно его они могли неосознанно представить себе на месте Ивана и прониклись сочувствием, ощутив полное одиночество человека и его бессилие преодолеть это состояние. Они сами, вероятно, переживали в своей жизни подобное и могли понять других в такой ситуации. Василиса долго жила в людях в качестве подневольной – мамки и няньки, а ее дочь была забита своим мужем. Они знали на опыте состояние безысходности и беспомощности. Рассказывал одинокий человек, и слушали одинокие люди. Чувство одиночества объединило их. Это единение согрело душу молодого человека. В этом ничего духовного нет. Это обычное душевное переживание,

объединяющее людей по горизонтали, если так можно выразиться. Но Иван этого не осознал.

«Он думал о том, что правда и красота, направлявшие человеческую жизнь там, в саду и во дворе первосвященника, продолжались непрерывно до сего дня и, по-видимому, всегда составляли главное в человеческой жизни и вообще на земле...» Какая же правда и красота были в жизни Петра там и в то время? Там и тогда человеческую жизнь Петра направляли чувства отчаяния, разочарования. Этим нельзя жить. Этим нельзя восхищаться.

Рассказ написан русским человеком, выросшим в православной семье. Но не случайно Чехов признавался, что старательно вытравливал в себе раба, – скорее всего, раба Божьего. Он забыл, что в день Страстной пятницы православные не охотятся, да еще с ружьем. В этот день они почти не выходят из храма, так как это единственный день в году, когда в каждом приходском храме совершаются три Богослужения. С утра – чтение Царских часов в течение двух часов, чуть позже – вынос Плащаницы также в течение двух часов. Еще чуть позже – чин Погребения, длящийся минимум четыре часа. После этого народ расходится по домам, чтобы впервые за день принять пищу.

Студентам духовной академии, как и учащимся семинарии, великим постом не положено покидать свои учебные заведения и церкви. В такой день Иван никак не мог оказаться дома да еще на охоте. Поведение Великопольского – это действия Ивана, родства не помнящего. Так официально именовались в России бродяги, обычно преступники, отказывавшиеся назвать свое имя. Иван в буквальном смысле слова бродит вне церкви, будущий священнослужитель, предназначенный приносить Богу бескровную жертву, стреляет из ружья с целью убить. Что это как не отречение? Пусть не оформленное, не заявленное, но осуществленное в поведении и мыслях, а также и в словах. Ведь даже рассказывая о Петре, он так и не дотянулся до темы страданий Христа. Так что не бедной старухе, а ему необходимо «всем своим существом» прочувствовать всё, что произошло с апостолом Петром.

Не случайно и то, чем утешился студент. «Чувство молодости, здоровья, силы, – ему было только двадцать два года, – и невыразимо сладкое ожидание счастья, неведомого, таинственного счастья овладевали им». Он нашел утешение в себе самом, в своей молодости и своем здоровье. На основании этого ощущения родилось другое: «жизнь казалась ему восхитительной, чудесной и полной высокого смысла». На этой оптимистической ноте заканчивается рассказ, создавая впечатление у читателя, что героем найден смысл жизни. Так в чем же он? В возникновении ощущения. Герою показалось, что он нашел смысл жизни. Этим ощущением он и успокоился.

Важная роль ощущения наблюдается нередко в рассказах Чехова. Например, в рассказе «На подводе» учительницей Марией Васильевной тоже овладело ощущение. Ей вдруг показалось, что вернулась ее счастливая беззаботная, обеспеченная юность. «Она живо, с поразительной ясностью...представила себе отца, мать, брата, квартиру в Москве...чувство радости и счастья вдруг охватило ее, от восторга она сжала себе виски ладонями и окликнула нежно, с мольбой: «Мама!» И заплакала неизвестно отчего».

«Она вообразила счастье, какого никогда не было, и казалось ей, что и на небе, и всюду в окнах и на деревьях светится ее счастье, ее торжество. И вдруг всё исчезло. Марья Васильевна, дрожа, коченея от холода, села в телегу». В этом рассказе ощущение исчезло. Вернулась реальность. А в рассказе «Студент» этого не произошло. Он оборван на переживании комфортабельного ощущения. Почему? Марья Васильевна была стара и бедна, и потому ее будущее бесперспективно. Студент молод и здоров, с большой вероятностью хорошей перспективы. Возможно, эта вероятность и определила счастливый конец.

Симптоматично имя героя – Иван, самое распространенное русское имя, символ нации. Не менее символична и его фамилия: Великопольский от слов «великое поле», что может быть воспринято как символ Руси. Когда-то северная Русь граничила на юге с огромным пространством, именовавшемся Диким Полем, где хозяйничали кочевые племена. Позже это Поле вошло в состав России, представляющей собой как бы единое Большое поле. То, что эта фамилия, – изобретение, очевидно. Традиционные русские фамилии известны. Но это авторское изобретение, не соответствующее действительности. В семинариях и духовных академиях практиковалось искусственное построение фамилий, которые отражали реалии церковного быта. Чаще всего они происходили от названия церкви, в которой предстояло служить выпускнику духовной школы: Благовещенский, Успенский, Архангельский, Рождественский, Никольский и тому подобное. В рассказе Чехова фамилия героя иносказательно указывает на национальность, усиливая значение имени. Это обязывает более внимательно отнестись ко всему, о чем заявлено в тексте.

«Воображаю: тихий-тихий темный-темный сад...». Вслед за этой образной картиной – звуковые образы: «в тишине едва слышатся глухие рыдания». Именно сильное чувственное переживание страданий Иисуса Христа приводит иногда к тому, что у человека, упорно сосредоточившегося на зрительном представлении ран на теле распятого Господа, появляются так называемые стигмы: кровавые язвы. Они возникают иногда у католиков и притом там, где изображены на Распятии: на ладони. В действительности же гвоздями были пробиты не ладони, а запястья, что подтверждается Туринской плащаницей. Это доказывает, что стигмы являются производными не духовного, а душевного состояния. Не случайно термином «стигма» обозначаются различные кожные язвенные заболевания, возникающие на почве истерии.

Возникает вопрос: а как же изображать апостола Петра? – Так, как это сделано в православной литературе: в ней делается акцент на раскаянии Петра. Он так страдал от своего отречения, что слезы его текли непрестанно и проделали на лице глубокие морщины. Внимание сосредотачивается на переживаниях духовного, а не душевного свойства, на состоянии своей души, а не чьей-либо. Делается акцент и на том, что за троекратным отречением и раскаянием Петра последовало его прощение, трижды подтвержденное Господом: «Паси овцы мои» (об этом – в Евангелии от Иоанна).

В России очень почитают апостола Петра. Многие мальчики получают это имя. Фамилия Петров очень распространена наравне с фамилией Иванов.

Петр 1 назвал новую, создаваемую им столицу России в честь апостола Петра Санкт-Петербургом. Апостол Петр обычно изображается с ключами от рая в руках. Так высоко стоит он в представлении верующих.

Во время господства атеизма в СССР русские люди любили этот рассказ Чехова за упоминание о Страстной пятнице и событиях, связанных с ней, закрывая глаза на все остальное. Слово «Иисус» было запретным. Многим тогда казалось пророческим, что Чехов назвал свой рассказ «Студент», а не «Семинарист». С таким названием рассказ был бы запрещен в СССР. Но ведь Чехов не мог предвидеть советских реалий. Он дал такое название, которое обезличивает духовное содержание учебных занятий Ивана. Не исключено, что это сделано и под влиянием западной, католической и протестантской, традиции, в соответствии с которой богословие изучается не в монастырских, а в университетских стенах. Теперь же надо открывать глаза на всю ту пищу, которая преподносится как духовная. Опасно, когда она таковой не является.

Главная тема произведений Чехова – одиночество человека. Писатель тщательно исследовал это состояние в самых разных проявлениях, в самых разных обстоятельствах. Он видел самое сильное мучение для человека именно в ощущении одиночества, но не понимал причину этого состояния и не видел способа избавления от него. Вот на чем следовало бы остановить свое внимание многочисленным исследователям творчества Чехова. Эта тема чрезвычайно важна вообще и особенно в наше время всеобщего разобщения вследствие духовного обнищания. В данном рассказе одиноки все – от Ивана и вдов до апостола Петра и Христа. Безутешным остался Петр. Самым утешенным оказался Иван. За один день он пережил хорошее настроение днем, мрачное – вечером, затем – задумчивость, сменившуюся ожиданием счастья. При этом ничего не изменилось вокруг него: тот же холод, та же тьма. Это свидетельствует о зыбкости настроения человека, о непредсказуемости возникновения тех или иных ощущений и об очень большой роли этих ощущений в жизни человека. Главной опасностью представляется необоснованное возникновение ощущений и придание им излишней значимости вплоть до общеисторических обобщений прошлого и будущего. Ясно, что это возможно лишь при отсутствии определенного мировоззрения, православного или материалистического: ни холоден, ни горяч.

Вспоминается беседа Базарова с Аркадием в романе Тургенева «Отцы и дети», когда молодой Кирсанов с удивлением услышал от своего старшего друга, что принципов нет, а есть ощущения. Смену ощущений Ивана читатель пережил вместе с ним, найдя пищу для размышлений о необходимости твердой мировоззренческой позиции и для героя, и для автора.

Чехов, видимо, считал, что указал на связь времен благодаря религии, тогда как в действительности он описывает благотворное действие душевного контакта и очень сильную роль ощущения. Любимым для автора этот рассказ был, наверное, именно потому, что герои нашли контакт в переживаниях. Очень немногие герои Чехова могут этим похвалиться. Как писатель-психолог Чехов должен был забить тревогу по поводу такой роли ощущения

в состоянии человека. Но этого не произошло. Значит, автором это не было осмыслено. Значит, изучая этот рассказ, как и другие произведения Чехова, необходимо отделять объективное его содержание от субъективного авторского осмысления. До сих пор проблема отделения объективно выраженной картины жизни от авторского ее толкования касалась только Льва Толстого. Надо распространить ее и на творчество Чехова.

Список литературы

1. Катаев В.Б. Чехов. М.: МГУ, 1979.
2. Кулешов В. И. Жизнь и творчество А.П. Чехова. М.: Детская литература, 1989.
3. Линков. В.Я. Скептицизм и вера Чехова. М.: МГУ, 1995.

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ОФОРМЛЕНИЯ ОПРЕДЕЛЕНИЙ СПЕЦИАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ В РЕЧИ ШКОЛЬНИКОВ

Гурдаева Н.А.

доцент кафедры русского языка, культуры и коррекции речи,
Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)
ФГБОУ ВПО «РГЭУ (РИНХ)», Россия, г. Таганрог

Данная работа посвящена вопросам речевой компетентности учащихся старших классов, а в частности анализу нарушений употребления терминов в речи школьников.

Ключевые слова: специальная лексика, термины, речь, культура речи, нарушение словоупотребления.

В настоящее время наблюдается повышенное внимание к речевой культуре человека. Это не случайно: успехи в речевом развитии во многом определяют результативность усвоения необходимой информации, создают предпосылки для активного и осмысленного участия в социальной жизни, формируют общую культуру личности. Кроме того речь человека является важнейшим, а иногда и единственным показателем его компетентности в той или иной профессиональной деятельности.

В связи с этим одной из целей процесса обучения в средней школе является формирование у школьников правильной, грамотной, логически полноценной и лаконичной речи. Большое значение имеет обогащение речи учащихся терминами и общенаучными понятиями. Любой термин всегда содержит в себе больше информации, чем общеупотребительное слово, поэтому включение специальной лексики в тексты научного стиля – необходимое условие краткости и точности изложения. По словам Ш. Балли, термины «являются теми идеальными типами языкового выражения, к которым неизбежно стремится научный язык» [1, 144]. То, насколько правильно и свободно оперирует человек специальными понятиями, принадлежащими какой-либо отрасли научных знаний, является показателем его компетентности в этой области науки.

Сложность использования специальной лексики в речи связана со спецификой самого термина. «Будучи именем понятия, научный термин не может иметь непосредственной связи с конкретным предметом. Он гипертрофированно понятен» [4, 18].

Несмотря на тесное взаимодействие языка науки и общелитературного языка, между ними существует ряд отличий лексико-семантического, нормативно-стилистического и функционального характера, которые в своё время были описаны В.П. Даниленко [3].

1) В первую очередь, это соотносительность терминов и общеупотребительных слов с различными понятиями. Термины, в отличие от обычных слов, всегда выражают специальные понятия.

2) Обычно термин моносемичен, он лишен возможности развития своей семантики, появления переносного значения.

3) Термин стилистически нейтрален, не окрашен эмоционально, неэкспрессивен.

4) Возможности свободной сочетаемости терминов ограничены, так как они выступают в составе специальных устойчивых или свободных сочетаний.

5) По сравнению со словами общелитературного языка, термины лишены проявления собственно языковых форм развития. Реализация таких семантических процессов как полисемия, омонимия, антонимия у терминов встречается довольно редко и расценивается как слабость и недостаток терминосистемы.

6) Цель термина не столько назвать понятие, сколько определить его, ограничивая рядом дифференциальных признаков, указывая назначение предметов, отмечая их функции, свойства, качества.

Слово может называться термином только тогда, когда ему наряду с номинативной присуща дефинитивная функция. Цель термина не столько назвать понятие, сколько определить его, ограничивая рядом дифференциальных признаков, указывая назначение предметов, отмечая их функции, свойства, качества. «Общеизвестно, что прежде всего слово исполняет номинативную, или дефинитивную, функцию, т.е. является средством чёткого обозначения, и тогда оно – простой знак, или средством логического определения, тогда оно – научный термин», – писал В.В. Виноградов [2,16]. Цель термина не столько назвать понятие, сколько определить его, ограничивая рядом дифференциальных признаков, указывая назначение предметов, отмечая их функции, свойства, качества.

Дефиниция (лат. Definitio – определение) логическая операция, раскрывающая содержание понятия посредством описания существенных и отличительных признаков предметов или явлений, обозначаемых данным именем.

Структуру специального понятия можно представить как сочетание определяемого имени и определяющего выражения, устанавливающего значение термина. При этом обе части должны находиться в отношении равенства, то есть иметь один и тот же денотат. Иными словами, толкование тер-

мина может быть представлено в виде тождества, в котором определяемая часть по объёму и содержанию понятия равна определяющей части.

Раскрывая содержание термина, важно указать признаки, присущие предмету или явлению, выявить отношения, в которых находится определяемый предмет или явление с другими предметами или явлениями.

Таким образом, толкование значения термина, как правило, начинается с отождествления определяемого понятия с каким-либо предметом или явлением. В дефинициях может указываться

1) родовая принадлежность понятия, например *глагол – это часть речи, которая обозначает действие или состояние предмета как процесс; фразеология – раздел науки о языке, изучающий устойчивые сочетания слов различного типа;*

2) видовой признак, присущий данному понятию, то есть характеристика, которая обозначает отличие данного предмета или явления от других подобных предметов или явлений, например, *определение – это второстепенный член предложения, обозначающий признак предмета и отвечающий на вопросы какой? который? чей? Окончание – это изменяемая часть словоформы, служащая для выражения грамматического значения и указывающая на синтаксические отношения словоформ друг к другу;*

3) генетические признаки, указывающие происхождение или способ создания предмета или явления, например, *высота – это отрезок, проведённый от вершины треугольника к его основанию и образующий при основании прямой угол.*

Определить термин – значит установить чёткие рамки его применения, ограничивая рядом дифференциальных признаков, указывая назначение предметов, отмечая их функции, свойства, качества. Отсутствие одного или нескольких существенных признаков в определении научного понятия или его чрезмерное обобщение может привести к смешению или разрушению терминов. Неоправданное включение в определение лишних признаков также ошибочно, поскольку приводит к ложному восприятию научного явления.

Важно обращать внимание также на языковые особенности толкования терминов, непосредственно связанные с лексическими и грамматическими условиями оформления мысли. Требование точности и полноты номинации, информативной насыщенности и логичности предложений обусловило, во-первых, преобладание имени над глаголом, во-вторых, соблюдение строгой последовательности расположения признаков предмета или явления от наиболее к наименее значимым для дифференциации понятия.

В ходе исследования учащимся 11-ых классов общеобразовательных школ было предложено дать толкование ряду научных понятий, знакомство с которыми включено в школьную программу по различным предметам (*сложное предложение, обособление, равенство, тождество, диаметр, радиус, система, валентность, функция, демократия, стих* и другие). Перед началом работы все участники опроса охарактеризовали предложенные слова как хорошо известные и регулярно употребляемые в речи. Однако выясни-

лось, что при толковании специальных понятий многие выпускники не способны дать полноценные определения даже хорошо знакомым терминам.

В результате только 10% определений соответствовали нормам научного употребления терминов, в остальных 90% определений были допущены ошибки различного типа, приводящие к нарушению тождества между определяемым именем и определяющим выражением:

1. Несоответствие определяемого понятия и определения: *Стих – это эмоциональное восприятие действительности. Обособление – дополнение, украшающее речь. Равенство – то, что нужно доказать.*

2. Расширение значение термина: *Система – это явление, свойственное любой науке. Диаметр – когда соединяют две точки. Демократия – историческое явление.*

3. Сужение семантики термина: *Сложное предложение – предложение, состоящее из главного и придаточного.*

4. Выдвижение на первый план второстепенных свойств явления: *Сложное предложение бывает бессоюзным, сложносочинённым и сложноподчинённым. Обособление может быть причастных и деепричастных оборотов, Демократия – была в Древней Греции.*

5. Упрощение семантики термина, точное, полное и глубокое определение понятия уступает место приблизительному, наивному толкованию: *Функция – это для чего. Обособление – отделение. Диаметр – два радиуса; отрезок, соединяющий две точки, лёжа на окружности. Расстояние от одного конца круга до другого. Радиус – расстояние от центра окружности к одной из её сторон. Тождество – это когда одна основа равна другой. Валентность – если элементы сочетаются.*

6. Нарушения грамматического оформления толкования: *Инверсия – когда нарушают порядок слов.*

Перечисленные ошибки – это примеры нарушения обязательного требования к текстам научного стиля – строгости в выборе терминов и употребления их в точном соответствии со значением. Подобные нарушения указывают не столько на качество знаний по ряду дисциплин, сколько на низкий уровень развития связной речи, на неумение правильно, точно и логично выразить собственную мысль. В процессе обучения следует обращать внимание не только на точное и уместное употребление научных понятий, но и на способность учащегося дать термину адекватное, полное и грамматически правильно оформленное толкование.

Список литературы

1. Балли Ш. Французская стилистика. – М., 1961. – С.144.
2. Виноградов В.В. Русский язык. М., 1972. 784 с.
3. Даниленко В.П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977. 243 с.
4. Суперанская А.В., Подольская Н.В., Васильева Н.В. Общая терминология: Терминологическая деятельность. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.

СПОР В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКА ОВД

Емельянова А.М.

доцент кафедры иностранных и русского языков, канд. филол. наук,
Уфимский юридический институт МВД России, Россия, г. Уфа

Сукач Т.А.

курсант, Уфимский юридический институт МВД России, Россия, г. Уфа

В статье понятие «спор» рассматривается с точки зрения необходимости изучения его теории современным сотрудником органов внутренних дел. Опытный и востребованный сотрудник должен обладать определенными навыками, чтобы успешно отстаивать свои позиции в споре с подсудимым, свидетелем, подозреваемым и другими людьми, сотрудничество с которыми неизбежно в процессе работы. В статье даётся определение понятиям «спор», «дискуссия», «диспут», «полемика», «дебаты», рассматриваются основные правила ведения спора.

Ключевые слова: спор, дискуссия, диспут, полемика, дебаты.

Спор – это обычное «бытовое» явление, с которым сталкиваются люди в разных сферах общественной жизни. Спорная ситуация может возникнуть повсюду, как между соседями по подъезду, так и в зале судебного заседания между адвокатом и прокурором. Нередко в своей деятельности со спором сталкивается сотрудник полиции. К сожалению, спор может спровоцировать конфликт, который приводит к самым нежелательным последствиям, что и должен предотвратить полицейский.

С другой стороны, опытный и востребованный сотрудник должен обладать определенными навыками, чтобы успешно отстаивать свои позиции в споре с подсудимым, свидетелем, подозреваемым и другими людьми, сотрудничество с которыми неизбежно в процессе работы.

В настоящее время в русском языке слово «спор» имеет три значения. 1. Словесное состязание, в котором каждая из сторон отстаивает своё мнение и свои позиции. 2. Взаимное притязание на владение чем-либо. Разрешается переговорами, судом и т.д. 3. Как синоним слов «соперничество, состязание, единоборство, поединок, битва» [1; 145].

Спор между людьми возник с зарождением человеческой цивилизации и с каждым этапом развития человечества преобразовывается во все более новые и совершенные виды.

В споре всегда есть победившая и проигравшая сторона. Не всегда «правда» оказывается на стороне победителя. Здесь важную роль играют факторы, зависящие от участников спора. Эти проблемы рассматривает наука – Эристика. ЭРІСТИКА, *жен.* (от *греч.* *eristike* (подразумевается *eristiketechne* – искусство спорить) – искусство спорить, полемизировать [3; 692]. Участников спора называют полемистами. Они должны заранее познакомиться с предметом спора, определить свою позицию и подобрать необходимые аргументы [4; 12].

В рамках данной статьи рассматриваются вопросы правильного ведения спора, приемы и средства ведения спора.

В современной научной, методической, справочной литературе слово *спор* служит для обозначения процесса обмена противоположными мнениями. Востребованному сотруднику ОВД необходимо понимать, что существуют разновидности словесных баталий. **Дискуссия** – это публичный спор, целью которого является сопоставление различных точек зрения и нахождение верного решения спорного вопроса. Дискуссия считается самым эффективным способом убеждения. **Диспут**. Первоначально означало публичную защиту научного сочинения, написанного для получения учёной степени. В настоящее время диспут – публичный спор на научную и общественно-важную тему. **Полемика** (с лат. воинственный) – это противоборство сторон, идей, речей т.е. борьба принципиально противоположных мнений по тому или иному вопросу. Итак, это публичный спор с целью защитить, отстоять свою точку зрения и опровергнуть мнение оппонента. **Дебаты**. Слово французского происхождения. Это обмен мнениями по конкретным вопросам. Синонимом является слово «прения» (русское слово) – обсуждение вопроса после выступлений на собраниях и конференциях [4; 12].

Современный грамотный сотрудник полиции должен иметь уже отработанный план, с помощью которого он будет отстаивать свою позицию, а также определенные правила, которые помогут не допустить ошибки, при бурном обсуждении проблемы. Основываясь на многочисленных научных исследованиях, учёные определяют следующие основные правила ведения спора:

1. Начинайте возражать только тогда, когда вы уверены, что мнение собеседника действительно противоречит вашему.

2. Сначала приводите только сильные доводы, а о слабых говорите после и как бы вскользь.

3. Опровергайте фактами, показом того, что тезис противоположной стороны не вытекает из аргументов или что выдвинутый оппонентом тезис не доказан. Можно показать ложность высказанной мысли или аргументов, опираясь на то, что, следствия, вытекающие из них, противоречат действительности. Не упорствуйте в отрицании доводов оппонента, если они ясны и очевидны.

4. Следите за тем, чтобы в ваших рассуждениях не было логических ошибок.

5. В процессе спора старайтесь убедить, а не уязвить оппонента. Исследователь спора С. И. Поварнин замечал: «Уважение к чужим убеждениям не только признак уважения к чужой личности, но и признак широкого и развитого ума».

6. Умейте сохранить спокойствие и самообладание в споре, постарайтесь найти удачное сочетание понимающей и атакующей интонации [5; 161,172].

При возникновении сложных ситуаций из затруднений можно выйти, например, с помощью встречных вопросов. Такие вопросы имеют уточняю-

щую направленность, демонстрируют неугасающий интерес к высказываниям собеседника; активизируют оппонента.

Ответы собеседника на них могут подсказать новые аспекты и оценки.

Спор – это не только область разума, логики, но и чувств. Чтобы научиться спорить, надо уметь владеть своими эмоциями, сдерживать их, когда следует, или, наоборот, возбуждать эмоции своего оппонента. Необходимо проявлять уважение к мнению вашего собеседника, нельзя говорить человеку, что он не прав. Ещё одно важное правило, о котором стоит помнить, сформулировал Дейл Карнеги: «Единственный способ одержать верх в споре – это уклониться от него» [2; 77].

Итак, спор – это явление очень противоречивое, что подтверждают слова знаменитого английского философа Ф. Бэкона: «Должно стремиться к знанию не ради споров, не для презрения других, не ради выгоды, славы, власти или других целей, а ради того, чтобы быть полезным в жизни».

Список литературы

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка: словарь. М.: Русский язык, 2000. С.145.
2. Карнеги Д. Как завоёвывать друзей и оказывать влияние на людей. Минск: Попурри, 2015. С. 77.
3. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник: энциклопедический словарь. – 2-е изд., М.: Наука, 1975. С. 692.
4. Поварнин С.И. Искусство спора. О теории и практики спора. СПб.: Лань, 2013. С. 12.
5. Стешов А.В. Как победить в споре: О культуре полемики. – 1-е изд., Л.: Лениздат, 1991. С. 161,172.

ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В СПОРТИВНОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

Зиянгиров Э.К.

аспирант кафедры русской и сопоставительной филологии,
Башкирский государственный университет, Россия, г. Уфа

В статье рассматривается роль диалогов в спортивном медиадискурсе, а также определенные речевые приемы, способствующие усилению воздействия на реципиента. На примере диалогов в телевизионных выступлениях с участием футбольного эксперта Александра Бубнова мы подробно рассмотрим ходы, применяемые им в диалогах, что позволит определить некоторые признаки, являющиеся важными для установления высокой диалогической компетенции.

Ключевые слова: диалог, телевизионная речь, дискурс, спортивный дискурс, медиадискурс, речевое воздействие.

Речевое воздействие – это воздействие на человека при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели, иными словами – с использованием сообщений на есте-

ственном языке [2, с. 5]. Иногда под понятие речевого воздействия подводят также использование сообщений, построенных средствами так называемых паралингвистических семиотических систем, к которым относятся, в первую очередь, мимика, жесты и позы (так называемая кинесика, образующая ядро паралингвистики в традиционном понимании последней); эстетические коды словесного творчества (например, стилистические коды и систему интертекстуальных ссылок); а также, в случае письменной коммуникации, средства графического оформления текста.

Чаще под речевым воздействием понимают использование особенностей устройства и функционирования перечисленных знаковых систем, и прежде всего естественного языка, с целью построения сообщений, обладающих повышенной способностью воздействия на сознание и поведение адресата или адресатов сообщения.

Одной из наиболее успешно применяемых форм средств речевого воздействия в современном спортивном телевизионном медиадискурсе является диалог. Для начала ответим на вопросы, а зачем вообще спортивным журналистам применять средства речевого воздействия вообще? Какова цель их использования?

Если говорить о журналистике в целом, то ее основные функции – это информационная, образовательная, пропагандистская, социализирующая, критики и контроля, мобилизационная, инновационная, оперативная, формирующая общественное мнение.

Средства речевого воздействия в той или иной мере позволяют усилить любую из вышеперечисленных функций. Ведь язык – это не только инструмент для передачи и хранения информации, но и средство, с помощью которого формируются новые понятия, во многом определяющие сам способ человеческого мышления. Выбор конкретных языковых средств оказывает влияние на структуру мышления и, тем самым, на процесс восприятия и воспроизведения действительности.

Переходя конкретно к задачам спортивной журналистики, нельзя не отметить, что многие из названных функций отходят на второй план или вообще исчезают. Основные функции – информационная, пропагандистская, социализирующая, формирующая общественное мнение – остаются. Ведь перед спортивной журналистикой стоят определенные задачи. Во-первых, это полномасштабное, объективное информирование аудитории обо всех событиях, происходящих в мире спорта. Во-вторых – формирование положительного общественного мнения по отношению к спорту через раскрытие и популяризацию гуманистических идеалов и ценностей. В-третьих – обеспечение циркуляции, постоянного взаимообмена достижениями между теорией и практикой спорта, повышение спортивной грамотности всех групп и категорий населения и внедрение передового опыта в занятия спортом среди вовлеченных в него людей. Наконец – активное участие в управлении спортом, в разработке и организации спортивных мероприятий разного уровня и значения.

Специфика современного спортивного телевидения такова, что частота использования диалогов возрастает. Такой прием лежит и в основе работы дуэтов спортивных комментаторов, и в основе интервью, а также при парном ведении телепередачи. Тенденция к увеличению частоты использования диалогов обусловлена тем, что зрителю интереснее воспринимать общение нескольких людей, нежели монологическую речь. Наличие прямого собеседника, зачастую, помогает говорящему более четко донести свою мысль до широкой аудитории.

Но далеко не каждый диалог будет интересен зрителю. В данной статье мы рассмотрим интересные ходы, применяемые в диалогах известным футбольным аналитиком, выступающим как на радио, так и на телевидении, Александром Викторовичем Бубновым. Программы с участием Бубнова собирают достаточно внушительную аудиторию. Это не в последнюю очередь связано с высокой диалогической компетенцией Александра Викторовича.

Как правило передачи строятся по следующему принципу. Журналист задает вопрос или тему, содержащие определенный тезис, а Бубнов, выступающий в роли эксперта, этот тезис подтверждает или опровергает.

При этом, важно заметить, что обращаясь к ведущему, Бубнов нередко проецирует свои мысли на всю аудиторию. **«Я тебе говорю**, после игры все российские тренеры благодарят их...»

Благодаря эмоциям и особенностям интонации Александра Викторовича, при использовании подобных обращений реципиент ощущает себя на месте соведущего. Потому можно считать речь Бубнова диалогической. Следовательно, в ней можно выделить определенные средства воздействия, делающие дискурс эксперта столь привлекательным для реципиента.

Описание некоторым ходам, используемым в диалогах, дал нидерландский лингвист Тён ван Дейк [1, с. 297]. Он выделяет следующие: **Ход «обобщение»**. То есть, говорящий подчеркивает, что произошедшая ситуация – это не просто единичный факт, а составная часть некоей закономерности. Отвечая на вопрос о проведенной футбольным клубом «Спартак» селекции во время трансферного окна, Бубнов заключает: **«В целом же селекция у «Спартака» в последние годы довольно бессистемная.»**

Ход «приведение примера». Один из наиболее часто употребляемых Бубновым ходов. Во многих случаях свои слова он подтверждает примерами. В следствие этого предмет речи эксперта становится для зрителей более близким и понятным. Так, мнение о том, что сборная России не является фаворитом в отборочной группе к Чемпионату Европы, и соперники очень сильны, Бубнов подтверждает следующим примером: **«Возьмите Австрию**. Алаба играет в «Баварии», есть ярко выраженная звезда, есть другие футболисты, играющие в Бундеслиге. ... **В сборной Швеции** есть ярко выраженная звезда – Ибрагимович. Есть Гранквист – капитан «Краснодара», бывший игрок «Дженоа». **Вот какие игроки есть** в команде наших соперников» [3].

Ход «усиление». Эмоциональное высказывание, направленное на повышение внимания, как со стороны собеседника, так и со стороны зрителей. «Спартак» оставляет против Мусы Брызгалова один на один. **Это же надо**

додуматься!» Эмоционально окрашенная концовка высказывания содержит в себе аттрактивный посыл, который наиболее запоминается зрителям.

Ход «сдвиг». То есть элементы положительной самопрезентации. **«Мне в общем-то всё равно**, но мы же все хотим, чтобы наша сборная сильная была!» С помощью первой части этого сложного предложения Александр Викторович словно отделяет себя от массы, таким образом, отодвигая от себя возможную ответную реакцию на критические высказывания и претензии в какой-либо предвзятости. Сюда же можно отнести такую речевую стратегию, как **«апелляция к авторитету»**. В качестве яркого примера приведем отрывок из дискуссии, возникшей между Бубновым и комментатором Александром Шмурновым во время одного из эфиров программы «Удар головой» на телеканале «Россия 2» [4].

Шмурнов: Александр Викторович, ответьте мне, как можно оценивать отдельного игрока вне связи с командой и с реальным футболом, который команда показывает?

Бубнов: (обращаясь к ведущему и зрителям): Вот Шмурнов, Шмурнов, **попёр сейчас знаешь на кого?** Он на меня думает, что попёр! **Он попёр на Бескова с Лобановским!** (обращаясь к Шмурнову): Ты что, с ума сошёл что ли? (смех в студии)

Ход «контраст» – один из самых действенных приемов в дискурсе Бубнова. Особенно интересна заочная полемика эксперта с футболистом сборной России Романом Широковым [5]. **«Рома, Хави в 10 раз тебя больше делает передач вперед, в 10 раз тебя больше обостряет, в 10 раз тебя больше забивает, и он на шести процентах брака играет, а ты на сорока.»** Речь Бубнова настолько диалогична, что он использует обращение к Роману Широкову, который не принимает участия в передаче. Сам по себе прием сравнения очень сильно привлекает аудиторию, так что языковые конструкции, направленные на создание яркого контраста, которые мы видим в данном примере, в сочетании с повышенной эмоциональной окраской и инверсией делают ход по-настоящему действенным.

Обращаясь к данным выше примерам, можно утверждать, что уровень диалогической компетенции, достигаемый путем использования речевых ходов и стратегий, является достаточно высоким. Из чего можно сделать вывод, что диалог, при использовании его преимуществ – это одно из самых действенных средств речевого воздействия в медиадискурсе вообще и в спортивном медиадискурсе в частности.

Список литературы

1. Ван Дейк Т. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. / Сост. В.В.Петрова; Под ред. В.И.Герасимова; Вступ. ст. Ю.Н.Караулова и В.В.Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 294-300. Пер. О.А.Гулыги.
2. Стернин И.А. Основы речевого воздействия. – Изд.2, испр. – Воронеж: «Истоки», 2012. – 178 с.
3. Бубнов А. В. С какой дури мы считали сборную России фаворитом группы// Sovsport.ru. URL: <http://spb.sovsport.ru/news/text-item/814924> (дата обращения: 13.03.2016)

4. Видеохостинг Youtube, отрывок записи программы «Удар головой». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vC7jzt63qaA> (дата обращения 13.03.2016).
5. Видеохостинг Youtube, отрывок записи программы «Удар головой». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=VUqC3sVIHuo> (дата обращения 13.03.2016).

КОММУНИКАТИВНЫЕ КЛИШЕ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Камышинская А.Е.

ассистент кафедры английского языка и методики преподавания,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Федорова И.А.

ст. преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье описывается роль коммуникативных клише в современной лингвистике; раскрываются их характерные особенности; дается понятие и классификация клише на основе этапов их высказывания.

Ключевые слова: коммуникативные клише, стереотипные выражения, единица общения.

Устная речь по своей природе активна и очень динамична, она характеризуется высокой степенью автоматизации и ситуативной контекстной обусловленностью. Это свойство устной речи заставляет нас использовать готовые, стандартные выражения, обычно воспроизводимые в момент говорения. Другими словами, определенная ситуация рождает и определенные речевые формулы, «...наличие таких речевых формул нормально, необходимо и позволяет поставлять относительно общезначимую и общепонятную информацию» [2, с. 172].

В современной лингвистике большое внимание уделяется проблеме готовых, стереотипных выражений, будь то фразеологизмы, поговорки, пословицы, идиомы, крылатые выражения и т.д. К таким стереотипным выражениям, служащим для образования текста относятся и речевые клише.

Термин «клише» (фр. cliché) был введен французской лингвистической школой. Лингвистический энциклопедический словарь определяет его как «нейтральное понятие, имеющее информативно-необходимый характер и относящееся к целесообразному применению готовых формул в соответствии с коммуникативными требованиями той или иной речевой сферы» [3, с. 588-589]. Многие из лингвистов выделяли такие основные характеристики клише, как связь готовых формулировок с конкретными ситуациями, их воспроизводимость в готовом виде, устойчивость формы, частотность употребления и соотнесенность клише с единицами языка и единицами речи. Проанализировав

различные коммуникативные клише, можно подразделить некоторые из них согласно этапам высказывания:

1) *клише, начинающие высказывания* (Let's make a start. Давайте начнем; I'd like to begin with... Я бы хотел начать с...; I'd like to point out at the beginning of our conversation that... В самом начале нашего разговора, я хотел бы отметить, что...; Let's talk briefly about... Давайте поговорим вкратце о...);

2) *клише, продолжающие разговор* (Let's move to another question. Давайте перейдем к следующему вопросу; There's one more thing I'd like to add... Я бы хотел добавить еще одну вещь...; And now let's turn to... А сейчас перейдем к...);

3) *клише, выражающие свое мнение* (In my opinion/to my mind/in my view ... По-моему мнению...; Frankly speaking... Откровенно говоря...; As far as I am concerned... Что касается меня, то...; Personally I think that... Лично я думаю, что...; The way I see it... То, как я понимаю это... и т.д.);

4) *клише, выражающие противоположную точку зрения* (On the other hand/another thing is that... С другой стороны...; There is another point of view to this. Есть и другая точка зрения на это;);

5) *клише согласия/несогласия* (I agree with you. Я согласен с Вами; I'm of a different opinion. У меня другое мнение; I'm sorry but that out of the question. Извините, но это не обсуждается);

6) *клише, которые проясняют ситуацию и акцентируют внимание* (Nobody would deny the fact that... Никто не станет отрицать тот факт, что...; One of the things that becomes obvious is... И одна из тех вещей, которая становится очевидной – это...; It must be admitted that... Необходимо признать, что...);

7) *клише, с помощью которых можно привести примеры, факты* (One example of this is... Одним из примеров может быть...; Let me give you an example ... Позвольте привести пример...; Look at the case of... Давайте посмотрим на случай...; For example/for instance... Например...);

8) *клише, завершающие высказывания* (To draw to the conclusion I'd like to say that... В завершение хотел бы сказать, что...; Summarizing all said above, we must say that... Подытоживая все вышесказанное, мы должны сказать, что...; I'd like to make a conclusion that... Я хотел бы сделать вывод, что...).

Таким образом, приведенная выше классификация клише позволяет говорить о существовании отдельного пласта единиц в общем арсенале языковых средств современной лингвистики, где клише – это информационно важная единица общения.

Изучая иностранный язык, научиться быстро и корректно формулировать свои мысли достаточно сложно, поэтому речевые клише выполняют в повседневном общении роль словесных опор, с помощью которых «создается поэтапная модель разговора, где этапы могут как следовать друг за другом, так и перемежаться в зависимости от конкретных целей собеседников и даже

смешиваться, например, на уровне основной части разговора, поскольку общение – очень подвижный процесс» [1, с. 64].

Следовательно, помимо того, что речевые стандарты придают нашей речи грамотности, делают ее красивой и понятной для других, они являются необходимым условием для успешной коммуникации на всех ее этапах.

Список литературы

1. Власова А.В. Речевые клише французской разговорной речи в коммуникативно-прагматическом аспекте: фреймы фрагмента входа в общение: дис. ... канд. фил. наук. Нижний Новгород, 2008. 177 с.
2. Дридзе Т.М. Ассоциативный эксперимент в конкретном социологическом исследовании // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. 216 с.
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Языкознание. Гл. ред. В.Н. Ярцева. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1998. 684 с.

СЕМАНТИКА ОБЪЕДИНЯЮЩЕГО КОМПОНЕНТА ЗЕВГМАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ

Камышинская А.Е., Сахарова О.С.

ассистенты кафедры английского языка и методики преподавания,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Федорова И.А.

ст. преподаватель кафедры английского языка и методики преподавания,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

В статье рассматривается зевгма как выразительное средство языка, состоящее из объединяющего компонента и компонентов расширения. Объединяющий компонент, в свою очередь, выступает в роле ядра и может выражать одно значение или несколько оттенков одного значения, а также несколько значений одновременно.

Ключевые слова: зевгма, семантика, объединяющий компонент, значение.

Зевгма является выразительным средством языка, в основе которого лежит отсутствие логически требуемых компонентов речи. Зевгма определяется как группа из нескольких совпадающих по функции элементов, объединенных одинаковым синтаксическим отношением к подчиняющему их слову или предложению [1, с. 258]. Зевгму учитывают, когда предметом исследования являются игра слов и вообще комическое, прием перечисления, окказиональное сочинение, синтаксическая конвергенция семантические сдвиги.

Говоря о семантическом аспекте зевгмы, следует определить, что речь идет о смысловых отношениях, которые связывают минимум три компонента высказывания: ядро с каждым из двух звеньев зевгматической цепочки и отдельные звенья друг с другом. Существенны все три семантические связи внутри зевгмы, все они охватываются при восприятии одновременно, нерас-

члененно. Ядерное слово выступает в роли некоего общего узла, соединяющего два разных изомонических плана, к которым принадлежат два звена зевгматической цепочки. Более или менее искусно создаваемая контекстом принадлежность ядерного слова к двум различным изотопиям составляет неперемненное условие построения зевгмы. Возникающая при этом одновременная актуализация двух значений представляет собой частный случай гиперсемантизации, свойственной художественной речи [2, с. 62]. Функция стилистического контекста состоит не в том, чтобы иметь многозначность, – это функция лингвистического контекста, а, напротив, в том, чтобы добавить новые значения, завися от комбинаторных приращений смысла [1, с. 75]. Во многих случаях речь может идти не о разных значениях ядерного слова, а лишь о каких-то тонких, едва уловимых смысловых нюансах лексико-семантических вариантов.

Семантические связи, соединяющие между собой отдельные звенья зевгматической цепочки, основаны на резком отклонении от нормы. Если однородные члены предложения однородны не только грамматически, но и семантически, обозначая вещественно сходные денотаты, то зевгматическая конструкция предполагает, при соблюдении правил грамматической когерентности, нарушение когерентности текста [2, с. 62-63]. Рассмотрим семантику объединяющего компонента зевгматических построений.

Эмоционально-экспрессивный эффект, вызванный зевгмой, может быть связан с семантикой объединяющего компонента и присоединяемого сочинительного ряда [3, с. 73]. Объединяющий компонент конструкции выступает в роли общего элемента, сочленяющего два (или больше) изотопических плана, в котором активизируются:

- а) едва уловимые семантические нюансы одного значения;
- б) словарно зафиксированные разные значения языковой единицы, причем каждое значение соотносится только с одним из компонентов цепочки.

а) При анализе объединяющего компонента, реализующего одно значение, удалось выявить два его типа:

1) Единица, выражающая один оттенок значения относительно всех членов паратаксического ряда, как, например, в следующем предложении: This passenger had the eager, inquiring eve and the long prehensile nose of a certain subspecies of the genus Yankee, of which he was a perfect specimen [4, с. 55].

В рассматриваемом примере в роли объединяющего компонента выступает языковая единица «to have», выражающая значение «обладать умственными (душевными) качествами или физическими чертами» относительно компонентов «the (eager, inquiring) eye» и «the (long prehensile) nose», объединенных сочинительными отношениями.

2) Вторым типом объединяющего компонента является единица, в которой реализуется несколько оттенков одного значения, как, например, в предложении типа: “You boys look around you,” Harlen shouted, ignoring Floyd and the wind [6, с. 15].

В представленном примере объединяющий компонент выражен языковой единицей «to ignore», имеющей значение «не обращать внимания, не замечать».

б) В некоторых случаях объединяющий компонент зевгматической конструкции, выражающий несколько значений одновременно, может быть представлен двумя типами их сочетаний, т.е. как единица, в которой актуализируются

1) два лексических значения (главное/второстепенное; прямое/переносное, словарно зафиксированное/авторское и т.д.): A few minutes and a substantial check later, we were headed home with the bowl [5, с. 27].

В данном случае в объединяющем слове «later» совмещаются два разных значения. Одно из них является словарно зафиксированным и означает в сочетании с языковой единицей «a few minutes» – «спустя несколько минут». Как правило, слово «later» вступает в синтагматические отношения с единицами, относящимися к понятийной области «время». Таким образом, структура «a few minutes later» является исходной, составляя базу для появления аналогичной структуры «a substantial check later», в которой слово «later» приобретает иное контекстуальное значение и в сочетании с элементом «a substantial check» обозначает «потратив приличную сумму денег», причем косвенно все же выражая прошествие определенного промежутка времени.

2) объединяющий компонент зевгматической конструкции может одновременно выражать лексическое и фразеологическое значения: I'll carry Mr. Frodo up myself, if it breaks my back and heart [7, с. 266].

В объединяющем слове «breaks» происходит наложение двух совершенно разных по характеру значений: лексического и фразеологического, каждое из которых соотносится только с одним компонентом координированной цепочки. Глагол «to break» в своем лексическом значении «ломать» соотносится с элементом «back», образуя свободное сочетание «to break one's back», на которое накладывается фразеологическое единство «to break one's heart», обозначающее «огорчать кого-либо», где слово «break» выступает в роли глагольного компонента.

Таким образом, проанализировав примеры, приведенные выше, мы можем сделать вывод о том, что объединяющий компонент зевгматической конструкции может выражать одно значение или несколько оттенков одного значения, а также несколько значений одновременно.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов – 4-ое изд., испр. и доп. М: Финита: Наука, 2002. 384 с.
2. Береговская Э.М. Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. 1985. № 5. С. 59-67.
3. Лукьянов С.А. О классификации зевгматических конструкций // Филологические науки. 1993. № 1. С. 70-79.
4. American Short Stories. Glenview: Scott, Foresman, 1990. 791 p.
5. Bombeck E. Four of a Kind. N.Y.: Mc Graw-Hill, 1991. 604 p.
6. King T. Medicine River. Toronto: Penguin, 1991. 261 p.
7. Tolkien J. The Fellowship of the Rings. N.Y.: Ballantine, 1978. 527 p.

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОМПОНЕНТА «ЖИВОТНЫЕ» В АССОЦИАТИВНОМ ПОЛЕ КОНЦЕПТА "ДЕТСТВО" В РУССКОЙ И АНГЛИЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ (НА МАТЕРИАЛЕ ЖЕНСКОЙ МЕМУАРИСТИКИ КОНЦА 19 – НАЧАЛЕ 20 ВВ)

Киселева И.А.

преподаватель кафедры иностранных языков № 3,
Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова,
Россия, г. Москва

Данная статья рассматривает репрезентацию концепта "детство", а именно его компонента "животные" на материале женской мемуаристики конца 19 – начала 20 вв. Исследование осуществляется на основе компаративного анализа вербализации данного компонента в авторских ассоциативных полях и их последующего сравнения со стандартными ассоциативными полями, смоделированными на основе данных русских и английских ассоциативных словарей. Произведенный анализ выявляет существенное совпадение английского авторского поля со стандартом, и значительные расхождения русской авторской вербализации поля.

Ключевые слова: концепт, ассоциативное поле, компаративный анализ, диахронный подход.

Изучение когнитивных аспектов языка позволяет выявить национально-культурную специфику, что и объясняет постоянно растущий интерес к исследованиям концептосфер различных лингвокультур.

Наша работа будет посвящена изучению репрезентации концепта детства в женской мемуарной прозе конца 19 – начала 20 вв. Выбор именно этого концепта неслучаен: детство представляет собой один из значимых и универсальных ментальных конструкторов в языковой картине мира любого народа, так как именно в этот период человек усваивает опыт социальной среды и начинается его формирование его личности [2].

Концепт "детство" является сложным конструктором, в состав которого входят многие базовые элементы, такие как семья, природа, друзья и др. [3].

В рамках данной статьи мы ставим целью выявить степень вербализации элемента "животные" в ассоциативном поле концепта "детство". В нашем исследовании мы установим насколько данный компонент вербализован в ассоциативных полях, составленных на материале ассоциативных словарей русского и английского языков, а также рассмотрим его репрезентацию в произведениях женской мемуарной прозы.

Материалом исследования послужили произведения Этель Смит *Impressions That Remained* и Анастасии Алексеевны Вербицкой «Моему читателю».

Принадлежность авторов к одной исторической эпохе (Э. Смит родилась в 1858 г., А.А. Вербицкая в 1861 г.) делает возможным произвести синхронный сопоставительный анализ репрезентации концепта в их мемуарах.

Кроме того, сравнение авторских полей со словарными представляет диахронную часть нашего исследования, т.к. воспоминания о детстве отно-

сятся к 60-70 гг. 19 столетия, в то время как ассоциативные словари были составлены во второй половине 20 века.

Для начала построим русское и английское поля по результатам ассоциативных словарей русского и английского языка на слово-стимул «детство»/childhood.

Ассоциативный словарь английского языка (Associative Thesaurus of English) дает 54 ассоциата на слово-стимул childhood: youth (6), happy, memories (5), infancy (4), adolescence, boy, dreams, good, happiness, parents, play, school, young (3), dream, fun, home, memory, nice, past (2), adult, again, age, anxiety, brother, children, days, dogs, dreamer, fairies, father, fears, forgot, games, growth, hate, heathen, infant, innocence, kid, life, man, mine, mother, mummy, nine, pleasant, shoes, small, summer, sun, wordsworth (1) [7].

На основе данных словаря построим английское ассоциативное поле (ААП) концепта (рис. 1).

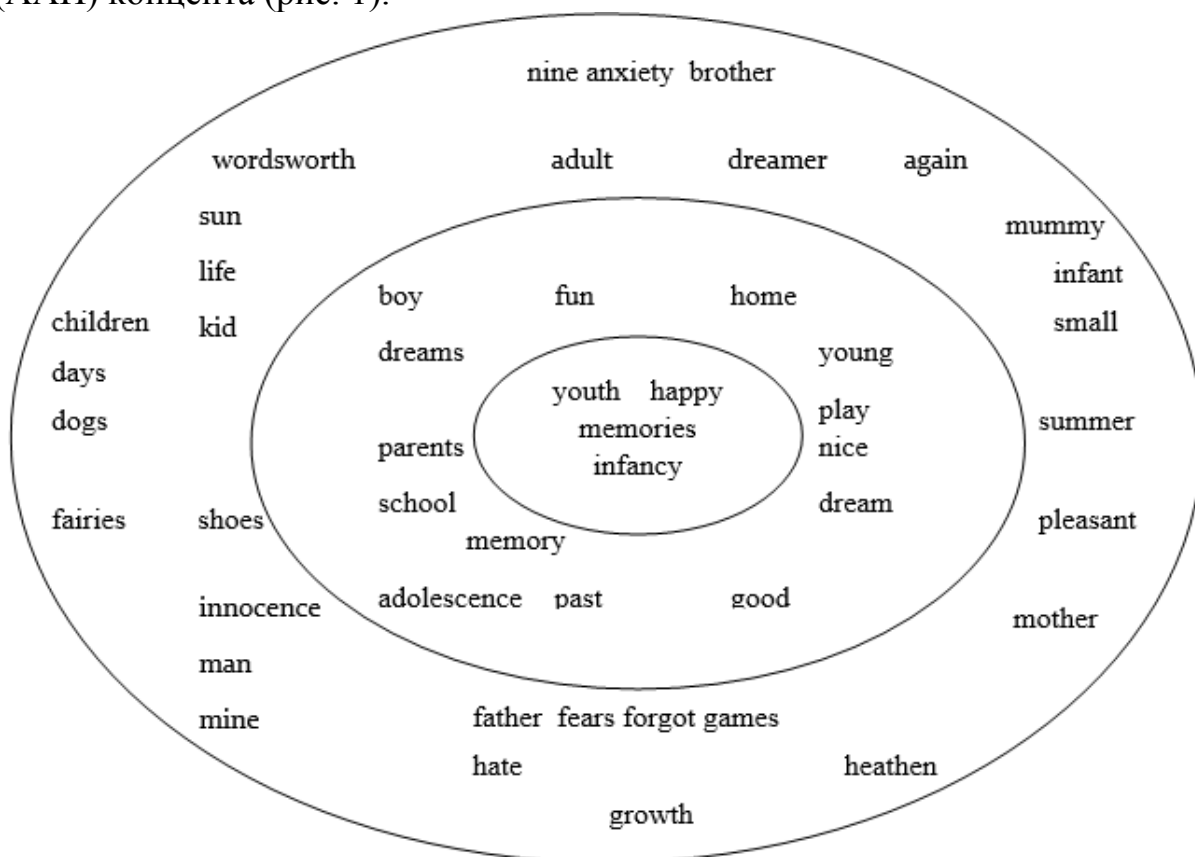

Рис. 1

Итак, элемент "животные" представлен ассоциатом dogs, находящимся на периферии поля. Наличие подобного ассоциата говорит о распространенности домашних питомцев в Великобритании, поэтому детство неизбежно ассоциируется с ними. Кроме того, учитывая известную любовь англичан к домашним животным, появление этого компонента в поле вполне ожидаемо. По наблюдениям многих исследователей кошка или собака являются для англичанина любимым членом семьи, самым преданным другом [5].

Обратимся к русскому ассоциативному полю (РАП) концепта. В «Русском ассоциативном словаре» представлены 53 разнообразные реакции на

слово-стимул «детство», 39 из которых являются единичными: счастливое (14), трудное (11), прошло (10), юность (7), тяжелое (6), отрочество, Темы (4), босоное, светлое (3), беззаботное, Никиты, отрочество=юность, раннее, хорошее (2), безбедное, блаженство, в деревне, возраст, воспоминания, впал, вспоминать, давно, дворовое, деревенское, дом, жаль, забыть, 1заиграло, золотое, и юность, Ильича, кокетство, лето, милое, мое, молодой, море=солнце, мороженое, отличное, отрочество и юность Толстого, песочек, праздник, проходит быстро, радостное, сладкое, сложное, солнце, угол, хорошая пора, хорошо, чистое, это было давно, яблонька (1) [4].

На основании данных словаря построим ассоциативное поле концепта (рис. 2).

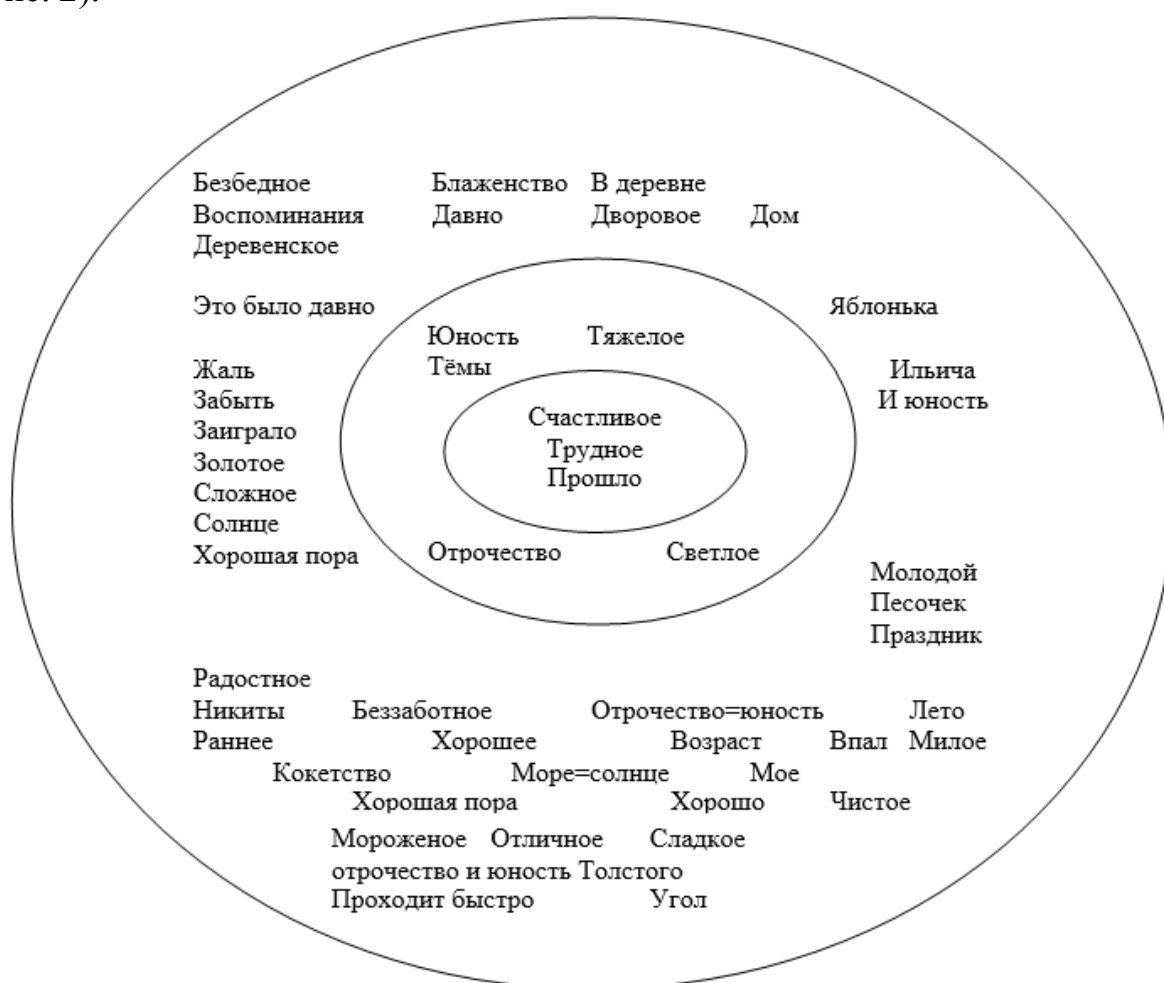

Рис. 2

Очевидно, что в русском сознании детство предстает как неоднозначный период жизни: с одной стороны, оно счастливое, светлое, беззаботное, хорошее и т.п., с другой — трудное, тяжелое (причем два последних ассоциата находятся в ядре и околоядерной части). Однако, несмотря на многообразие элементов поля, компонент "животные" нами не был выявлен. Поле представляется большей частью прилагательными, несущими в себе оценочный компонент, что свидетельствует о восприятии детства больше на эмоциональном уровне. Это качественно отличает русское ассоциативное поле от английского, представленного в основном именами существительными.

В мемуарах *Impressions That Remained* периоду детства посвящено достаточно обширное описание, занимающее 11 глав (37 878 слов) [8]. В ходе исследования из данного отрывка текста были отобраны слова, описывающие животных. Для удобства они были сгруппированы по определенным категориям. Для большей репрезентативности результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1

Категория	Репрезентация в тексте	Количественное выражение	Общее число репрезентаций
Domestic animals	Paddy	4	27
	Alma	1	
	Horse	5	
	A black donkey	1	
	Donkey	3	
	Donkeys	2	
	Horses	4	
	Our horses	2	
	His horse	2	
	Broughham horse	1	
	Coal-cart horse	1	
	A Chestnut horse of his	1	
Pets	Cat	4	10
	Cats	1	
	Dog	2	
	Kitty	2	
	Fox terrier	1	
Farmyard Animals	Cow	3	18
	Jersey cow	2	
	The Jersery	1	
	Our cows	1	
	Hens	1	
	Poor cow	1	
	Poor cows	1	
	Cows	2	
	Brute	2	
	Baby chickens	1	
	Pig	2	
	Calf	1	

Данные исследования показывают, что наиболее частотной является категория *Domestic Animals*, в которую, в основном, входят лексемы, обозначающие лошадей. Подобная ситуация, возможно, объясняется тем, что вся жизнь отца автора была неразрывно связана с этими животными: до Великого индийского восстания 1857 г. он служил в конной артиллерии, а после возвращения в Англию был определен на службу в артиллерийский учебный

центр. Кроме того, отец был знатоком лошадей (my father, who had an eye for a horse) [8, с. 53]. Отрывок воспоминаний, посвященных детству, описывает много забавных случаев с лошадьми (поездки в семейном ландо, обучение верховой езде и т.п.). Второй по частотности является категория Farmyard Animals, представленная лексемами, относящимися, в основном, к домашнему скоту (коровы, свиньи и т.п.). Возможно, это обусловлено переездом семьи в новый дом рядом с деревушкой Фримли. По словам автора, к ужасу некоторых гувернанток вся семья принимала живейшее участие в жизни скотного двора (дети и родители бегали посмотреть на новорожденного теленка, наблюдали за тем, как кошка выращивали цыплят, оставшихся без матери и т.п.) [8, с. 76].

Наименее частотной категорией является Pets, что достаточно неожиданно. Интересно отметить, что в семье было несколько домашних питомцев (кошек), однако в мемуарах Этель Смит им отводится всего лишь несколько упоминаний. Наиболее яркие воспоминания о животных связаны с лошадьми, что, возможно обусловлено многочисленными приключениями автора вместе с ними (когда Этель Смит училась ездить верхом, то, запутавшись в седле, она некоторое время ехала вверх ногами, головой почти касаясь земли) [8, с. 6-7].

Для наглядности построим индивидуальное английское ассоциативное поле (ИААП) без учета категорий (рис. 3).

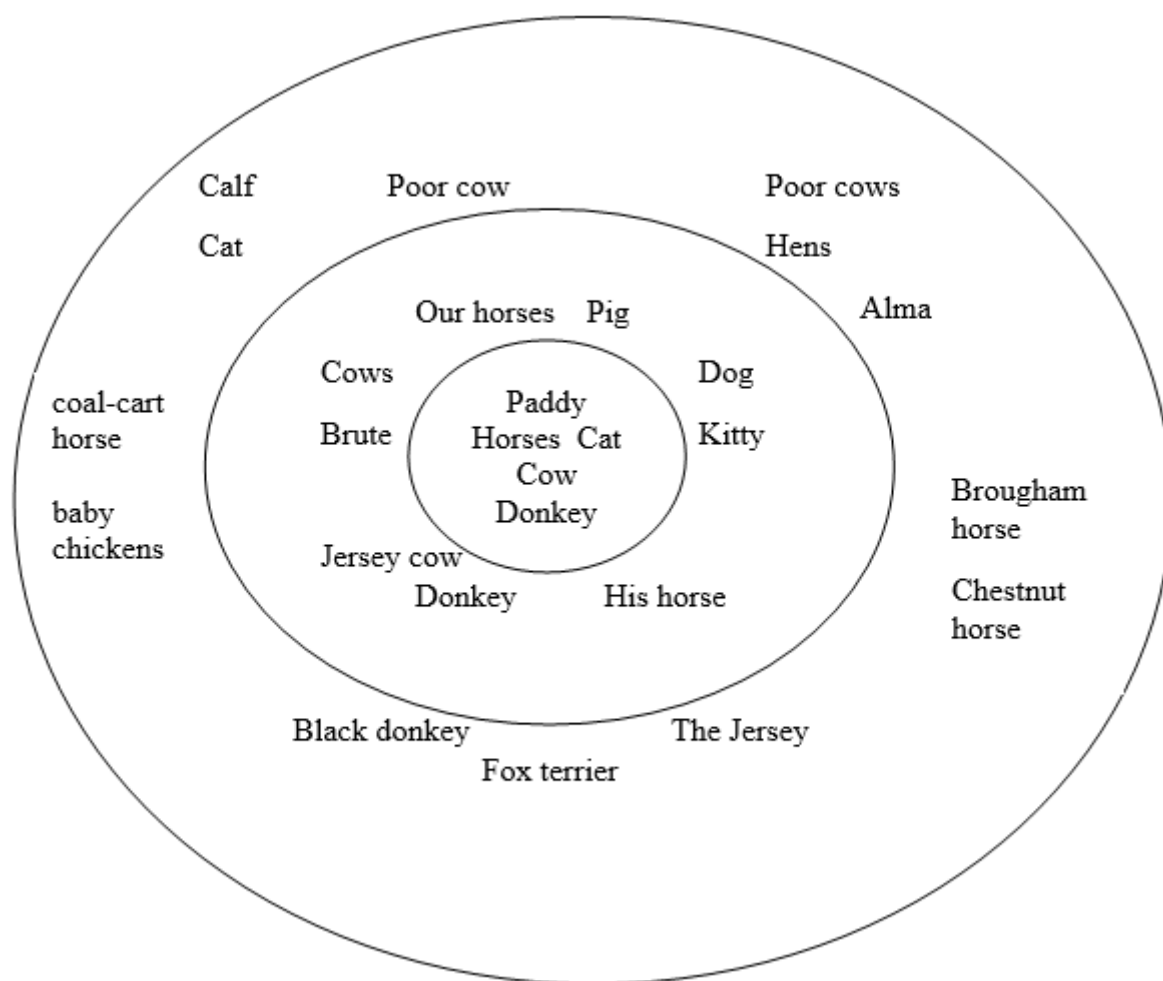

Рис. 3

Итак, ядерная часть ИААП состоит из лексем, представляющих все три категории, что свидетельствует о том, что все животные играли важные роль в детстве автора, и все они оставили яркие воспоминания детства. Однако, отметим, что Horse тем не менее остается самой частотной лексемой, указывая на определенное несоответствие между данными словарного поля и авторского.

В мемуарах А.А. Вербицкой воспоминаниям детства посвящен весь первый том (272 страницы). Выбрав элементы, относящиеся к категории "животные", представим результаты в табл. 2 для большей наглядности:

Таблица 2

Категория	Репрезентация в тексте	Количественное выражение	Общее число репрезентаций
Домашние питомцы	Полкан	12	67
	Угрюм	17	
	Цербер	14	
	Руслан	12	
	Васька	7	
	Негрик	2	
	Гнедая	3	
Животные	Пес	6	57
	Собака	12	
	Собаки	4	
	Лошади	4	
	Кошки	4	
	Кот	3	
	Пудель	3	
	Плебей	2	
	Псы	2	
	Котик	2	
	Умное животное	2	
	Зверь	2	
	Братья	2	
	Животные	1	
	Щенки	1	
	Кошка	1	
	Чудовище	1	
	Милое животное	1	
	Котишка	1	
	Песик	1	
	Собачка	1	
	Угрюмый одинокий друг	1	

Представим результаты в виде ассоциативного поля (рис. 4).

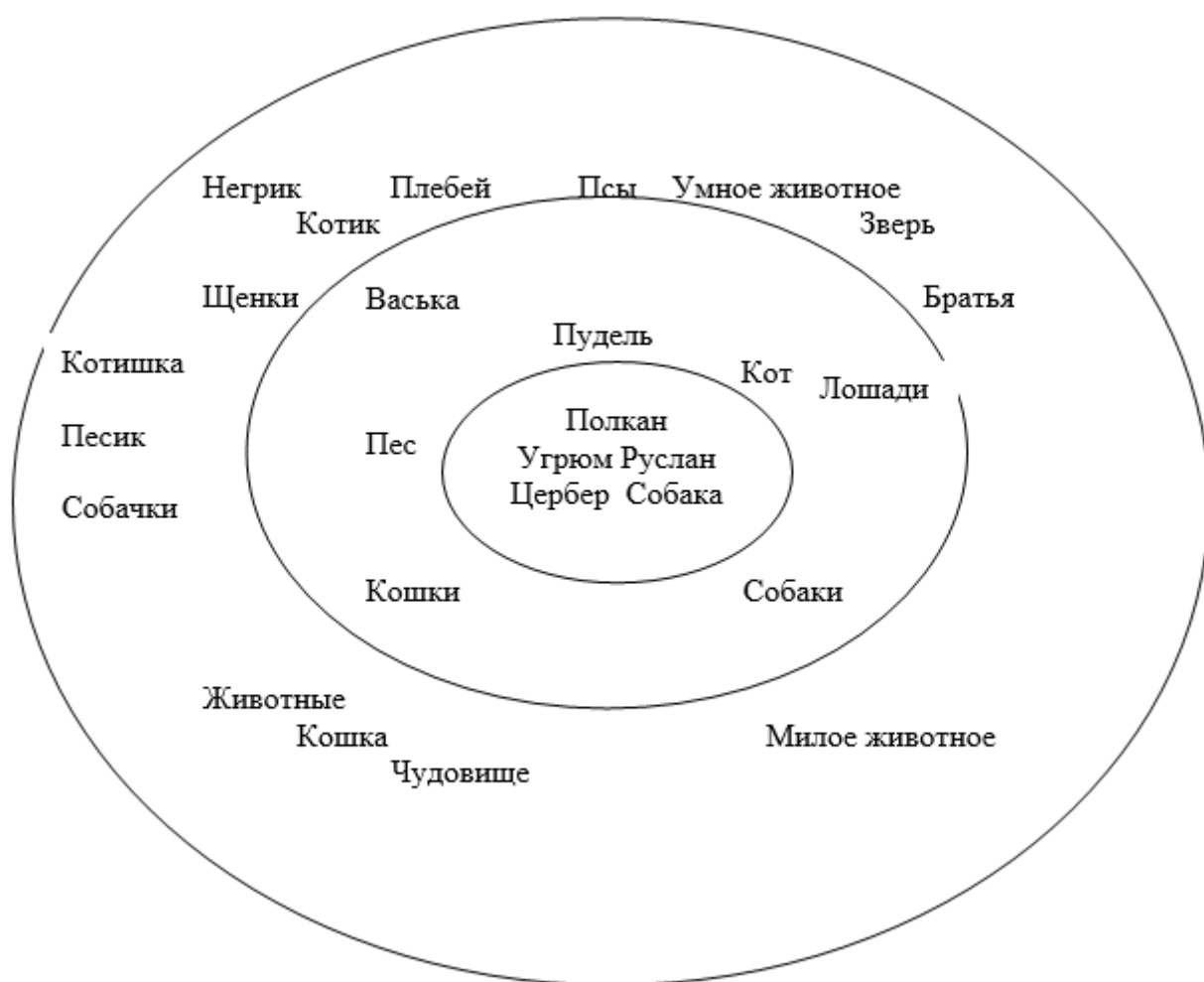

Рис. 4.

Сразу отметим преобладание лексем, обозначающих домашним домашних питомцев, и отсутствие элементов, относящихся к деревенским животным, что, возможно, объясняется проведенном по большей части в городе детством.

Однако, несмотря на то, схожие жизненные ситуации (переезд семей в деревенскую местность: семья Смитов переехала в район Фримсли, родители А.А. Вербицкой продали дом в Воронеже и переехали в подмосковное имение Шпилево), в русских воспоминаниях не появляется тема деревенских животных. Возможно, это происходит потому, что большую часть времени автор проводила в Елисаветинском институте в Москве и в Шпилево приезжала только не летние каникулы. Кроме того, по словам автора "деревня меня мало интересовала" [1, с. 210].

В ядерной части ИРАП находятся лексемы, обозначающие клички собак, любимых питомцев автора. Периферия и околожерная часть представлены номинациями животных. Примечательно, что автор часто говорила о животных, давая им оценочную характеристику (умное животное, милое животное), используя уменьшительно-ласкательные формы (котик, котишка, песик, собачки), что свидетельствует об особом отношении автора к животным и их значительной роли для А.А. Вербицкой в этот период времени. По словам автора "эти привязанности вносили много красок в мою жизнь"

[1, с. 44]. Даже свою первую поэму "Дон-Жуан" А.А. Вербицкая посвятила своему "другу Полкану" (их страшной сторожевой собаке), дружба с которой стала "радостью жизни" [1, с. 48, с. 74].

Сравнение ИААП и ИРАП показывает, что последнее обладает большей эмоциональной окраской (оценочные прилагательные, уменьшительно-ласкательные формы). ИААП в значительной степени номинативно, оно больше перечисляет животных, окружавших автора в детстве. ИРАП помимо животных также отражает авторское отношение к ним, такие единицы как "собачки", "песик" и др. говорят об эмоциональной привязанности автора и безмерной любви к животным.

Таким образом, можно констатировать появление компонента "животные" в русском авторском поле, что указывает на значительную индивидуализацию вербализации концепта "детство", словарное поле которого не содержит данного компонента. Подобное отличие может быть объяснено "исключительной любовью" автора к животным [1, с. 44]. Так, по ее словам, перед отъездом в институт она "жалела отца да больше всего кота Ваську и Полкана" (их дворовую собаку) [1, с. 90].

Интересно отметить, что подобное ассоциативное поле было бы более ожидаемо в воспоминаниях английского автора, так как англичане известны своей любовью к домашним животным. Кроме того, компонент *dogs* находится на периферии ААП, поэтому вполне логично было бы ожидать увидеть насыщенную репрезентацию этого компонента в мемуарах английского автора.

С учетом отсутствия компонента "животные" в РАП насыщенное и эмоциональное авторское ассоциативное поле достаточно неожиданно, в чем и заключается большая степень индивидуализации ассоциативного поля концепта "детство".

ИААП достаточно подробно представляет компонент "животные", однако в ядре поля оказывается категория *Domesitic Animals*, а не *Pets*, что можно объяснить особенностями жизни автора в детстве (жизнь в деревенской местности, увлечение отца лошадьми и т.п.).

Таким образом, результаты нашего сопоставительного анализа авторских репрезентаций компонента "животные" и их сравнение со стандартными ассоциативными полями на слово-стимул "детство"/*childhood* выявили вполне ожидаемую вербализацию компонента в английском авторском поле и совершенно не совпадающий с данными русского ассоциативного словаря, обширно вербализированный компонент в русском авторском поле.

Список литературы

1. Вербицкая А.А. Моему читателю: Автобиографические очерки с портретом автора и семейными портретами (Детство, годы учения). М.: Типо-лит. т-ва И.Н. Кушнерев и Ко., 1911. 282 с.
2. Киселева И.А. Репрезентация концепта «семья» в ассоциативном поле концепта «детство» в русской и английской лингвокультурах (на материале женской мемуаристики конца 19 – начала 20 вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С.197-208.

3. Лебедева М.Ю. Концептуальное поле "Детство" и его репрезентация в русском языке: дисс. Канд.фил.наук. Москва, 2013. 248 с.
4. Караулов Ю. Н., Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф., Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А. Русский ассоциативный словарь. [Электронный ресурс]: подгот. по печ. изд. 1994 М.: "Помовский и партнеры", URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php> (Дата обращения: 20.03.2016).
5. Овчинников В.В. Сакура и дуб. Ветка сакуры. Корни дуба. М.: АСТ. 2014. 605 с.
6. Улиско К.А. Смысловое наполнение концепта "ТАХ" – "НАЛОГ" в английском и русском языках//Актуальные проблемы антропоцентризма в языке и речи: сборник научных трудов. Выпуск 5/Под ред. И.Г.Жировой. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. С.83-91
7. Kiss G., Armstrong C., Milroy R. & Piper J. An associative thesaurus of English. Edinburgh: University of Edinburgh, 1972 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.eat.rl.ac.uk/> (дата обращения: 20.03.2016)
8. Smyth Ethel. Impressions That Remained. New-York, 1946. – 608 p.

ПРИЁМЫ ПОСТРОЕНИЯ АБСУРДНОГО ТЕКСТА У АРТУРА ГИВАРГИЗОВА

Кочергина А.А.

аспирант кафедры литературы,
Астраханский государственный университет, Россия, г. Астрахань

Статья посвящена творчеству одного из ярчайших представителей современной детской литературы – Артура Гиваргизова. В произведениях Гиваргизова доминирует «логика абсурда», которая роднит его с представителями раннесоветского левого искусства – обэриутами. Приёмы, которыми пользуется Гиваргизов при построении абсурдного текста, схожи с приёмами ОБЭРИУ, однако рассказы и сказки этого писателя лишены обэриутской трагичности и полны оптимизма и юмора.

Ключевые слова: современная детская литература, абсурд, алогизм, гротеск, авангард, ОБЭРИУ.

Артур Гиваргизов – «живое воплощение Хармса в наши дни» [5], как его нередко называют. Писателя часто критикуют за мизантропию, насмешку над незыблемыми ценностями, непедагогичность, а он в очередной раз объясняет, что «это такая вот карнавальная непедагогичность, которая сближает учителей и учеников», что «всем нам необходим отдых от серьёзности» [1].

С именем Гиваргизова в современной детской литературе тесно связано такое понятие, как абсурд. Сознательно использовать механизмы построения абсурдного текста и декларировать это как приём первыми стали члены литературной группы ОБЭРИУ. По признанию Артура Гиваргизова, творчество обэриутов сильно повлияло на его собственную писательскую манеру. Особенно восхищает Гиваргизова тот факт, что у обэриутов «все описываемые ситуации выглядят как натуральные, какими бы нелепыми они при этом бы ни были. Это особое умение и талант <...> сделать серьёзную ситуацию комичной, а бессмыслицу и выдумку – реальной ситуацией» [6].

Абсурд Гиваргизова, однако, лишён обэриутской трагичности. Если эстетика обэриутов подчинена особой логике дисгармонии, вывернутой

наизнанку реальности, гротескности аннигилированного мира, то у Артура Гиваргизова всё иначе: автор не утверждает свой абсурдный художественный мир, а просто показывает другую сторону обыкновенного, даже обыденного. Удивительным образом абсурд начинает пояснять рядовые жизненные ситуации, не искажая, но наоборот, раскрывая ординарные явления.

Тем не менее родство приёмов, которыми пользовались обэриуты и которые можно встретить в текстах Гиваргизова, очевидна.

Отсутствие развития сюжета. Во многих своих рассказах Гиваргизов доводит повествование до какого-то момента и оставляет как есть, принимая его за конечный. Так, фабулу и сюжет рассказа «Подземный переход» можно уместить в одно предложение: родители дают Диме сто рублей, чтобы он купил что-нибудь поесть, но мальчик вместо этого слушает в подземном переходе концерт и кладёт все деньги в консервную банку. Сам рассказ немногим длиннее и обрывается на фразе, произнесённой папой Димы: «— Ну всё-о-о-о-о-о-о-о!!! <...> Больше по подземным переходам с деньгами ходить не будешь!!!» [3, с. 12]. Вполне логичная в обыденной жизни, в тексте подобная развязка выглядит нелепо, поскольку не несёт в себе события в литературном значении.

То же самое встречаем в рассказе «Моя», где папа запрещает Диме плохо вести себя в его машине. После того как мальчик и его мама поочерёдно обижаются на папу, заявляя, что это и их машина тоже, тот соглашается и резюмирует: «Нельзя, Дима, в нашей машине ничего. Сиди тихо и не дыши, понял?» [3, с. 13]

Отсутствие развития сюжета характеризует такой тип текста, как описание. По сути, в проанализированных рассказах повествование действительно подменяется описанием явления. Автор ставит знак равенства между сообщением о случившемся факте и повествованием о нём, оставляя читателя в недоумении, зачем вообще надо было рассказывать об этом и обрывать едва наметившееся действие практически на полуслове.

Алогизмы и парадоксы. Другим распространённым приёмом рождения абсурдного текста является использование алогизмов и парадоксов. В произведениях Гиваргизова они часто обусловлены тем, что герои — в том числе и взрослые — руководствуются детской игровой логикой. Например, в рассказе «Тры-тры-тры-тры» автоинспектор останавливает велосипедиста Диму за превышение скорости, объясняя, что со скоростью восемьдесят километров в час можно ездить только машинам. Дима пытается убедить автоинспектора, что едет на мотоцикле, и начинает жужжать, имитируя звук мотора. «— У мотоцикла мотор не так шумит, — говорит автоинспектор. — А вот так: тры-тры-тры-тры-тры-тры-тры!»

— Тры-тры-тры-тры-тры-тры-тры-тры! — повторил Дима.

— Теперь другое дело, — говорит автоинспектор, — можете ехать восемьдесят» [3, с. 7].

Совершенно алогично действуют родители Димы, даря ему на день рождения пластырь («Пластырь») и объясняя, что этот недорогой, но очень полезный подарок пригодится, если мальчик упадёт с велосипеда или роли-

ков, в то время как у него не ни того ни другого. «— Неважно, — обрывают родители Димины робкие возмущения. — Главное, у тебя есть пластырь. Поздравляем с днём рождения!» [3, с. 11].

В рассказе «Шоколад» Лёня и Дима презрительно рассуждают о белом шоколаде, будто это всё равно что синий арбуз — и тут же покупают одну за другой две плитки белого шоколада и «с презрением» их съедают.

Совершенно парадоксально меняются местами милиционер и правонарушитель в рассказе «План-2». Пенсионер Дмитрий Анатольевич бежит по газону, и милиционер подходит к его другу Леониду Даниловичу со словами: «Придётся ему или вам платить 500 рублей». Пользуясь неоднозначностью фразы, хитрый Леонид Данилович отвечает: «Если милиционеры всем нарушителям будут платить по 500 рублей, то у нас ни одного газона не останется», чем ставит служителя порядка в тупик. Тот уже готов сам заплатить штраф, когда Леонид Данилович «великодушно» заявляет: «Ну ладно уж, первый раз обойдёмся замечанием. Можете идти» [3, с. 107].

Таким образом, в рассказах Гиваргизова алогизмы и парадоксы рождает, в основном, детское сознание, носителями которого зачастую оказываются и взрослые. Под натиском неумолимой логики абсурда отступают даже те, в чьи обязанности входит сохранять строгий порядок, — автоинспекторы, милиционеры, генералы.

Неинформативность речи героев. Комический эффект в текстах Гиваргизова часто производят диалоги героев, в которых использованы фразы, лишённые информации или смысла. Коммуникация персонажей, впрочем, от этого нисколько не страдает, т. к. они прекрасно понимают друг друга, и вся ущербность их общения остаётся чисто внешней.

В рассказе «Как дела» два друга, Серёжа и Юра, встретившись после двухдневной разлуки, никак не могут наговориться. Усевшись посреди дороги в креслах, которые они по счастливому совпадению оба несут из магазина, друзья беседуют до позднего вечера, мешая машинам проехать. Но что представляет собой их диалог?

«— Как дела? — спрашивал Серёжа.

— Нормально, — отвечал Юра.

— Как дела? — спрашивал Юра.

— Нормально, — отвечал Серёжа» [3, с. 130].

Гиваргизов по-доброму подтрунивает над малоинформативной речью подростков. Но в этом общении — не оборванный, дисгармоничный мир хаоса, а естественная потребность.

Часто львиную долю диалога героев в текстах Гиваргизова составляют дразнилки. Никто из персонажей не может остановиться первым, и «процесс коммуникации», основанный на различных звукоподражаниях, звуковых повторях и вариациях, затягивается до бесконечности. Такой приём, в частности, используется в рассказах «Генерал и грибы», «Генерал и колобок» и «Генерал и медведь». В первом случае генерала дразнит леший, и весь их диалог состоит из одного только «Ме-е-е-е-е-е-е». Во втором рассказе забия-

кой оказывается лиса: она смеётся над генералом за то, что тот не съел колобка:

«– Да я просто есть не хотел! – оправдывался генерал. – Я за час до этого три тарелки борща съел!

– Ха-ха-ха! – смеялась лиса. – Я тебе верю!

– Хэ-хэ-хэ, – передразнивал генерал.

– Ха-ха-ха...

– Хэ-хэ-хэ...

– Ха-ха-ха...

– Хэ-хэ-хэ...» [2, с. 83–84].

В третьем рассказе уже сам генерал издевается над медведем, забывшим сделать три строевых шага, называя его курицей:

«– Ко-ко-ко, – обзывался генерал. – Курица! Ко-ко-ко...

– Сам ты курица!

– Цып-цып-цып-цып-цып...

– Сам ты – цып-цып-цып-цып» [2, с. 85].

Юные читатели наверняка узнают в этих рассказах себя и поймут, как смешно и нелепо выглядят со стороны бесконечные дразнилки и что было бы, если бы этим занимались не только дети, но и взрослые.

Языковые и речевые аномалии, нарушение постулатов нормальной коммуникации. Однако не всегда герои Гиваргизова беспрепятственно ведут диалог, пусть даже и внешне неполноценный. Порой что-то мешает им наладить нормальную коммуникацию, и часто следствием этого становится возникновение языковых и речевых аномалий. Персонажи, например, могут обладать разным багажом знаний, как двоечник Серёжа Гаврилов и отличница Сереберцева, что не позволяет им адекватно понять друг друга. Так, в рассказе «О гематогенах» Серёжа Гаврилов допытывается у Сереберцевой, почему она круглая отличница. Получив ответ «Это гены», Серёжа решает, что гены – это какое-то лекарство, и бежит за ним в аптеку. Там ему говорят, что в продаже имеются только гематогены. Серёжа покупает семь штук, съедает их, но по-прежнему получает двойки и злится на Сереберцеву.

У неудачного коммуникативного акта может быть и более простая причина – незнание одним из участников беседы языка остальных говорящих. Царице-англичанке из сказки «Как маленькая пылинка спасла государство» попадает в глаз пылинка. Все решают, что царицу стукнули в глаз, и начинают допытываться, кто виновник. Произнося с сильным акцентом русские слова, англичанка невольно обрекает на казнь Песчинкина, Пылинкина, Пылова, Капылова, Пыльева, Соринина, Сорина, Соринского и Семёнова. Чтобы хоть как-то объяснить правомерность подобного количества смертей, автор заявляет, что все казнённые были членами революционно-террористической организации и планировали в этот день государственный переворот, но у них ничего не вышло [2, с. 73–74].

Наконец, коммуникация может не состояться по такой банальной причине, как глухота одного из героев. Дедушка из рассказа «Опять о машинах» плохо слышит, но обязательно хочет участвовать в споре. Он невпопад со-

глашается то с одним, то с другим спорщиком, всё время повторяя при этом: «А о чём вы спорите?» Комизм рождает и его финальная фраза «А о чём вы спорите? Опять о машинах?» [3, с. 29], естественно, не имеющая к спору никакого отношения.

Таким образом, неудачная коммуникация в рассказах и сказках Гиваргизова не рождает ощущения трагедии языка, языкового расподобления – она является одним из приёмов, попыткой по-новому взглянуть на известные слова, удивиться внешнему сходству семантически далёких слов (гены – гематогены, Пушкин – пушистый и т. д.), поиграть с ними.

Гротескная демонстрация нелепости. Юмор Гиваргизова часто заключается в том, что писатель навязывает своим героям какие-либо абсурдные обстоятельства и ставит их перед необходимостью сосуществовать с этими обстоятельствами, приспособливаться к ним, более того, воспринимать как должное. При этом сами факты демонстративно нелепы. Например, обычный школьный урок преподносится автором как строевая подготовка, где главное – не получение новых знаний, а железная дисциплина и умение беспрекословно выполнять команды учителя. В рассказе «Урок музыки» вся проверка домашнего задания сводится к тому, что учительница Вера Петровна называет ноты и требует ответить на вопрос, что это. При этом отвечать нужно предельно лаконично, не добавляя от себя ничего лишнего, даже если это «лишнее» – имя и отчество самой учительницы:

- «– Коробкин, что такое “До”?»
- Название ноты, Вера Петровна.
- Отставить Веру Петровну!
- Есть отставить» [4, с. 6].

Любое отступление от шаблонного ответа «Название ноты» сурово карается:

- «– Кто мне скажет, что такое “Соль”? Ну-ка, Клеткина.
- Это такая... в еду кладут, чтобы вкуснее было. Вера, ой, извините, отставляю.
- Лечь, Клеткина, встать! А теперь подойди к пианино и подними его пять раз» [4, с. 7].

Часто перевёрнутый вверх ногами мир становится для персонажей писателя единственно пригодным для существования, в то время как вполне нормальные, логичные вещи воспринимаются ими враждебно. Главный герой рассказа «Глупый математик» решает заработать много денег (на пиджак) и поступает работать в магазин продавцом, наивно полагая, что главное для этого – умение считать и крепкие ноги. Математик точно взвешивает товар на весах и правильно выдает сдачу, чем вызывает у покупателей раздражение:

«Идут хозяйки домой в плохом настроении, еле ноги тащат. Одна думает: «Я бы сказала, если бы меня обвесили: “Ты что думаешь, я считать не умею! Да я в школе отличницей была, понял?” Нет, не так: “Да я в школе отличницей была, понял?!!” Эх, зря вчера до полдвенадцатого готовилась».

«Эх, эх, эх, эх, – вздыхала в мыслях другая хозяйка. – А я стихи сочинила: “А ну-ка посчитай получше, а то будет тебе сейчас хуже”» [2, с. 116].

В итоге директор магазина увольняет математика, объясняя причину так:

«– С людьми надо по-человечески, а не как машина. <...> Ты бесчувственный» [2, с. 116].

Артур Гиваргизов – один из самых ярких представителей литературы детского авангарда. Отказываясь от назидания в чистом виде, от известных и отработанных годами дидактических приёмов, он по-своему говорит о нравственной проблематике и извечных философских вопросах. Выбирая логику абсурда, создавая многослойные и на первый взгляд абсолютно непедagogичные тексты, Гиваргизов заботится о душевном здоровье ребенка, не забывая и о взрослых. Произведения этого писателя в лёгкой, юмористической форме так или иначе призывают родителей вернуться к своим детям, помочь им справиться с разрушительным воздействием абсурдных реалий окружающего мира. Возможно, именно сегодня, как бы говорят они, в юных читателях необходимо формировать как никогда прежде устойчивые этические основы, способные впоследствии выдержать и разрушительный подростковый негативизм, и уродливую реальность бездуховного мира.

Список литературы

1. Артур Гиваргизов: «Я верю в летающие виолончели...» // Читаем вместе. 2009. № 12 (41). С. 6-7.
2. Гиваргизов, А. А. В честь короля. М.: Время, 2011. 160 с.
3. Гиваргизов, А. А. Как со взрослыми. М.: Время, 2011. 144 с.
4. Гиваргизов А. А. Урок музыки // Классики: Лучшие рассказы современных детских писателей. М.: Детская литература; Эгмонт Россия, 2002. С. 6-7.
5. Колоскова, Н. Е. Этот «непедagogичный» Артур Гиваргизов // Библиотека в школе. 2005. № 15 URL: <http://lib.1september.ru/2005/15/20.htm> (дата обращения: 14.12.2012).
6. Хейфец Е. Е. Эволюция литературы абсурда от Д. Хармса до А. Гиваргизова. URL: <http://rudocs.exdat.com/docs/index-387663.html> (дата обращения: 12.01.2013).

SPORTS BASED IMAGERY AND METAPHORS BASED ON SPORTS TERMINOLOGY AND PROFESSIONALISMS IN AMERICAN ENGLISH

Кулюкина Е.Н.

преподаватель кафедры иностранных языков,
Уфимский государственный нефтяной технический университет,
Россия, г. Уфа

The article deals with an attempt to examine phraseological units originated from sport terms and professionalisms due to extra-linguistic factors. The given research determines not only their linguistic role but also the way they acquired this or that feature which shows the peculiarity of their functioning in everyday speech, movies and emotive prose.

Key words: sport terms and professionalisms, American English, sport metaphors.

The connection between one's language and culture is one of those aspects of linguistics which has major practical values, because when one begins learning a foreign language he needs to understand the mentality of a native speaker.

The language of the land is a mirror of its cultural traditions. The traditions change over time, and the language reflects the smallest change. There was one particular social trend, which started in the end of the XIX century, and contributed to the spreading of the English language worldwide – the overwhelming popularization of sports. This research is an attempt to explore the way it affected American English itself.

Phraseological units of any language represent certain conclusions about every day life, culture, and traditions of a certain nation. It is well-known that professional languages often serve as sources of phraseological units and give specific national and professional coloring to the language itself. They reflect specific and characteristic features of the native speakers. Examining of phraseological units originated from sport terms and professionalisms due to extra-linguistic factors is explained not only by the attempt to determine their linguistic role but also the way they acquired this or that feature which shows the peculiarity of their functioning in everyday speech, movies and emotive prose.

Sports are a mirror of American life, but they are more than just a mirror. They can be viewed as American culture's effort to construct a subculture. As such, the sports have their myths, legends and historical figures. Millions of people play and watch sport and games on a daily basis. Furthermore, the world of sport has penetrated the American consciousness to a remarkable degree. American English is filled with terms and phrases that come from the world of sport, particularly, but not only, from baseball and football. Moreover, the saying of famous athletes have become genuine aphorisms in American English. Currently the most famous of these is former baseball player and manager Yogi Berra's favorite saying that "It ain't over till it's over." The legendary baseball pitcher Satchel Paige was justly renowned for his admonition "Don't look back, someone might be gaining on you (catching up with you)".

The special place of sport in American culture is highlighted by the fact that it plays a larger role as either theme or subject in American literature and movies. Americans also focus on the individual accomplishments of the best players. One accomplishment that is particularly admired is when a player hits the ball out of the stadium, otherwise known as a home run. One of the greatest players to ever perform this feat was a man nicknamed Babe Ruth. His real name was George Herman Ruth, but to all those who follow the game he is forever known as "The Babe". There is a popular candy bar named after this immortal titan of the game, called a "Baby Ruth". Next in importance is the game of basketball. The game has reached a high level of interest with the emergence of a super star player known as Michael Jordan. He was a commanding figure on the basketball court, defying gravity in his acrobatic ability to score baskets. His popularity was huge. "Nike" is a brand name of a popular athletic shoe company and one of their most successful shoes called "Air Jordan". Air Jordan was the nickname given to Michael Jordan

because of his ability to jump so high and seem to be able to remain airborne for an unusually long time.

Analyses of sports sub-language terminology shows exceptional variety of its lexical composition. Over the years, as sports developed and became extremely popular, it stimulated adoption of sport notions by population. The best part of sport terminology is the words most widely used in everyday language which underwent semantic shift such words as score, forward, basket, team, finish, point, hammer, throw, to coach, etc.

Compared to other sub-languages (military, medical) the sub-system of sports language is characterized by considerable openness. Thus the use of sport terms outside the sports sublanguage and the process of their active metaphorization is the natural consequence. The extreme popularity of sports led to formation of peculiar sports culture which revealed itself in every day life, business, movies and literature.

The American culture is steeped in sport metaphors because of the very nature of Americans themselves. Americans prize individuality and competitiveness, and sports is an extension of these characteristics. That is why sports plays such a great role in Americans' life. They look up to the self-made man, and sports figures embody the epitome of this nature. It is only natural that these sports metaphors would be used in everyday speech as it reflects what Americans admire most, a highly successful person, who competes hard, but fairly, and has achieved high goals that he has set out for himself.

The market economy that the United States espouses is, of course, highly competitive in nature and sports terminology is woven into the very fabric of speech that businessmen use when conducting business. It would be common for one to hear in the business world such expressions as: "Are they going to play ball with us?", meaning are we going to be able to do business with a certain company, or "I hit a home run on that deal", would mean that someone was highly successful in a certain business deal that he was engaged in, or "good luck with the **pitch**" (*baseball* – to throw the ball to the batter, *idiom* – to present the subject) and many other expressions which came from sports.

The following fictional conversation chock full of idioms taken from sporting events illustrates this connection between business and sports in the American use of language. Each idiom is highlighted and explained:

Closing a Deal

(In a typical office somewhere in New York)

Bob: Well, is Trevisos **going to play ball** (*baseball* – play a game, *idiom* – do business with) or are we going to **strike out** (*baseball* – go out, *idiom* – fail) on this **deal** (*idiom* – contract)?

Pete: The latest **locker talk** (*general sports* – talk among the players, *idiom* – gossip, rumors) is that our **game plan** (*American football* – plan which plays to make, *idiom* – plan of action) is a real **contender** (*boxing* – very possible winner, *idiom* – person with a good chance of success) for the contract.

Bob: Yeah, the other team has **two strikes against it** (*baseball* – one step from going out or losing, *idiom* – close to not succeeding) after they **fumbled**

(*American football* – loose possession of the ball, *idiom* – make a serious mistake) last week.

Pete: They had a great chance of **scoring** (*any sport* – to make a point, *idiom* – to succeed) but I think Trevisos thought they weren't **up to scratch** (*horseracing* – not capable of winning, *idiom* – not having the right qualities) on some of the details.

Bob: They pretty much put themselves into a **no-win situation** (*baseball* – impossible to win, *idiom* – impossible to succeed) by **stalling for time** (*American football* – to delay the game, *idiom* – to delay information or a decision) on the figures from Smith's and Co. If we can **get to home** (*baseball* – score a run, *idiom* – complete the desired action) at the next meeting I think that we should be able to **take the ball and run** (*American football* – continue to go forward, usually a long distance, *idiom* – continue in the right direction).

Pete: If our numbers are right, we should be able to **call the shots** (*basketball* – to decide who shoots, *idiom* – to make the decisions) from here.

Bob: We just need to **jockey ourselves into position** (*horseracing* – put yourself into a good position to win the race, *idiom* – to move into position to succeed) to close the deal.

Pete: Make sure that you take along your **team players** (*general sports* – players who work together with other players, *idiom* – people who work together with other staff) next week. I want to be sure that everyone is **playing with a full deck** (*cards* – having all the necessary cards, *idiom* – having the correct mental abilities, not stupid) and that everyone **can field** (*baseball* – to stop a hit ball, *idiom* – to handle or deal with) any question asked.

Bob: I'll take Shirley and Harry along. They are no **second stringers** (*team sports* – second class members of the team, *idiom* – less important workers), they can present **the ballpark** figures (*baseball* – the place where the game is played, *idiom* – general financial numbers) and then I will **bring it on home** (*baseball* – to score a run, *idiom* – to finish with success).

Pete: Great, good luck with the **pitch** (*baseball* – to throw the ball to the batter, *idiom* – to present the subject)!

Sports ethics due to its considerable role of sports in American life spread to all spheres of social life and became the bases of sports morality, according to which a man should bear with honor the bitterness of defeat and the joy of winning, “follow the rules of fair play” in all spheres of social life.

Modern society manipulates keenness on sports. Mass media plays the most important role in it as well as art, literature and movies. Occurrence of sport metaphors in fiction is quite natural, in his aspiration to influence a reader, the author uses sports phraseological units, which due to their popularity and ease of using have a great variety of connotations and shades of meaning and possess considerable emotive power. They are especially good for description and dialogues. Sports metaphors are used in emotive prose to depict the natural speech of a character.

The following sports metaphors are taken from a story by American story writer **O. Henry** called “**The Duel**” in which the writer depicts two characters who came from the West to conquer New York. The vocabulary from boxing

(right-hander, uppercut), as well as other professional terms found in the story like *ring, to counter, to clinch*, etc. help to maintain the atmosphere of a fight, which the story requires.

*“...But every man Jack when he first sets foot on the stones of Manhattan has got **to fight**. He has got to fight at once until either he or his adversary **wins**. There is no **resting between the rounds**, for there are no rounds. It is **slugging** (punching) from the first. It is a fight to a finish.*

*Your **opponent** is the City. You must do battle with it from the time the ferry-boat lands you on the island until either it is yours or it has conquered you...”*

*“... Father Knickerbocker met them at the ferry, giving one a **right-hander** on the nose and the other **an upper-cut with his left**, just to let them know that the fight was on.*

*William was for business; Jack was for art. Both were young and ambitious; so they **countered and clinched** (tying each other up)...Anyhow they were out of success and **scraps and scads**, and they **tackled** (football: knock down) the city like two Lochinvars with **bras knucks** (metal worn over the knuckles of the hand) and a pull at the City Hall.”*

Sports idioms and metaphors are also in constant use in American movies. “**WALL STREET**” is a film directed by Oliver Stone that shows what happens when one allows this competitive instinct to run amok. It is the dark side of how beating the other fellow in the game of business can distort one’s sense of moral values.

In the movie Gordon Gekko is the millionaire, a predator, a corporate raider, a Wall Street shark. Played by Michael Douglas, the character in his personal life has everything he could possibly want--wife, family, estate, pool, limousine, priceless art objects--and they are all just additional entries on the scoreboard. He likes to win.

Bud Fox comes from a working-class family, he is a broker for a big Wall Street firm. Gekko is his hero, Bud wants to be like he is. Gekko asks Fox to do something illegal to obtain more insider information, and to spy on a competitor. The movie has a traditional plot structure: The hungry kid is impressed by the successful older man, seduced by him, betrayed by him, and then tries to turn the tables.

We see a lot of sports metaphors throughout the movie: in the very beginning when Bud Fox is seen at the beginning of a new trading day he announces, “**And they’re off and running**”, which is the traditional declaration at the beginning of a horse race, but he uses it to refer to the start of this new trading day. Later, his father can’t understand how his son could be making \$50,000 a year and still be in debt. Bud retorts to his father, “50 K doesn’t **get you to first base** in the Big Apple (New York) anymore.” “Getting to first base” is a baseball term, but is used here to mean starting the beginning stage of a successful career. In baseball you have to get to first base safely, and then second, third and finally home to score a run. One more example: Gekko while talking to Bud states, “I don’t **throw darts at a board**. I bet on sure things.” Here he is referring to a chance game known as darts meaning that he doesn’t just take a chance on any old stock, but that he thoroughly researches every move that he makes.

We hear other metaphors throughout the movie, such as, “*A whole new ballgame*”, coming from baseball, meaning you were losing to your opponent and suddenly you catch up to him. “*You call the shots*”, coming from billiards, which means to tell which pocket you’re going to put the billiard ball in, but in this sense means that you’re in control. “*The cards are on the table*”, is a poker term indicating that every player reveals what is in his hand so that the winner can be determined, but in the way it is used in the movie means that all things are perfectly clear there is nothing hidden.

Results of the given research show that the transformation of American sports sublanguage to the everyday spoken language is the consequence of the interaction of linguistic and extra-linguistic factors, first of all the social ones.

Sports ethics appeared to be the base of the sports morality according to which one should “follow the rules of fair play”, to bear with honor the bitterness of defeat and the joy of winning. The expression “Life is a game”, is not a new one, but American culture gave it new meaning, that is a sports game. It became a kind of American motto. The understanding of high competitiveness of life and the strong desire to be a winner goes through the whole life of the Americans. And it is a sports star who embodies the image of highly successful man, who competes hard and reaches his goals .

The use of phraseological units based on sport terms and professionalisms in emotive prose and movies creates an image of “sports hero” possessing those qualities which are mostly admired by Americans. Thus the influential character of the sports imagery in movies and emotive prose is that of educational, moral and aesthetic character.

The following list is a sampling of the various sports idioms that are common in speech within the American culture.

- * a ball of fire – a very active and energetic person (*various*)
- * a major league – a high level of performance (*various*)
- * a whole new ball game – a new set of circumstances (*football, rugby*)
- * at this stage of the game – currently (*various*)
- * below the belt – unfair (*boxing*)
- * fun and games – characterized by playing around; doing worthless things (*various*)
- * plain sailing – easy, without problems (*sailing*)
- * someone's track record – all one's achievements and failures of the past (*athletics*)
- * to be a hit – to please someone or something (*baseball*)
- * to be neck-and-neck – equal position (*horse-riding*)
- * to be out of one's depth – not to be skilful enough at something (*swimming*)
- * to be thrown in at the deep end – to face a difficult situation without any preparation (*swimming*)
- * to bench – to withdraw someone; to stop someone from participating (*various*)
- * to box someone into a corner – to limit their freedom to move or act (*boxing*)

- * to gear up – to prepare for something (*various*)
- * to give something your best shot – to try your best (*various*)
- * to have the ball in someone's court – to have to make a response (*tennis*)
- * to kick-off – to start something (*football, rugby*)
- * to move the goalposts – to change the rules to your own advantage (*football, rugby*)
- * to play ball – to cooperate with someone (*football, rugby*)
- * to rest on one's laurels – to be satisfied with what one has already achieved (*various*)
- * to stick one's oar in – to interfere (*rowing*)
- * to throw a curve ball – to surprise someone with an unexpected act or event (*baseball*)
- * to throw in the towel – to accept defeat (*boxing*)

References

1. Тер-Минасова С. Г. «Язык и межкультурная коммуникация»: (Учеб. пособие) – М.: Слово/Slovo, 2000. – 624 с.
2. ABBYY Lingvo 7.0 Electronic Dictionaries System. © 1989–2001 ABBYY Software House.
3. Encyclopedia Britannica 2000.
4. Microsoft Encarta Encyclopedia Deluxe 2001. (© 1993-2000 Microsoft Corporation).
5. Movies: “Wall Street” by Oliver Stone, 1987.
6. O’ Henry “Selected stories” – М.: Progress Publishers, 1979.
7. Random House Webster's College Dictionary, 1991.
8. The Macmillan Encyclopedia 2001, © Market House Books Ltd 2000.
9. Tokareva N., Peppurd V. “What It Is Like in the USA?” – М.: “Высшая школа”, 2000.

ТРАНСФОРМИРОВАННЫЕ БИБЛЕЙСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ЗАГОЛОВКАХ СОВРЕМЕННЫХ СМИ

Любина Г.С.

доцент кафедры современного русского языка, канд. филол. наук, доцент,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Хусаинова А.А.

магистрант кафедры современного русского языка,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье рассматривается особенность употребления трансформированных библейских фразеологизмов в заголовках современных СМИ. Отмечается факт получения нового звучания крылатых слов, пришедших к нам из Библии. Фиксируется использование публицистами таких приемов, как трансформация, языковая игра, ирония автора, интертекстуальность.

Ключевые слова: трансформированные библейские фразеологизмы, языковая игра, ирония автора, лексическая трансформация, интертекстуальность.

Употребление фразеологизмов в речи, в том числе библейских, важно уже много веков для миллионов людей по всему миру, оно украшает речь, делает её более точной, глубокой, повышает уровень воздействия. Поэтому лингвистическое изучение таких языковых единиц всегда было и остается актуальным.

В последнее время наблюдается тенденция употребления трансформированных библейских фразеологизмов в современной русской речи.

Цель нашей статьи – выявить употребление указанных фразеологизмов в заголовках современных СМИ.

Следует заметить, что фразеологизмы в газетных статьях живут особой жизнью. Один из первых отечественных исследователей языка газеты Г.О. Винокур полагал, что «газетный язык, по сути дела, насквозь фразеологизирован, поскольку стандартность, клишированность многих типично газетных выражений является неотъемлемым свойством этого языка» [2, с. 15].

Трансформированный фразеологизм в заголовке выступает в роли ассоциативного элемента, при помощи которого наша память находит нужную информацию, связывая измененное выражение с исходным. При изменении фразеологизма создаётся языковая игра, рождается некий новый смысл, но смысловой каркас остаётся.

Библейский фразеологизм «*бросать на ветер слова*» в словаре означает: говорить впустую, без толку т.е. говорить без пользы или необдуманно; опрометчиво обещать и не выполнять обещанного [8, с. 29]. В газетных же заголовках этот библеизм трансформируется, например:

1. «Ливерпуль» не собирается бросать деньги на ветер» [5, 2014, №17] – в статье говорится о подписании контракта с новыми игроками. Как мы видим, в заголовке даётся прямое обозначения того, что объект (в данном случае «Ливерпуль» – футбольный клуб) не собирается впустую тратить деньги. Происходит замена одного компонента, в данном случае «деньги», вместо «слов».

2. «Бросим надежды на ветер: Российская энергетика» [5, 2012, №37] – в статье говорится о ветроэнергии, которая в Москве обходится слишком дорого. Мы наблюдаем инверсию, а также замену компонента фразеологизма («слова» изменяется на «надежды»).

3. «Служить делу, растить детей и не бросать слова на ветер» [3, 2012. №34].

4. «Надоело бросать деньги на ветер?» [5, 2012. № 39]- статья о банках и вкладах.

Трансформированные библеизмы можно встретить не только в заголовках, но и в тексте статьи. Например: «Деньги на ветер хорошо бросать тогда, когда он дует в твою сторону» [4, 2013. № 23].

Рассмотрим библеизм «*внести свою лепту*». С греческого языка слово «лептос» означало: маленький, тонкий. «Лепта» – это самая мелкая древняя монета. В одной из притч Евангелия рассказывается о бедной вдове, которая во время сбора пожертвований в храме положила в жертвенную чашу все, что у нее было, – две жалкие лепты. В притче говорится, что Богу эти лепты

вдовы были приятнее богатых даров знатных людей. «Лепты вдовицы» – это всякий скромный, но преподнесённый от чистого сердца дар. Выражение «внести свою лепту» означает: сделать небольшой, но искренний вклад в общее дело [8, с. 146]. Данный библеизм в современных заголовках СМИ также употребляется и имеет несколько вариантов, например:

1. «Могильщики внесли в инфляцию свою лепту» [5, 2012. №56] – в статье говорится о повышении цен в июне на ритуальные услуги, стоимость которых выросла на 30%.

2. «Депутаты внесли свою лепту» [5, 2013. № 3] – статья о новых законопроектах.

Библеизм «*Бальзам на рану (душу)*» обозначает радостное известие или событие, возвращающее человеку душевную бодрость [7, с. 38]. В заголовках российских газет встречаются трансформированные варианты этого библейского выражения, например:

1. «Сварщикам бальзам на душу» [6, 2012. № 7] – исчерпывающая статья про ксенон.

2. «Бальзам на душу для худеющих» [5, 2014. № 5] – статья о плюсах низкокалорийных блинов.

Рассмотрим библеизм «*прикинуться агнцем*». Так говорят о человеке, который прикидывается несчастным, беспомощным, обиженным, чтобы кто-нибудь ему помог [7, с. 17]. К этому библейскому фразеологизму мы подобрали наиболее яркие заголовки:

1. «Кредитная мимикрия, или когда прикинуться «валенком»» (1, 2013. № 20) – статья о кредитах и процентах кредитных ставок.

2. «Как прикинуться агнцем, чтобы не платить алименты» (1, 2014. № 4).

Библейский фразеологизм «*ад кромешный*» интерпретируется как история о взбалмошном кипении жизни, тупого эгоизма, сталкивающихся интересов, угрюмого разврата, сокровенных преступлений среди всего этого кромешного ада бессмысленной и ненормальной жизни [7, с. 19].

В заголовках же газет имеет место несколько другое обозначение, например: «Почему весной в Москве – ад кромешный» [5, 2012. № 8] – статья о весенней грязи на дорогах и тротуарах Москвы.

Рассмотрим фразеологический библеизм «*манна небесная*» – легендарная пища, которую Бог посылал голодавшим евреям каждое утро с неба во время их пути через пустыню Египетскую в «землю обетованную» – Палестину.оборот обозначает крайне необходимое, спасительное; проявление милости свыше. Подразумевается, что кто-либо находится в затруднительных обстоятельствах [7, с. 213]. Просматривая газетные полосы, мы заметили такой заголовок: «На Новокузнецк свалилась манна небесная» [5, 2013, № 5] – в данной статье речь идёт о ценах на авиабилеты из Новокузнецка в Москву, которые достигли заоблачных высот.

Библейское выражение «*Муж и жена – одна плоть*» имеет значение равенства, единства [7, с. 227]. В заголовках же встречается трансформация библейского фразеологизма, например:

1. «Муж и жена – медальная семья» [4, 2014. №31] – статья о супругам, выигравших бронзовые медали.

2. «Муж и жена – 3 награды» [4, 2014. № 35].

Фразеологизм *«Да будет свет»* обозначает шутливое присловье, сопровождающее всякого рода бытовые действия, связанные, как правило, с освещением помещения [7, с. 113]. В газете «Кубанские новости» мы встретили трансформацию этого библеизма.

1. «Да будет сев!» [4, 2014. №8] – статья о начале весенне-полевых работ.

2. «Да будет свет на дачах» [4, 2014. №14] – статья об электроэнергии в дачных посёлках.

В газете «Кубанские новости» нами был замечен такой заголовок: «Во главу угла мы ставим развитие курортов» [4, 2014. № 3]. Фразеологизм *«во главу угла»* обозначает выделять что-либо как наиболее важное, существенное в своей деятельности, основывать свои рассуждения на определенной исходной посылке [7, с. 83].

Рассмотрим библеизм – *«возвращение блудного сына»*, взятый из притч Иисуса Христа, приводимый в Евангелии от Луки. В данном выражении акцент переносится на событие, подчёркивается факт раскаяния, осознания вернувшимся ценности всего того, от чего он некогда легкомысленно отказался. Иногда произносится как шутливое замечание в связи с появлением долго отсутствовавшего человека [7, с. 50].

В связи с происходящими политическими событиями два года назад на страницах одной из газет мы встретились с таким фразеологизмом – «Возвращение блудного Крыма» [1, 2014. № 49].

Таким образом, можно сделать вывод, что те крылатые слова, которые пришли к нам из Библии, в газетной речи получают новое звучание, отвечающее духу времени. Журналисты пытаются вернуть фразеологизму образность, используя для этого различные приёмы авторского варьирования.

Одним из самых популярных таких приёмов является лексическая трансформация, которая предусматривает манипуляции с одним из элементов фразеологизма – словом. Можно сказать, что трансформация устойчивых выражений отражает настроение современности. Она даёт эффект новизны, переосмысления. Публицисты стремятся к изменению устойчивых выражений, потому что это даёт своего рода «эксклюзив».

В заголовках СМИ наблюдаются приёмы, такие как трансформация, языковая игра, ирония автора, интертекстуальность.

Обнаруживается и тенденция к злоупотреблению меткими евангельскими фразами, к превращению их в штампы. Это тем более прискорбно, потому что зачастую люди употребляют библейские выражения без точных знаний об их значении.

Всё это просматривается в современном узусе массовой коммуникации. Именно это определяет развитие языка публицистики и оказывает непосредственное воздействие на развитие русского литературного языка в целом.

Список литературы

1. Аргументы и факты (АиФ). 2014. № 1-56.
2. Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М., 1991. 448 с.
3. Крымские известия. 2012-2014. № 1-34.
4. Кубанские новости. 2013-2014. № 1-65.
5. Московский Комсомолец. 2012-2014. № 1-56.
6. Наука и жизнь. 2012. № 7.
7. Николаюк Н.Г. Библийское слово в нашей речи / Словарь-справочник. СПб., 2012. 384 с.
8. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов / под ред. К.Н. Дубровиной. М., 2010. 808 с.

ТЕЗАУРУСНЫЙ МЕТОД ИССЛЕДОВАНИЯ ТЕРМИНОВ ОБЫЧНОГО ПРАВА

Малиева З.Н.

доцент кафедры иностранных языков для неязыковых специальностей,
канд. филолог. наук, доцент, Северо-Осетинский государственный
университет, Россия, г. Владикавказ

В статье рассматриваются семиотические единицы осетинского языка, характеризующие некоторые элементы обычного права осетин. Используя тезаурусный метод, автор иллюстрирует историческую стратификацию этнокультурных терминов.

Ключевые слова: семиотическая система, праиндоевропейский язык, тезаурус, термины родства.

Как известно, язык- это единственная семиотическая система, которая является ключом ко всем другим семиотическим системам и содержит номенклатуру всех культурных явлений.

Именно эта мысль представляет собой основание сравнительно- исторического метода. Его целями, как известно, принято считать реконструкцию дописьменной культуры индоевропейских народов, а также представление о некотором праиндоевропейском народе, который владел и был создателем праиндоевропейского языка.

Венцом сравнительно-исторического метода является этимология. Остальные части метода – фонетическая и морфологическая– по сути дела, служат восстановлению картины этого древнего языка в общей реконструкции, когда восстанавливается система, и в частных конструкциях, когда реконструируются отдельные лексемы и фразы.

Язык, как знаковая система, представляет собой номенклатуру культурных явлений и, следовательно, историческая систематизация значений слов языка и историческая систематизация самих слов делает возможным суммирование культурных явлений. Такое суммирование для выстраивания картины культуры далее пользуется тезаурусным методом, когда слова и их значения располагаются по их естественно складывающейся системе. В культуроведении тезаурус должен учитывать историческую стратификацию

культурных явлений. Такая стратификация рассматривается с точки зрения внешней и внутренней.

Под внешней точкой зрения понимаются взаимозависимости, которые культура должна иметь на каждом историческом этапе ее развития, культуроведение устанавливает, что народы-изоляты в смысле культуры в принципе не развиваются или развиваются очень медленно. Те же народы, которые живут и действуют в условиях скрещения культур, напротив, претерпевают быстрое развитие.

Внутреннее изучение истории культуры основано на этимологии слов. Культурные скрещения связаны с тем, что в словах языка, на базе которых происходит культурное скрещение, отлагаются слова-кальки и заимствования, отображающие сам процесс культурного скрещения.

Таким образом, тезаурусный метод, к которому добавлено требование исторической систематизации, дает возможность строить культуроведческое исследование и тем самым раскрывать историю культурного развития народов.

В данной статье посредством тезаурусного метода рассматриваются термины обычного права осетин.

Данный пласт лексики относится к тому, что принято называть обычаем. Обычное право в исламе называется "адат". У мусульман-осетин это слово распространено, но есть и свое слово, обозначающее обычное право – агъдау. Это слово имеет древние авестийские и согдийские параллели.

Об осетинских народных традициях и обычаях писалось много. Уже в XIX веке быт осетин был изучен полнее, чем у большинства соседних народов. Осетины и их обычное право привлекали внимание как русских, так и иностранных ученых. В частности, В.Б. Пфафф считал, что "где-где, а в Осетии обычай – тиран: у осетин нет законов, но весь порядок их общежития основывается на обычаях. Эти обычаи действуют со всею силою неизменных законов природы" [11, 9].

Обычное право регулируют отношения родства и соседства. Поэтому слова, характеризующие обычное право, можно разделить на слова, описывающие родственные связи, и слова, определяющие соседство.

Слова, обозначающие обычное право в пределах родства, состоят из терминов родства и обозначений тех отношений и правил поведения, которые с этим связаны.

К терминам родства, устанавливающим семейные отношения, относятся:

мыккаг – род, фамилия

бинонта – слово иранского происхождения, обозначающее принадлежность к хозяйственному наследству. Это кровные родственники, обладающие правом наследования

хазарфандаг – члены большой семьи, имеющей общего предка, но не обязательно пользующиеся наследственным правом.

Естественно, что есть термины, обозначающие супругов – **амкай** – без различия полов. Существуют и отдельные названия для мужа – **мой** и жены – **ус**. Все это слова иранского происхождения.

Младшее поколение, сыновья и дочери, обозначаются словом **занаг**, имеющим индоевропейскую основу.

Соответственно выделяются названия отца (**фид**), матери (**мад**), сына (**фырт**) и дочери (**чызг**) – старая форма (**дугд**) сохранилась в слове "**ходыхд**" (золовка).

Прямые и отдаленные потомки находятся в отношениях братства и сестринства в зависимости от пола: **афсымар** – брат, **хо** – сестра, **арвад** – брат, родич, член родового объединения, **хорыфырт** – двоюродный брат. Термины свойства: **афсин** – свекровь, **ходыхт** – золовка, **тиу** – деверь, **кайис** – тесть и его семья

Таким образом, система терминов родства имеет иранское происхождение и напоминает обычную европейскую систему, весьма близкую к русской и славянской. Определение терминов родства показывает правила поведения, которые накладывают родство на отношения человека к другим членам семьи и рода.

Термином, описывающим отношение соседства, является обозначение собственно соседа – **сихаг** и жилищ, расположенных по соседству – **сих**. Корень этих слов представляет собой древнее обозначение обиталища, жилища и имеет параллели в авестийском и древнеиндийском языках. Таким образом, можно думать, что термины, характеризующие соседство, так же древни, как и термины, определяющие родство.

Термины, характеризующие обычное право осетин, в большинстве своем также имеют индоевропейские основы. Итак, обычаи представляют собой устойчивые нравственные установления о нормах и правилах поведения людей, обусловленные их жизненными потребностями. Обычаи имеют отношение, главным образом, к нравственной стороне жизни людей, рода, племени и передаются из поколения в поколение.

Одним из самых ярких и запоминающихся национальных обычаев является свадьба.

Терминология, связанная с этим обрядом, разделяется на три группы: 1) термины, описывающие события до свадьбы; 2) собственно свадебная терминология; 3) слова, характеризующие положение снохи в доме мужа.

Итак, свадьбе предшествует сватовство. В дом к суженой (**усат**) родня жениха (слово жених имеет ряд вариантов: в осетинском языке: **ускур**, **сиахс**, **мойаг**) направляла сватов (**минавартта** – отмечены согдийские и древнеиндийские соответствия). Сватами могут быть наиболее авторитетные мужчины, занимающие обычно видное общественное положение. В переговорах сторон родственников жениха и невесты главным вопросом был размер выкупа, калыма (**ирад** – слово имеет авестийские и древнеиндийские параллели). Последующие после сватовства пребывание девушки в доме родителей до перехода в дом мужа обозначено словом **курдуат** (сложное слово, имеющее иранскую базу). В этот период девушка могла посещать только те мероприятия, где наверняка не встретит родственников жениха. Этот обычай назывался "**нымахсын**", что значит "прятаться или скрываться от старших родственников жениха" [2, 24]. В.И. Абаев толкует этимологию этого слова

двойко. В одном случае возводит его корень к индоевропейской основе со значением "прятать". В другом – если принимать за первоначальную форму *махе с последующим *але – махе – але-бахс -, то надежной этимологии не видно. В день свадьбы в дом невесты направлялась свадебная свита (**чынзхас-саг** – сложное слово, части которого имеют древние иранские корни так же, как и собственно обозначение свадьбы – **чындзахсав** – дословно “ночь невесты”). Это в основном молодежь, а также несколько человек из старших почетных родственников. Возглавляли свадебную свиту шафер (**кухылхацаг** – сложное слово, буквально – "державший руку": первая часть слова – кавказский субстрат, вторая – древнеиранская этимология) и его помощник (**амдзуарджын** – крестный, кум, шафер – от грузинского *zvaḡi* – крест). Шаферу принадлежит самая активная и важная роль во время свадьбы. Невесту с песнями и музыкой, пожеланиями счастья выводят из дома (**цагат** – имеет согдийские соответствия). С древнейших пор известен обряд, согласно которому невеста, уходя из дома родителей, должна была совершить в сопровождении девушек и шафера три круга вокруг домашнего очага и прикоснуться к надочажной цепи. То же самое происходило и в доме мужа. Так, девушка, простившись с богами родительского дома, "поступала в распоряжение" пенатов в новом для нее доме мужа (**хургом** – древнеиранские корни составных частей слова обозначают "вблизи солнца").

Таким образом, система терминов родства у осетин имеет иранское происхождение и напоминает обычную европейскую систему, весьма близкую к русской и славянской. Обычаи осетин сформировались в глубокой древности. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что термины, характеризующие право, имеют индоевропейские этимологии.

По рассмотренным выше семиотическим группам слов, можно четко определить основные этапы исторического развития осетинского народа: от древнейшей скифской эпохи до поздних следов культурного влияния. Развитие культурной лексики происходило посредством дополнения уже сложившихся лексических классов, а не их изменения. Заимствования при этом использовались лишь в тех случаях, когда требовалось обозначить те предметы и явления, эквиваленты которых отсутствовали в языке.

Таким образом, культурная лексика представляет собой цельный автономно развивающийся свод, безусловно подвергающийся влияниям, но не трансформирующийся при этом.

Список литературы

1. Абаев В.И. Избранные труды (в 3-х томах). Северо-Осетинский НИИ истории, филологии и экономики при Совете Министров СО АССР. Владикавказ, 1990. 638 с.
2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. АН СССР. Институт языкознания. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленинградское отделение, т. 2. 1973. 368 с.
3. Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку (Перевод с фр. Гагкаев К.Е.). М.: Наука, 1965. 168 с.
4. Габараев И.М. Об отражении в осетинской лексике условий жизни осетинского народа. ИЮОНИИ, №5. 1960. 55 с.
5. Гакстгаузен А. Закавказский край. Заметки о семейной и общественной жизни и отношениях народов, обитающих между Черным и Каспийским морями. Путевые впечат-

ления и воспоминания барона Августа фон Гакстгаузена. 4.1, № 2. СПб, типография Главного штаба его императорского величества по военно-учебным заведениям, 1857, 105 с.

6. Гуриев Т.А, Наследие скифов и алан (очерки о словах и именах). Владикавказ: "Ир", 1991. 173 с.

7. Калоев Б.А. Осетины (историко-этнографическое исследование). М.: Наука, 1971. 243 с.

8. Миллер В.Ф. Осетинские этюды. Владикавказ: Северо-Осетинский институт гуманитарных исследований, 1992. 713 с.

9. Миллер В.Ф. Язык осетин. М.-Л.; Изд-во АН СССР. 1962. 190 с.

10. Пфаф В.Б. Материалы по древней истории осетин. Тифлис, 1871. 212 с.

11. Рождественский Ю.В. Лекции по общему языкознанию. М.: Высшая школа, 1990. 390 с.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ТЕКСТЫ КАК ЗАГОЛОВКИ ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ

Марченко Е.П.

профессор кафедры современного русского языка, д-р филол. наук, профессор,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

Хусаинова А.А.

магистрант кафедры современного русского языка,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье охарактеризованы прецедентные тексты в качестве газетных заголовков, сформированных на основе литературных цитат, фразеологизмов, лозунгов, реклам и др. Описана специфика прецедентных текстов и представлена их классификация.

Ключевые слова: прецедентный текст, газетный заголовок, метод трансформации, реклама.

Прецедентными называются «тексты, значимые для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер...» [1, с. 216]. Известно, что заголовок выполняет важнейшую структурообразующую функцию газетного текста, потому что «это не только первый элемент сообщения, но и первый элемент восприятия» [2, с. 93]. Именно от него во многом зависит, захочет ли реципиент прочитать публикацию или не обратит на неё внимания.

Нередко журналисты обращаются к прецедентным текстам – заголовкам (ПТ) для того, чтобы сделать их более эффектными, привлекающими внимание и запоминающимися. Каково их назначение в газетной публицистике? Как они формируются?

Способы образования прецедентных текстов – заголовков неодинаковы. Отсутствует и единый терминологический аппарат для их описания. Поэтому на фактическом языковом материале нами осуществлена попытка охарактеризовать ПТ-заголовки и расклассифицировать их по источнику образования: литературные цитаты, цитаты из музыкальных произведений, крылатые фразы из кинофильмов, лозунги, рекламы др.

В современной газетной практике широко распространён метод трансформации, преобразования одних высказываний в другие, что является основой для образования ПТ-газетных заголовков.

1. ПТ-заголовки – трансформированные *литературные цитаты*.

Например, «Сказка – ложь, да в ней – *козёл*» (намеки) [5, 2015. № 3]. Это трансформированная цитата «Из сказки о золотом петушке» А.С. Пушкина. «А у нас в квартире *глаз*» (газ) [8, 2015. № 6582] – из стихотворения С. Михалкова «А что у вас». «Трое – в космос, не считая *близнеца*» (собаки) [8, 2015. № 6576] – название повести Д. Джерома «Трое в лодке, не считая *собаки*». «Кому на Руси *болеть (жить)* хорошо? [5, 2015. № 21]. «*Бульон терзаний*» [5, 2015. № 6] из критической статьи И.А. Гончарова «*Мильон терзаний*». Подобные заголовки активно используются потому, что исходные литературные тексты популярны и доступны для понимания.

2. «*Музыкальные*» *цитаты* из наиболее известных любимых песен. Они вызывают положительную эмоциональную реакцию читателя, способствуют быстрому установлению контакта. Важной оказывается воздействующая функция цитаты, которая заключается в узнавании: читатель воспринимает заголовок как нечто уже знакомое. «Музыкальные» прецедентные тексты настраивают реципиентов на определённый лад восприятия информации. Следует отметить, что чаще употребляются цитаты из песен советского периода в силу их популярности, реже – из современного репертуара. Обратимся к примерам: «Кручу, верчу – на *работу* хочу» [5, 2015. № 22] – название песни К. Лель «Кручу, верчу». «То ли *беженец*, то ли видение» [5, 2015. № 25] – песня М. Леонидова «Девочка видение». «Любовь, похожая на *смерть*» [5, 2015. № 28] – стихи А. Горбачёва, в исполнении А. Пугачевой. «От *потери* до радости» [4, 2015. № 25] – песня Ю. Антонова «От *печали* до радости». Заголовки такого типа чаще используются как иносказательная форма выражения, украшающая газетную речь.

3. ПТ-кино представлены чаще как популярные крылатые фразы из известных фильмов, реже – названия кинофильмов, с употреблением которых связаны как определенные ситуации, так и интонация, мимика, жесты. Данный тип заголовка несёт большую эмоциональную нагрузку. Прецедентные тексты кино в основном употребляются в трансформированном виде. «Упал, очнулся – *морг*» [5, 2015. № 18] или «Невиноватая я, он сам *продал*» [5, 2015. № 11] – выражения из фильма «Бриллиантовая рука». «Москва *ушам* не верит» [7, 2016. № 003]. «Ограбление по-*разгильдяйски*» [5, 2015. № 20]. «Особенности национальной *«стоянки»*» [6, 2015. № 20]. «Приключение с *электроникой*» [5, 2015. № 22]. Это более объёмная и привлекательная группа прецедентных заголовков, которая достаточно активно используется в газетной публицистике.

4. ПТ – *лозунги*: «Готов к труду и *баскетболу*» [8, 2015. № 6933] – на основе знаменитого лозунга «Готов к труду и обороне». «*Интеллектуалы* всей страны, объединяйтесь» [1, 2015. № 15], а также «*Регионы* всей *Украины*, объединяйтесь» [1, 2015. № 22]. Эти заголовки лишены глубокого содержания и употребляются, вероятно, для привлечения внимания.

5. *ПТ – латинские выражения*: «Закон – *dura*» [5, 2015. № 28] или «Инвестор *поп грата*» [4, 2015. № 1]. «О семена, о нравы» [5, 2015. № 16]. Из наблюдений следует, что употребление таких прецедентных текстов незначительно, потому что заголовки не очень яркие, как, например, ПТ – литературные цитаты и не всегда узнаваемы.

6. *ПТ – рекламы* – развивающаяся группа заголовков. Рекламные слоганы сейчас являются достаточно плодотворной почвой для введения в поле прецедентности новых текстов. Например, «Эта «*сладкая парочка*» уже достаточно примелькалась в прессе» [1, 2015. № 18]. Реклама является сильным раздражителем для реципиента, поэтому использование ПТ из рекламных роликов является значимым выразительным средством.

7. *ПТ – пословицы, поговорки, фразеологизмы*. Например, «Из одного *теста*» [4, 2015. № 20]. «Красиво *жрать* не запретишь» [5, 2015. № 31]. «На Бога надейся, но *мороза не жди*» [5, 2015. № 25]. «Все лучшие *калории* – детям» [4, 2016. № 3].

Исследуемые единицы распределены в процентном соотношении по частотности употребления:

1. ПТ-литературные цитаты – 24,7%;
2. ПТ-«музыкальные» цитаты – 23,3%;
3. ПТ кино – 18,4%;
4. ПТ-пословицы, поговорки, фразеологизмы – 16 %;
5. ПТ- лозунги – 7,2%;
6. ПТ- латинские выражения – 7,2%;
7. ПТ-рекламы – 3,2%.

Можно предположить, что с учётом силы воздействия на реципиента первое место займут прецедентные тексты кино и рекламы. Использование текстов – заголовков способствует особому восприятию содержания на основе фоновых знаний, формированию новых смыслов. Новый текст более насыщен трансформированной информацией по сравнению с первоначальным и воздействует на эмоциональную сферу. Прецедентные тексты – заголовки газетных статей неотъемлемы от современной языковой культуры.

Список литературы

1. Зеркало недели. 2015-2016. №1-50.
2. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М., 2007. 216 с.
3. Кайда Л.Г. Эффективность публицистического текста. М., 1989. С. 90-95.
4. КоммерсантЪ. 2015-2016. № 1-52.
5. Московский Комсомолец. 2014-2016. №1-56.
6. Новые известия. 2015-2016. № 1-365.
7. РосБизнесКонсалтинг (РБК). 2015-2016. № 001- 052.
8. Российская газета. 2015-2016. № 6583-6933.

ОБУЧЕНИЕ СТУДЕНТОВ ИЗ КНР ПРОДУКТИВНЫМ РЕЧЕВЫМ УМЕНИЯМ ПРИ ПОМОЩИ КОММЕНТАРИЕВ ИНТЕРНЕТ-ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ К ТЕКСТАМ СМИ

Мезенцева Д.А.

ассистент кафедры иностранных языков и лингводидактики, канд. пед. наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург

В статье приводятся примеры использования упражнений на основе комментариев Интернет-пользователей к текстам СМИ для развития умений построения устных и письменных высказываний у студентов из КНР в рамках формирования у них медиакомпетенции на английском языке.

Ключевые слова: медиакомпетенция, тексты СМИ, комментарии Интернет-пользователей, устные и письменные высказывания.

Формирование медиакомпетенции у студентов-филологов из КНР предполагает обучение просмотровому чтению и восприятию на слух текстов англоязычных СМИ, а также умениям создавать собственные устные и письменные высказывания на их основе.

В процессе формирования медиакомпетенции студенты из КНР сталкиваются с рядом сложностей, в числе которых можно выделить самую большую группу затруднений, связанную с созданием собственного высказывания по тексту СМИ:

- высказывания краткие и голословные, часто отражающие непонимание позиции автора текста СМИ по проблеме;
- обозначенная позиция по тексту СМИ не подтверждается примерами личного характера или примерами из жизни родной страны в связи с проблемой, изложенной в тексте СМИ;
- неумение определить познавательную ценность текста СМИ для себя;
- отсутствие в активном словаре вводных выражений необходимых для оформления высказывания.

Для более эффективного формирования продуктивных речевых умений были использованы упражнения не только на основе самих текстов СМИ, но и комментариев Интернет-пользователей к ним. Комментарии Интернет-пользователей к новостным статьям и видео в Интернете, как правило, представляют собой отдельные реплики форумов, расположенных под текстом СМИ. Реплики могут быть как одинарными, не связанными друг с другом, так и представлять собой небольшие письменные диалоги или полилоги [1, с.216-228].

Использование комментариев к текстам англоязычных СМИ на занятиях с учащимися из КНР включает в себе следующие преимущества:

- наличие готовых примеров высказываний по тексту СМИ, на которых студенты могут учиться аргументации;

- повышение мотивации студентов за счет использования аутентичной речи, юмора, описания подлинных (в том числе социокультурных) фактов из жизни комментаторов, которые являются такими же пользователями, как и сами учащиеся;
- комментарии позволяют студентам лучше понять смысл статьи и увидеть, в каких направлениях они могут рассматривать проблему, поставленную в тексте;
- наличие в комментариях полезной лексики, в особенности, вводных выражений для оформления высказывания.

Комментарии к текстам СМИ в Интернете обладают достаточным потенциалом для создания различных предтекстовых, притекстовых и послетекстовых упражнений. Так, на основе статьи, посвященной "умным" мобильным приложениям для обустройства жизни в современных городах, и комментариев к ней учащимся из КНР были предложены следующие виды упражнений [2].

Примеры предтекстовых упражнений.

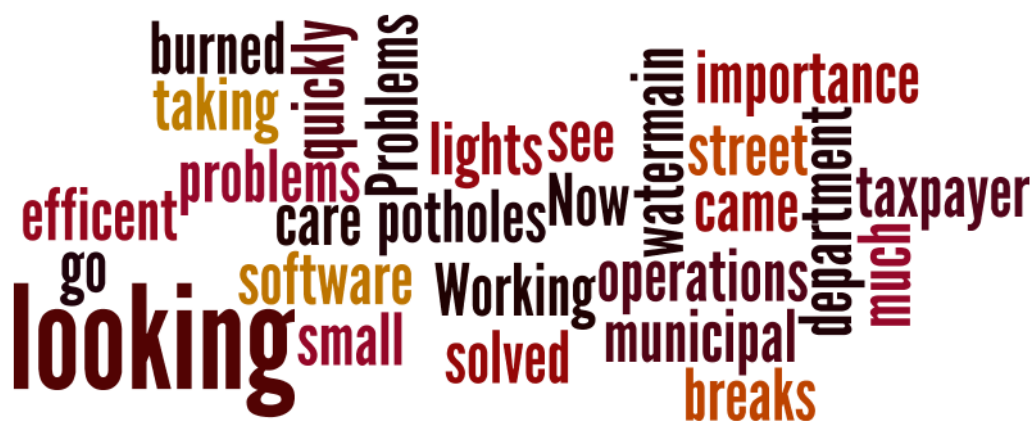
1. Run through the comment below. Find all the discourse markers. What are their meanings in the text?

James277

While I think the technological advances to alert government officials of local problems is a good idea. However, we miss the point that the availability of natural resources, e.i. oil, gasoline, asphalt, and most important, money is becoming scarce. So, even though the technology is there, the materials to do the work isn't there anymore. Computers can't get out to fill a pot hole, or drive a truck.

2. Look at the comment changed in Wordle. Can you reconstruct it using the words in the picture? Then read the original text and check your guess.

Killinchy

Примеры притекстовых упражнений.

1. Read the comment and answer the following questions:

- 1) What is the commenter's suggestion?
- 2) Why does the commenter disapprove of new laws and other initiatives?

3) What are the expressions that show the author's negative attitude to governmental regulations?

Schratboy

I love the idea. Now, if only people would send their daily, on-the-spot complaints directly to their representatives telling them to STOP STEALING OUR FREEDOM! Every new law, every new expansion of an existing program, every new agency effectively takes more freedom and money from the private. These non-sustainable actions are eating away at the foundation of what was a great and productive manufacturing base. Now, environmental regulations, work rule regulations, insurance, liability and god only knows whatever regulations effectively strangle the US middle class. Indeed, use the technology and use to to reclaim your freedoms!

2. Read the comment. Which part of the opinion is missing (position, example, or value of the text):

sfguy814

I used the San Francisco gov web site to report a hole in the sidewalk in front of my house. I few weeks later I got a citation to repair the hole in front of my house or I would be fined. Don't think I will be using the web site again.

Примеры послетекстовых упражнений.

1. Read the comment and reconstruct the missing parts of the opinion.

djellison

This is kind of cool but I'm not sure that this re-invents government. Government is still going to be limited by resources and funds and spending money during these times on things like cleaning up graffiti is probably not money well spent when firefighters and police are being laid off due to revenue shortfalls.

2. Read the comment and create your own comment in response to disagree with the author.

lauren29

Are You Safe is such a great app! Hopefully they'll get data from more cities, I'd love to see the same kind of thing in Chicago, NYC, etc. All of these ways to use technology, data, GPS, etc – it's amazing.

Следует отметить, что создание комплекса упражнений на основе пользовательских комментариев к текстам СМИ отвечает потребностям студентов из КНР, обусловленных их национально-культурной спецификой. Ц. Чжао описывает такие особенности китайского мышления, как потребность в прецеденте/аналоге, как результат концентрического типа мышления; потребность в наглядности, связанную с образностью иероглифической письменности; потребность во времени, вызванную ориентированностью на запоминание больших объемов информации [3, с.256-257]. В данном случае использование комментариев на занятиях по обучению чтению, аудированию и обсуждению текстов англоязычных СМИ учитывает первые две из трех выше-

упомянутых потребностей, что также в определенной степени позволяет оптимизировать процесс формирования медиакомпетенции у студентов из КНР.

Список литературы

1. Верховская А.И. Письма в редакцию. Изучение обратной связи // Проблемы эффективной журналистики. 1990. 264 с.
2. Sutter J.D. Cities embrace mobile apps, 'Gov 2.0'. 2007. URL: <http://edition.cnn.com/2009/TECH/12/28/government.web.apps/index.html?iref=allsearch> (дата обращения: 12.03.2016).
3. Чжао Ц. Комплексный подход к овладению умениями рецептивной переработки информации в русскоязычных текстах китайскими студентами-филологами: дис. ... д-ра пед. наук. М., 1999. 438 с.

ФРЕЙМОВАЯ СЕМАНТИКА КАК МЕТОД АНАЛИЗА ЛЕКСИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

Мирошниченко Н.С.

ассистент кафедры иностранных языков и профессиональной коммуникации,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, г. Белгород

Данная статья посвящена актуальному подходу к изучению и анализу лексических единиц, включающему описание когнитивных аспектов формирования их значения. В статье прослеживается история развития когнитивной лингвистики, уделяется особое внимание такому методу исследования взаимодействия семантического пространства языка и структур знания, как фреймовая семантика и непосредственно самому понятию фрейма.

Ключевые слова: фрейм, фреймовая семантика, когнитивная лингвистика, концепт, концептуализация, категоризация.

История развития лингвистики может быть представлена как смена научных парадигм. В середине прошлого века появились многочисленные семантические теории, связанные с исследованием формирования значения языковых единиц. С появлением подобных теорий возникли различные методы анализа значений. Все они успешно решали частные задачи, но общая проблема разграничения языкового и неязыкового знания, проблема определения границы между словарным и энциклопедическим значением оставалась нерешенной [2, с.261; 5, с.277; 6, с.274-323]. Если раньше в лингвистике считалось приемлемым рассмотрение языка как некой абстрактной сущности, то со временем стало ясно, что современные научные исследования невозможны без привлечения таких понятий, как память, интенция, действия. Раньше «фундаментальные» науки «поставляли» теоретические идеи, а сейчас потребность развития технологий задает направление теоретическим исследованиям. Для лингвистики такой технологией является развитие вычислительной техники, перспективных систем, связанных с искусственным интеллектом [1, с.5-11]. Разграничения между языком и его употреблением

привели к определенным трудностям. На сегодняшний день язык воспринимается как часть явления, которое мы стремимся познать. По словам А. В. Кравченко, при изучении языка «отталкиваться только от внутрилингвистических факторов трудно, а порой просто невозможно» [2, с.261].

Актуальным подходом к изучению лексических единиц, включающим описание когнитивных аспектов формирования их значения, является когнитивный подход. Сам термин «когнитивная наука» с 70-х гг. стал употребляться для обозначения области, в рамках которой исследуются процессы усвоения, накопления и использования человеком информации. Отличие когнитивной лингвистики от традиционной заключается в том, что она выполняет объяснительную функцию в языке.

Когнитивная лингвистика зародилась сравнительно недавно. В ее задачи входит исследование языка как средства организации, обработки и передачи информации. При этом языковые формы изучаются не сами по себе, автономно, а с позиции того, как они отражают определенное видение мира человеком и способы его концептуализации в языке, общие принципы категоризации и механизмы обработки информации, с точки зрения того, как в них отражается весь познавательный опыт человека, а также влияние окружающей среды. Когнитивная лингвистика занимается когницией в ее языковом отражении. Одним из центральных разделов когнитивной лингвистики является когнитивная семантика как общая теория концептуализации и категоризации, теория того, как человек воспринимает и осмысливает окружающий мир и как его опыт познания реализуется в значениях языковых выражений.

С момента своего рождения человек познает окружающий мир, учится узнавать предметы, соотносить их друг с другом, делать обобщения, учится обрабатывать запоминать значительное количество информации, выражать результаты своей познавательной деятельности с помощью языка. В результате у человека формируются общие понятия, которые затем объединяются в систему знаний о мире. Эта система состоит из концептов разного уровня сложности и абстракции, сформированных различными способами. Концепты представляют собой те идеальные, абстрактные единицы, смыслы, которыми человек оперирует в процессе мышления. Они отражают содержание полученных знаний, опыта, результатов всей деятельности человека и результаты познания им окружающего мира в виде определенных единиц, «квантов» знания. Человек мыслит концептами. Анализируя, сравнивая и соединяя разные концепты в процессе мыслительной деятельности, он формирует новые концепты как результаты мышления. Передача какой-либо информации и процесс общения в целом также представляют собой передачу и обмен концептами в вербальной или невербальной форме. Более точное определение можно сформулировать следующим образом: концепт – это оперативная содержательная единица мышления или квант структурированного знания [3, с.90]. Фрейм является одним из типов, на которые могут подразделяться концепты. Фрейм – это объемный, многокомпонентный концепт, представляющий собой «пакет» информации, знания о стереотипной ситуации. Например: театр (компоненты: билетная касса, зрительный зал, сцена,

буфет, раздевалка, спектакль и т. д.). Итак, фрейм – общее родовое обозначение набора понятий типа: «схема», «сценарий», «когнитивная модель», «народная теория». Фрейм – система категорий, структурированных в соответствии с мотивирующим контекстом. Единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия. Фрейм обладает более или менее конвенциональной природой и поэтому конкретизирует, что в данной культуре характерно и типично, а что – нет. Фреймы организуют наше понимание мира в целом, а тем самым и обыденное поведение. Фрейм при таком подходе – структура данных для представления стереотипной ситуации (типа: нахождение в комнате, ритуал детского дня рождения), соответствующая обычно частотным, но иногда и непродуктивным стереотипам. С каждым фреймом связаны несколько видов информации: об его использовании, о том, что следует ожидать затем, что делать, если ожидания не подтверждаются и т.п.

Формально фрейм представляют в виде двухуровневой структуры узлов и отношений: во-первых, вершинные узлы, которые содержат данные, всегда справедливые для данной ситуации и, во-вторых, терминальные узлы, или слоты, которые заполняются данными из конкретной практической ситуации и часто представляются как подфреймы, или вложенные фреймы [4, с.151]. Активизируя фрейм через данные второго уровня, мы воссоздаем всю структуру этой ситуации в целом. Таким образом «Фрейм» функционирует как набор предположений об устройстве формального языка для выражения знаний, в качестве альтернативы для семантических сетей или для исчисления предикатов; как набор сущностей, по предположению исследователя существующих в описываемом мире (метафизическая интерпретация понятия).

Чтобы глубже рассмотреть понятие «фрейм» обратимся к концепции М. Минского, согласно которой, сталкиваясь с новой ситуацией или существенным образом пересматривая какую-либо проблему, мы ищем в своей памяти структуру, называемую фреймом – хранимую сеть отношений, используемую, при необходимости, для адаптации к действительности в результате изменения деталей. Фреймы связаны в систему. Результаты значимых действий представляются как трансформации фреймов такой системы. Например, результат анализа зрительных сцен можно представить как систему фреймов, каждый из которых дает некоторый угол зрения, а переходы (трансформации) между фреймами интерпретируются как скольжение точки зрения. Аналогичное – для анализа причинно-следственных отношений и передвижений в рамках концептуальных полей. Интерпретацию образов, в частности, восприятие текста, можно представить экономным образом, отображающим действия «образов» как изменения эмфазы и фокуса внимания. У различных фреймов такой системы пересекаются множества терминальных узлов. Фреймовая система представима в виде дерева. Родовая информация накапливается наверху, а к ней снизу присоединены конкретизирующие подфреймы, добавляющие новую информацию. Родовое знание автоматически наследуется в этом дереве в результате процедур вычисления, но при необходимости может быть и заблокировано.

Выделение фрейма в качестве многокомпонентной и структурированной единицы когнитивного уровня лежит в основе формулировки основных положений фреймовой семантики. Фреймовая семантика – это метод исследования взаимодействия семантического пространства языка (языковых значений) и структур знания, мыслительного пространства. Она позволяет моделировать принципы структурирования и отражения определенной части человеческого опыта, знаний в значениях языковых единиц, способы активации общих знаний, обеспечивающих понимание в процессе языковой коммуникации. При этом подчеркивается отсутствие четко очерченной границы между языковыми значениями и человеческим опытом, т.е. непрерывность перехода от языка к опыту.

Чтобы четко представить причины возникновения и сущность фреймовой семантики как лингвистической концепции, необходимо, прежде всего, подробнее остановиться на проблеме зависимости языкового значения от познавательного опыта человека, поскольку именно для разрешения этой проблемы и создавалась данная теория, и от ее понимания во многом зависит правильное понимание фреймовой семантики как метода когнитивного и семантического моделирования языка. В рамках структурной лингвистики, вслед за Ф. де Соссюром, проводившим различие между так называемой внутренней и внешней лингвистикой, утвердилось мнение, что между языковыми знаниями (знаниями языковых значений, форм и категорий) и неязыковыми знаниями (энциклопедическими знаниями о мире) существует четкая граница. По мнению структуралистов, значение слова не зависит от того, что говорящий знает о положении дел в реальном или воображаемом мире: ментальный лексикон, или словарь (как система знаний о словах и их значениях) – это не энциклопедия. Между тем многочисленные исследования последних лет показывают, что это далеко от истины. Значение слова энциклопедично по своей сути. В целом, необходимо констатировать, что для характеристики значения слова необходима определенная фоновая информация, которую можно рассматривать как структуру общепринятых и в определенной степени обобщенных знаний, которая входит в общую систему культурно значимого опыта и мнений носителей данной языка. Из этого следует, что значения не существуют сами по себе – утверждение, с которым соглашается и когнитивная и структурная лингвистика. И когнитивисты и структуралисты считают, что значения контекстуально обусловлены. Однако эта контекстуальная обусловленность определения значения понимается ими по-разному. Для структуралистов – это внутриязыковой контекст, т.е. синтагматические и парадигматические отношения между языковыми знаками внутри языковой системы. Для когнитивистов контекст, на фоне которого определяется языковое значение, является внешним по отношению к системе языка. Значения – это когнитивные структуры, включенные в модели знания и мнения. Другими словами, значение языковой единицы становится понятным только в контексте других когнитивных структур. При этом вопрос о том, вербализованы ли эти структуры в языке отдельными словами или нет, в принципе не является существенным.

Из всего вышесказанного следует, что значения слов соотносимы с определенными когнитивными контекстами – когнитивными структурами, или блоками знания, которые стоят за этими значениями и обеспечивают их понимание. Эти когнитивные контексты, или блоки знания Р. Лэнекер [7, с.3] называет «cognitive domains» (когнитивные области, сферы, или контексты), Ж. Фоконье и Дж. Лакофф – ментальными пространствами, а Ч.Филлмор назвал фреймами [8, с.1-66].

Таким образом, структурная лингвистика в целом занимается преимущественно исследованием групп лексем ради них самих и интерпретацией лексико-семантических полей как собственно языковых феноменов. Между тем фреймовая семантика (и в этом их основное отличие) настаивает, прежде всего, на необходимости связывать значение слова с лежащим в его основе фреймом. Тем самым она допускает возможность того, что говорящие могут знать значение слова, входящего в ту или иную лексическую группу, даже если они не знают никаких других слов из этой группы или лишь некоторые из них. Следует сразу же оговориться, что термин «фрейм» в данном случае используется как родовое понятие – общий термин для обозначения различных типов когнитивных структур, лежащих в основе значения данного слова, т.е. по аналогии с термином «концепт» как родовым понятием, включающим и образы, и представления, и понятия, и фреймы и т.п. Однако в отличие от общего термина «концепт», который может выражать любую единицу знания, в том числе и неструктурированного (типа целостного образа, понятия или гештальта), общий термин «фрейм» используется только для обозначения структурированных концептов: собственно фреймов, схем, сценариев, когнитивных моделей. Другими словами, фрейм – это всегда структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания и мнения об определенной, часто повторяющейся ситуации.

Список литературы

1. Герасимов, В. И. На пути к когнитивной модели языка [Текст] / В. И. Герасимов, В. В. Петров // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1988. Вып.23. Когнитивные аспекты языка. – С. 5-11.
2. Кравченко, А. В. Знак, значение, знание [Текст]: очерк когнитив. Философии яз. / А. В. Кравченко. – Иркутск: Иркут. обл. тип. № 1, 2001. – 261 с.
3. Кубрякова, Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения [Текст] / Е. С. Кубрякова; Ин-т языкознания РАН. – М.: Изд-во РАН, 1997. – 331 с.
4. Минский М. Фреймы для представления знаний. – М.: Энергия, 1979 – 151 с.
5. Никитин, Н. В. Основания когнитивной семантики [Текст]: учеб. пособие/ Н. В. Никитин. – СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2003. – 277 с.
6. Рахилина, Е. В. Когнитивная семантика: история, персонажи, идеи, результаты [Текст] / Е. В. Рахилина // Семиотика и информатика: сб. науч. ст. /Рос. акад. наук, Все рос. ин-т науч. и техн. информ. – Вып. 36. – М., 1998. – С. 274-323.
7. Langacker R. W. A Reference-point Constructions.// Cognitive Linguistics, 1993. – Vol. 4, №1. – P. 1-38.
8. Fillmore Ch., Atkins B. Towards a frame based lexicon: The semantics of RISK and its neighbors. //Frames, Fields and Contrasts. – N. Y.: Lawrence Erlbaum Associates, 1992. – P. 1-66.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «ВЛЕЧЕНИЕ» В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА ФРАНЦУЗСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Мосиенко Л.В.

доцент кафедры романской филологии и методики преподавания французского языка, д-р пед. наук, доцент, Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

Безменова Ж.Н.

студентка 4 курса факультета филологии и журналистики, Оренбургский государственный университет, Россия, г. Оренбург

В статье определяется понятие семантическое поле. Исследуется структура семантического поля «влечение», его компонентный состав на материале лексикографических данных. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ семантического поля «влечение», целью которого является выявление национально-культурной специфики восприятия рассматриваемого понятия в языковой картине мира французского и русского языков.

Ключевые слова: языковая картина мира, семантическое поле, структура, лексические единицы.

Специфическое восприятие мира, отношение человека к миру, к природе, к животным, самому себе отражается непосредственным образом в языке, формируя национально-окрашенную языковую картину мира как «общекультурное достояние нации», специфическое человеческое восприятие мира, зафиксированное в языке (В.А. Маслова).

Языковая картина мира «отражает реальность средствами языка, но не прямо, а через культурную картину мира» [4, с.23]. Она «обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека, ... отражает способ речемыслительно й деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями» [3, с. 64]. Так как реальная картина мира представлена в сознании человека языковыми средствами, она объективирована языком и имеет уже только ту форму, которую «отразил» и создал – на базе культуры – национальный язык.

Проблема изучения языковой картины мира тесно связана с проблемой концептуальной картины мира. Она состоит из множества концептов, которые, в свою очередь, представлены семантическими полями. Семантическое поле конструируется не само в себе, а в его связи с другими полями и – шире – языковой картиной мира.

Существуют различные подходы к определению понятия «семантическое поле», критериями выделения которого выступают «смысловый признак» (Л.М. Васильев), «семантический признак» (Ю.Н. Караулов), «семантическая общность» (Ю.Д. Апресян), «лексическое значение» (Н.Г. Долгих). Такие лингвисты, как Р.А. Будагов, В.В. Виноградов, И.А. Стернин определяют лексическое значение как комплексное явление, имеющее сложную

структуру, зависящую от факторов внутриязыкового и экстралингвистического характера.

Словарное определение поля представляет его как совокупность содержательных единиц (понятий, слов), покрывающую определенную область человеческого опыта и образующую более или менее автономную систему (О.С. Ахманова). В трактовке А.К. Башариной семантическое поле уточняется, это «множество, в которое входят как слова во всей полноте их семантической структуры, так и лексико-семантические варианты многозначных слов, выражающих соответствующее понятие» [2, с. 96].

В данной статье мы представляем результаты лексикографического исследования семантического поля «влечение» как первый этап работы, предваряющий исследование произведений Э.Л. Джеймс с целью выявления лексических единиц, входящих в данное семантическое поле. В ходе исследования нами использовались методы отбора словарного материала (метод сплошной выборки из словарей, метод поиска по ключевым словам в электронных информационных ресурсах), метод анализа словарных дефиниций, метод компонентного анализа. Следует заметить, что в данной работе, представляя семантическое поле «влечение», мы выделяем лишь имена существительные.

В результате было выявлено 65 лексических единиц в русских словарях и 53 лексические единицы во французских словарях. Учитывая, что структура семантического поля включает ядро, представленное родовой семой (гиперсемой); центр поля, состоящий из единиц, имеющих интегральное, общее значение с ядром; периферию, включающую единицы, наиболее удаленные в своем значении от ядра.

Для выделения ядра семантического поля «влечение» в качестве родовых сем или категориально-семантических компонентов в словарных определениях выступают в русском языке: чувство, склонность, привязанность, во французском языке – *sentiment, forme d'amour, penchant, séduction, action d'étaler une attitude*. Важно, что во французской и русской языковых картинах мира «влечение» означает положительное чувство.

Центр поля представлен единицами следующих семантических классов: влечение как переживание отношения к чему-н., кому-н. (чувство, отношение, склонность, привязанность; *le sentiment, l'action, l'attitude, l'affection*); степень проявления чувства (сильное, глубокое; *fort, aveugle, ardent*); время продолжительности чувства (постоянное, заранее создавшееся, стойкое); направленность на объект (склонность, притяжение; *l'inclination, passion, penchant*); эмоции, связанные с влечением (*émotion ardente, forte, vive*). Во французском языке уточняется степень проявления влечения, которая характеризуется особой силой, и проявляется через внешние проявления (действия: *manifestant le souci*) и внутренние проявления (переживания: *fort de tendresse, d'affection, force intérieure et naturelle*). Во французском языке подчеркивается способ происхождения влечения (*spontanément, volontairement*), тогда как в русском языке – это заранее создавшееся расположение. Влечение во французском языке связывают с чувствительностью, сексуальностью, желанием обладать предметом обожания.

Периферийное положение внутри семантического поля «влечение» занимают как в русском, так и во французском языке лексемы: стремление, энтузиазм, симпатия, благорасположение, мания, тяга, *impétuosité*, *fanatisme*, *adultère*, *l'harmonie*, то есть лексемы, наиболее удаленные от ядра по степени интенсивности чувства, то есть либо высокая, либо слабая степень притяжения. Содержание периферии семантического поля «влечение» свидетельствует о том, что оно имеет тесные семантические связи с другими чувствами, явлениями – гетеросексуализм, лесбиянство, похоть, *inceste*, *avidité*, *caprice*. Если в русском языке периферийные единицы семантического поля «влечение» означают направленность на объект, во французском языке наблюдается направленность на себя, в том числе – *séduction*, *fascination* (очарование, соблазнение).

Судя по объему семантических полей, степени интенсивности, эмоциональности чувств, заложенных в значении лексических единиц, в русской языковой картине мира семантическое поле «влечение» более разнообразно представляет палитру чувств, отражая как положительные эмоции, так и отрицательные явления. То есть русская языковая картина мира, представленная семантическим полем «влечение» более контрастная, тогда как во французской языковой картине мира влечение в большей степени отражает отношения в браке или адюльтер, чувственно-сексуальный оттенок влечения. Понятийное содержание «влечение» у носителей русского и французского языков формируется на основе имеющейся национально-специфической системы ценностей.

Список литературы

1. Абрамов Н.А. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. Москва, 1999. 433 с.
2. Башарина А.К. Понятие «семантическое поле» Вестник ЯГУ, 2007, том 4, №1. С. 93-96.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. Москва, 2004. 203 с.
4. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. Москва.: Слово/Slovo, 2008. 344 с.
5. Baratin M., Baratin-Lorenzi M. Dictionnaire des synonymes. HACHETTE LIVRE, 2003. 632 p.
6. Genouvrier E., Désirat C., Hordé T. Dictionnaires des synonymes. Larousse, 2004. 743 p.

НЕОБЫКНОВЕННАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ: ЯЗЫК ЦВЕТОВ В СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Ненарокова М.Р.

старший научный сотрудник, д-р филол. наук,
Отдел классических литератур запада и сравнительного литературоведения
Института мировой литературы им. А.М. Горького (ИМЛИ) РАН,
Россия, г. Москва

В статье рассматривается и анализируется первый английский словарь языка цветов – книга ботаника Генри Филлипса «Цветочные эмблемы». В языке цветов роль слов

исполняют цветы, листья, плоды. Словник «Цветочных эмблем» составляют названия чувств, переживаний, а также действий, ситуаций, предметов, их вызывающих. Каждая статья посвящена растению, которое избирается эмблемой определенного чувства. Филлипс также включает в свой словарь краткую информацию по многим отраслям знания, сближая его с энциклопедиями, однако книга «Цветочные эмблемы» является энциклопедией особого рода: она помогает читателю познавать и воспитывать самого себя.

Ключевые слова: английская литература, сентиментализм, язык цветов, словарь, энциклопедия, чувство, растение.

На рубеже XVIII-XIX вв. ботаника была одной из немногих наук, доступных для изучения не только мужчинам, но и женщинам. Она входила в круг предметов, которые преподавались в школах для девочек и дома, так как считалось, что «изучая природу, можно познать саму себя» [9, 16]. Ботаника как наука для женщин получила в свое распоряжение необычные формы для передачи информации и использовала их.

Одной из форм, в которой могла передаваться информация о растениях, является язык цветов. В нем вместо слов, словосочетаний, предложений использовались цветы, листья, плоды и их сочетания. Язык цветов как салонная игра, основанная на барочной эмблематике, возник во Франции в XVII в., но сложился в относительно стройную систему на рубеже XVIII-XIX вв. Как кажется, причиной все возрастающего интереса к языку цветов стали «Турецкие письма» леди Мэри Уортли Монтагю, жены британского посла в Турции, описавшей турецкую игру «салам» – «приветствие», в которой цветы, фрукты, пряности, даже соль и шелк употреблялись для составления посланий: «в Турции с помощью этих символов [цветов, плодов, пряностей и т.д. – МН] можно ссориться, упрекать или посылать любовные, дружеские, светские письма, даже новости, не пачкая пальцы в чернилах, ибо ... нет ни цвета, ни травинки, ни плода, ни цветка, ни пряности, ни даже перышка, с которым бы не было связано стихотворение» [5, viii]. Внимание к чувствам и переживаниям человека, к его внутреннему миру, характерное для такого литературного течения, как сентиментализм, искало способы своего выражения, и одним из способов выражения чувств стал язык цветов. Растения как символы чувств проникли в литературу и в изобразительное искусство. Их смысл был известен читательской аудитории, потому что сборники стихов выпускались с приложением словарей языка цветов, помогавших понять, что хотел сказать поэт.

На рубеже XVIII-XIX вв. в Англии выходило много книг, посвященных растениям. Одним из известных ботаников того времени был Генри Филлипс (1780-1830). Он был членом общества Садоводов, а в 1825 г. вступил в Линнеевское общество и занимался научными исследованиями [3, 201-202]. За десять лет, с 1820 по 1830 гг., из-под его пера вышло восемь книг по ботанике, причем некоторые переиздавались по два-три раза [3, 202]. Генри Филлипс высоко ценил науку, которой занимался. В своей «Истории культурных овощей» (1822) он писал: «Трудно было бы ответить на такой вопрос: является ли изучение естественной истории растений более приятным для ума

или более благотворным для тела. Важность этого занятия должен глубоко ощущать размышляющий ум; поистине оно имеет преимущества перед всеми науками. Изучение естественной истории, в особенности ботаники, успокаивает ум и утихомиривает страсти» [6, 1]. Филлипс не удовлетворяло то, что в его время, когда английский язык «так быстро становится наречием половины мира» [7, vi], «ботаника все еще не лишилась латинских одеяний» [7, vi], и потому «изобилие книг... предоставляет большей части общества, в особенности тем людям, которые не получили классического образования, слишком мало информации» [7, v-vi]. Филлипс хотел писать для массового, или как он выразился, для «обычного читателя» [7, v], не отягощенного знанием латыни, но любящего растения.

Одну из своих книг, «Цветоносный лес» (1823), Филлипс посвятил жене, с которой он «вместе путешествовал по дорогам, иногда усыпанным цветами, а часто выстланным терниями» [8, 1], в знак «уважения, почтения и любви» [8, 1]. Другую, «Цветочные эмблемы» (1825), он посвятил «поэтам и художникам Великобритании» [5, i], однако в основу ее был положен язык цветов, так что эта книга служила для пользы и развлечения образованных женщин.

Педагогика в то время находилась под влиянием идей Жан-Жака Руссо; в частности считалось, что интеллект женщин слабее интеллекта мужчин. Основанием для этого были рассуждения Руссо в его романе «Эмиль, или О воспитании». Так, он писал: «труды гениальные превосходят их [женщин] понимание; нет у них также достаточной правильности суждения и внимательности, чтобы успевать в науках точных; что же касается физических знаний, то судить об отношениях между существами, одаренными чувствительностью, и о законах природы – дело того из двух, кто наиболее деятелен, наиболее подвижен, кто больше видит предметов, у кого больше силы и кто больше ее упражняет» [1]. Поскольку, по мнению Руссо, «исследование абстрактных и умозрительных истин, исследование принципов, аксиом науки, всего того, что стремится к обобщению идей, не под силу женщинам» [1], их нужно учить иначе, чем мужчин, и предоставлять им информацию в той форме, в которой их «практический ум» [1] способен что-либо воспринимать.

Филлипс создавал свои «Цветочные эмблемы» с мыслью, что они послужат «выражению чувств» [5, viii], беря за образец форму словаря. Книга состоит из словарных статей, расположенных по алфавиту – от *A* до *Z*. По замыслу автора, с помощью этой книги поэты и художники должны были говорить о любви при помощи растений-символов, «ибо это тот род притчи, который воспринимается зрением и чрез его посредство передается сердцу» [5, 9], однако «древний и безмолвный язык цветов подает помощь благодарности, дружбе, сыновней любви и материнской нежности. Даже страдание можно унять эмблематической передачей чувства» [5, 10]. Поэтому словник «Цветочных эмблем» включает в себя названия чувств, настроений, действий или ситуаций, вызывающих некие чувства и настроения. Каждая словарная статья начинается с подобного слова, например, статья, посвященная инжиру, открывается словом «Доказательство». Далее идут английское и латин-

ское названия растения: *Fig. – Ficus* [5, 64]. Цитата из «Времен года» Джеймса Томпсона *Beneath his ample leaf, the luscious fig* – «Под своим широким листом сочный и сладкий инжир» [5, 64] не только напоминает читателю об одном из прекрасных произведений английской литературы, но и сообщает ботанические признаки плода инжира – сочность и сладость – и его листьев – величина, обширность. Основную часть словарной статьи составляет история, объясняющая, почему инжир получил в языке цветов значение «доказательство» [5, 64 – 65]. Это рассказ о том, как Катон побудил римских сенаторов объявить войну Карфагену. Взяв в руку инжир, Катон сказал: «Еще и трех дней не прошло, как этот инжир был сорван в Карфагене; видя этот плод, поймите, как близко от стен нашего города находится наш смертельный враг» [5, 65]. Словарная статья заканчивается моральным уроком: «Доказательство зачастую используется как таран теми, кто желает навязать свое мнение другим людям» [5, 65]. Подобная структура статей с небольшими изменениями сохраняется на протяжении всей книги.

Филлипс писал свои «Цветочные эмблемы» как энциклопедию в прямом смысле этого слова, то есть как «круг знаний», необходимый его читателям и читательницам, «обычным» людям [7, v].

При том, что целью книги является «выражение чувств» [5, viii], в словарных статьях сообщается много чисто ботанических сведений, объясняющих связь растения и его значения. Так, например, звездчатая астра означает «запоздалое раздумье» [5, 60] по времени своего цветения: она «распускает свои цветы в месяце ноябре, когда все остальные цветы уже исчезли» [5, 60]. «Чувствительный маленький цветок» [5, 68] под названием «очный цвет» значит «условленную встречу» [5, 68], поскольку, открывая или закрывая свои цветы, он как если бы подает условный знак: «закрывая свои лепестки, он предсказывает сырую погоду, но когда он полностью открыт, он предвещает сухую и ясную погоду» [5, 68]. Филлипс сообщает и народные названия очного цвета, которые также отражают свойства этого растения: «крестьянский барометр и пастуший погодник» [FE, 68]. Отсутствие запаха становится основанием для того, что камелия толкуется как «красота – твоя единственная привлекательная черта» [5, 76], ибо, «хотя она привлекает все взоры своей красотой, ей не удастся по причине отсутствия аромата расположить нас к себе так, как розе» [5, 76]. Бурачник стал эмблемой грубых манер, поскольку его стебли и листья покрыты «жесткими волосками» [5, 79]. Марена, «столь необходимая красильщикам и ремесленникам, наносящим рисунок на ткань» [5, 84], стала символом клеветы, «поскольку она оставляет несмываемое пятно на самой чистой ткани» [5, 84]. Возможно, ботаническая информация, содержащаяся в статьях, покажется на первый взгляд скудной, но не стоит забывать о латинских названиях растений, которые Филлипс неукоснительно помещает в свою книгу. Если читателю не будет достаточно основных признаков, по которым он может узнать растение, он всегда может найти сведения о нем в специальной литературе, воспользовавшись латинским названием.

Из «Цветочных эмблем» можно узнать, как растения употребляются в пищу. Так, статья «Деятельность» оказывается посвященной тимьяну, пряной

траве, «действенные качества» которой «должным образом оценены любителями вкусно поесть, поскольку он возбуждает и увеличивает их аппетит, делая вкусным каждое блюдо, к которому его добавляют» [5, 57]. Картофель, «хлеб бедняка и роскошь богача» [5, 77], символизирует «благодетель» [5, 77], ибо он воспринимается как «мука без мельницы и хлеб без печи» [5, 77]. Цикорий обозначает «бережливость» [5, 155], ибо он является «одним из блюд бережливости» [5, 155].

Среди растений, описанных Филиппом, немало тех, которые употребляются в медицине. Мак «подаёт облегчение и сон беспокойному больному» [5, 98], и потому он называется «утешением для больных» [5, 98]. Ноготки, или календула, «высоко ценились как укрепляющее лекарство для поднятия духа и уменьшения слишком сильного сердцебиения» [5, 117]. Поскольку упадок духа и сильное сердцебиение считались признаками не только сердечных заболеваний, но и отчаяния, ноготки стали символизировать это душевное состояние [5, 117]. Коровяку было придано значение «добродушие» [5, 159], ибо это растение могло «утолять и облегчать боль» [5, 159]. Интересен случай шалфея, символическое значение которого – «уважение», согласно Филиппу, пришло из средневековой медицины, поскольку его «высоко ценили в школе Салерно» [5, 135] за его разнообразные лечебные качества.

Некоторое родство с лекарствами имеют косметические средства, и одно из них упоминается в «Цветочных эмблемах». Корни растения воловий язык, или воловик, использовались для изготовления румян, и потому это растение стало символом обмана [5, 137].

Филлипп включает в словарные статьи множество сведений из античной мифологии. Некоторые статьи кратко пересказывают мифы, например, в статье «Отвага. – Черный тополь» [5, 101] говорится: «Тополь был посвящен Геркулесу в связи с тем, что он убил Кака в местности, где эти деревья росли в изобилии» [5, 101]. Такое качество, как «глупость, или простота», отсылает читателя к истории Прозерпины, съевшей «несколько зерен граната на Элизийских полях, что, как рассказывают нам поэты, воспрепятствовало ее возвращению на землю» [5, 149]. Соответственно, эмблемой этого качества становится гранат. Филлипп использует не только общеизвестные мифы, но и переводы поэм Гомера. Так, в статье «Бессмертие. – Амарант» он упоминает «фессалийцев, надевших венки из амаранта, на похоронах Ахилла» [5, 177], которых описал Гомер, и добавляет, что именно это описание «побудило бардов поместить этот цветок в список траурных цветов и сделать его эмблемой бессмертия» [5, 177]. Иногда источником значения цветка становится «традиция» [5, 209]: растение под названием «ластовень» становится эмблемой медицины, поскольку «полезные свойства этого растения были обнаружены богом медицины» [5, 209]. Связь Асклепия, бога медицины у древних греков, и растения *swallow-wort* – «ластовень» была бы совершенно непонятна, если бы Филлипп не привел латинского названия – *Asclepias* [5, 209]. Однако чаще всего Филлипп обращается к «басням» [5, 93, 111] и ссылается на «мифографов» [5, 166, 202]. Так, в статье «Бессердечная/бессердечный. – Салат латук» источником значения оказывается басня: «В басне рассказывается,

что после смерти Адониса Венера лежала на ложе из латука» [FE, 93]. То же относится и к статье «Желтый нарцисс. – Обманчивая надежда»: «Басня рассказывает нам, что Прозерпина собирала нарциссы, когда ее похитил Плуто» [5, 111]. Трактаты «мифографов», античных грамматиков, занимавшихся толкованиями мифов, также являются источниками значений, которые Филлипс приписывает растениям в своей книге: «Мифографы говорят нам, что изначально роза была белой и что более теплый оттенок был ей впервые придан кровью Венеры» (статья «Бутон белой розы. – Сердце, не знающее любви») [5, 166]. История о том, что Венера укололась о шипы розы, и ее кровь сделала цветы и бутоны алыми, была хорошо известна поэтам эпохи романтизма, так что Филиппсу не нужно было ее пересказывать целиком. Хорошо известна была и другая история, также прокомментированная «мифографами» [5, 202]: эмблемой любви стал мирт, потому что «когда Венера впервые поднялась из лона волн, ее встречали Хоры, богини времен года, с миртовой гирляндой, с какового времени мирт был посвящен богине красоты и сделан эмблемой любви» [5, 202]. Из античных поэтов, кроме Гомера, Филлипс упоминает Овидия, когда составляет статью «Нарцисс. – Эгоизм и себялюбие»: «Эта эмблема имеет свое начало в красивом превращении, описанном Овидием, прекрасного и неприступного Нарцисса в этот цветок» [5, 129]. Иногда источник значения не указывается, хотя в статье находим античные аллюзии. «Яркие венчики этого маленького растения получили имя Венерина Зеркала; и по этой причине оно сделалось эмблемой отражения, а также лести» [5, 147], пишет Филлипс о легузии (вид колокольчика), которая с XVI в. цвела в европейских садах. Видимо, название этому колокольчику было дано неким садовником в эпоху Барокко.

Несколько значений взято Филиппсом из английской литературы. «Душистая белая фиалка» известна как символ чистосердечия и невинности [5, 85]. Однако «сонет шестнадцатого века» дает основание приписать белой фиалке еще одно значение «верность»: *Violet is for faithfulness* – «Фиалка в знак верности» [5, 85]. Цитата позволяет представить круг чтения самого Филиппса. В его распоряжении находилась редкая книга – сборник стихотворений и песен, изданный в 1584 г. [2]. В статье «Ревность. – Бархатцы» [5, 193] находим аллюзию на комедию Шекспира «Двенадцатая ночь, или Что угодно?»: «По причине своего цвета этот цветок подается как эмблема тех, кто, как говорят, носит желтые чулки» [5, 193]. Здесь читатель должен был вспомнить желтые чулки Мальволио, управляющего Оливии, главной героини пьесы. Значение, приписывавшееся барвинку, «приятные воспоминания», возникло под влиянием «Исповеди» Жан-Жака Руссо: «Поклонники Руссо считали этот цветок символом приятных воспоминаний, потому что его появление вернуло мысли поэта к прежним друзьям» [5, 236].

Не только литература, но и история дают Филиппсу материал для растительных эмблем. Так, тамариск становится эмблемой преступления, ибо «у римлян был обычай надевать на головы преступникам венки из гибких ветвей этого растения» [5, 102]. Напротив, доброту символизирует марь цельнолистная, английское название которого *Good King Henry* – «Добрый Король

Генри» (по-латыни *blitum bonus henricus*) отсылает читателя к истории Франции. По мнению Филлипса, «это растение ... сообщит бóльшую продолжительность памяти о Генрихе IV, чем бронзовая статуя, поставленная на Новом мосту, пусть она и окружена железной оградой и охраняется караулом солдат» [5, 102]. Это растение, напоминающее по вкусу шпинат, употреблялось в пищу бедняками. Свое название оно получило в память о Генрихе Наваррском (1553-1610), который в отличие от многих других правителей Франции заботился о всех своих подданных, в особенности об улучшении жизни простого народа.

Еще со времен средневековья растения использовались как атрибуты святых. Несмотря на то, что культ святых свойственен Римско-Католической Церкви, Филлипс упоминает их в связи с их растениями-атрибутами, хотя и оговаривается, что это обычай «Папистской» Церкви: «...желтый нарцисс посвящен св.Перпетуе...нарцисс брандушка посвящен св.Екатерине, нарцисс колеблющийся (*Narcissus nutans*) – св.Юлиану» [5, 111]. Разные виды примулы также напоминают о разных святых: «Обычная примула посвящена св.Агате; ее красная разновидность, *aculis*, св.Аделаиде; ранняя красная, *Verpa Rubra*, св.Феодоре, махровая – св.Екатерине де Риччи» [5, 128]. Встречаем в «Цветочных эмблемах» и библейские аллюзии. Так, можжевельник выбран эмблемой помощи, поскольку «этот горный кустарник ... укрыл пророка Илию от преследований царя Ахава» [5, 69].

По традиции, сложившейся еще в XVII в., местом возникновения языка цветов считалась Турция и вообще Восток, поэтому в книге Филлипса рассказывается и об использовании цветов в других, восточных, странах. Так, значение «объяснение в любви» приписывается тюльпану, потому что «с незапамятных времен он был сделан эмблемой, при помощи которой молодой персиянин объясняется в любви» [5, 112-113]. Английские читатели узнавали, что, преподнося девушке тюльпан, можно открыть свои чувства в восточном стиле: «лицо влюбленного горит, подобно этому цветку, а сердце превратилось в пылающий уголек» [5, 113]. Цветок, известный под названием «бальзамин» (русск. недотрога) у Филлипса символизирует нетерпение, а у турок выражает «пламенную любовь» [5, 178]. Обычаи народа также могут подать мысль о значении растения: «Мы полагаем, что китайская гвоздика была помещена в цветочную иероглифику, чтобы выражать отвращение, в напоминание об обычае китайцев, которые желают избегать всяческого общения с другими нациями» [5, 71].

Обычаи родной страны, наблюдения за жизнью окружающих людей также были использованы Филиппсом в его «Цветочных эмблемах». Так, душистая рута получила значение «благодать, или очищение», ибо «это растение некогда называлось Травой Благодати, потому что его использовали, чтобы разбрызгивать святую воду» [5, 162]. Значением бирючины стала «защита», «поскольку ее часто сажают в садах в качестве живой изгороди для защиты нежных растений» [5, 113]. Поскольку лютик часто упоминается «в играх детей» [5, 92], «этот цветок, который так радостно украшает наши луга золотыми лепестками» [5, 92], становится эмблемой ребячливости, детства [5, 92].

Создавая книгу, рассказывающую о значениях растений, невозможно обойти вниманием те из них, которые служат национальными символами. Так в книге появляется чертополох, наделенный значением «вторжение», или «назойливость» по той причине, что фермеры не рады видеть его на своих полях [5, 179]. Филлипс делает экскурс в историю отношений Англии и Шотландии и дает характеристику отношений между ними в начале XIX в.: «Чертополох символизирует Шотландию, будучи эмблематическим цветком несчастных Стюартов, которые так часто носили *Cluas-an-fheiah* (печальный чертополох) в своей короне. Сейчас он так счастливо сплетен с английской розой, что мы надеемся, ни одна рука, которая дерзнет попытаться разделить их, не избежит колючек ни того, ни другой» [5, 179-180].

Хотя жанр энциклопедии не предполагает наставлений, поскольку книги такого рода должны сообщать как можно более подробные сведения по широкому кругу предметов, во многих статьях своей книги Филлипс указывает читателям, какие выводы они могут сделать из размышлений над тем или иным растением. Как писал Филлипс в своей книге «Историческая Флора»: «... сколь сильно изучение растительного царства Природы побуждает дух к подобающему ему чувству благодарности...» [5, vii]. Растения, в зависимости от своей природы и своих свойств, способны преподать читателю разнообразные моральные уроки. Так, жимолость («узы любви») «напоминает нам, что приятный характер привязывает к себе крепче, чем ослепительная красота» [5, 83]. Астра учит нас, что «жизнерадостность в старости» является истинным «благословением, она удлиняет лето наших дней и способствует подбадриванию всех, кто входит в ее круг» [5, 90]. Тамариск, означающий «преступление», входя в язык цветов, предупреждает читателя, что «преступная любовь порождает отвратительные деяния, которые слишком часто заслуживают венка из тамариска» [5, 102], поскольку, как в этой же статье пишет Филлипс, в Древнем Риме такие венки надевали преступникам. При взгляде на розовую акацию – «элегантность» – читатель должен был вспомнить, что «Достоинства часто можно увидеть без элегантности, но элегантность составлена из достоинств» [5, 130].

Заключение своей книги Филлипс постарался обыграть, пользуясь таким художественным средством, как параллелизм. Последним растением, точнее деревцем, помещенным в «Цветочные эмблемы», оказывается лимон, эмблема вкуса, в том числе и вкуса к жизни (*zest*): «Это благоуханное растение, плод которого придает столь приятный вкус трапезе и блюдам, мы представляем как эмблему вкуса, и если наши страницы сообщат [читателю] вкус к новому и невинному удовольствию, мы сочтем, что наши труды вознаграждены в высшей степени приятным образом» [5, 338].

Внимательное чтение «Цветочных эмблем» Г.Филлипса показывает, что эта книга представляет собой энциклопедию особого рода. Благодаря своему словнику она знакомит читателя с кругом понятий из области чувств, которые могут и должны быть присущи образованному, культурному человеку, как женщине, так и мужчине, и являются признаками цивилизованности. Названия чувств, душевных состояний, а также действий, ситуаций,

предметов, которые вызывают те или иные переживания, образуют своего рода систему, организующую круг знаний, необходимый для их правильного понимания. Небольшая книга Филлипса отвечает требованиям, которые можно предъявить к тексту энциклопедического жанра, она, пусть и кратко, предоставляет читателю сведения из многих отраслей знания – от ботаники до истории, от ремесла до юриспруденции. Однако организующая идея этой энциклопедии иная. Если обычная энциклопедия создается, чтобы открыть перед своими читателями внешний мир, то книгу Филлипса можно назвать энциклопедией внутреннего мира человека, помогающей ему познавать и воспитывать самого себя.

Список литературы

1. Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или О воспитании // <http://www.marsexx.ru/tolstoy/russo-emil5.html#099>
2. A handefull of pleasant delites containing sudrie new sonets and delectable histories, in diuers kindes of meeter. Newly deuised to the newest tunes that are now in vse, to be sung: euerie sonet orderly pointed to his proper tune. With new additions of certain songs, to verie late deuised notes, not commonly knowen, nor vsed heretofore, by Clement Robinson, and diuers others. Robinson, Clement, fl. 1566-1584. // <http://quod.lib.umich.edu/e/eebo/A10831.0001.001/1:3?rgn=div1;view=fulltext>
3. Dictionary of National Biography. ed.Sidney Lee. v.45.L, 1898. – p.457.
4. Phillips H. Flora Historica, or The Three Seasons of the British Parterre. V.1. L., 1829. – p. 333.
5. Phillips H. Floral Emblems. L., 1825. – p.352.
6. Phillips H. History of Cultivated Vegetables. v.1. L., 1832. – p.304.
7. Phillips H. Pomarium Britannicum. An Historical and Botanical Account of Fruits Known in Great Britain.L., 1822. – p.377.
8. Phillips H. Sylva Florifera: The Shrubbery, Historically and Botanically Treated. v.1. L, 1823. – p.336.
9. Seaton B. The Language of Flowers, a History. – Charlottesville London, 1995. – p. 236, [1].

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОПИСАНИЯ ПЕЙЗАЖА В РОМАНЕ Ш. БРОНТЕ «ДЖЕЙН ЭЙР»

Овчинникова М.В.

доцент кафедры английской и русской филологии, к.п.н., доцент,
Государственный гуманитарно-технологический университет,
Россия, г. Орехово-Зуево

Бородулина Е.С.

студентка 4 курса факультета иностранных языков,
Государственный гуманитарно-технологический университет,
Россия, г. Орехово-Зуево

В статье рассматриваются стилистические средства, используемые Ш.Бронте для передачи намерений, душевных переживаний героев, их мыслей и чувств. Шарлотта

Бронте – признанный мастер пейзажа. При помощи олицетворения Бронте превращает неживую природу в одушевленное существо, как бы реагирующее на происходящие события. Роман «Джейн Эйр» как нельзя лучше раскрывает мастерство передачи автором глубины и смысла романа через призму природы.

Ключевые слова: стилистические средства, олицетворение, сравнение, эпитет, метафора, пейзаж, природа.

К началу девятнадцатого века проза (особенно женская) достигла значительных успехов в психологическом анализе, описаниях быта, нравов и окружающей природы. Шарлотта Бронте всю жизнь отстаивала право на свое видение реальности и поэтическое ее воспроизведение, будучи убежденной, что художник должен чувствовать поэзию и обладать ярким, живым воображением. Её несколько раздражала бытописательская манера с точным воспроизведением обычных лиц, ухоженных садов с подметенными дорожками и нежными цветами, но при том – ни одного яркого образа, ни одного дикого ландшафта.

Шарлотта Бронте обессмертила пейзаж родного города. Её семья жила в маленьком тихом и спокойном городке Хоурт, численность населения которого не превышала и пяти тысяч человек. Вокруг Хоурта простирались луга, вересковые пустоши, холмы с пологими склонами. Таковым стал мир, окруживший детей Бронте с самого детства. Приход, церковь и кладбище находились на холме, с которого открывался вид на окружающий пейзаж, бедную неплодородную землю, вересковые пустоши, только весной покрывающиеся фиолетово-розовым ковром цветущего вереска. В остальное время ветер выл над угрюмой чередой холмов, навевая тоску. Но у сестер Бронте была необычайная привязанность к родному пейзажу, который они обессмертили в своих творениях, став взрослыми.

Шарлотта Бронте умела открывать красоту в реальном, окружающем мире. Необычайная привязанность к родному пейзажу позволила писательнице обессмертить её в своих творениях.

С самого начала романа «Джен Эйр» пейзаж гармонирует с переживаниями маленькой Джен. Ей тяжело живется у тетки, где дети издеваются над ней, а миссис Рид постоянно и несправедливо наказывает ее. Природа, которую автор рисует здесь, созвучна настроению героини, – уныла, тосклива: дождь, ветер, покрытое тучами небо и холод. Не случайно события, о которых здесь повествует автор, происходят осенью и зимой. Именно осень и зима лучше всего подчеркивают мрак и тоску на душе у Джейн. Эмоциональности описания способствуют эпитеты: *ceaseless rain* (нескончаемый дождь), *black frost* (мрачный мороз), *opaque sky* (мрачное небо), *howling wind* (завывающий ветер), *beclouded sky* (облачное небо), *lamentable blast* (жалобно стоявший ветер).

Так, маленькая Джен, живущая «из милости» в доме тетки, пытается найти тихое убежище, и прячется за плотной шторой, что позволяет ей углубиться в рассматривание картинок. Ее глазами читатель видит типично романтические пейзажи: полярные страны, мертвенно-бледные миры, одинокий

утес среди пенящихся волн, разбитую лодку, выброшенную на пустынный берег. Незыблемый трепет вызывает в ее сердце изображение заброшенного кладбища и одинокого могильного камня с надписью, а также корабля, застигнутого штилем в неподвижном море. И вместе с ними в роман входит тема печали и скорби, что делает творчество Шарлотты Бронте близким традициям Блейка, чьи «Песни невинности» посвящаются безрадостной жизни детей, пребывающих в нищете и холоде.

В дальнейшем происходит стремительная смена декораций. Тесно переплетаются романтизм и реализм, которые придают роману неповторимый характер. Следующий этап непосредственно связан с пребыванием главной героини в приюте Ловуда. Природа в этих главах служит фоном для рассказа о еще более мрачном периоде жизни Джен. Описание пребывания Джен Эйр в приют точно передает его характерные черты: дождь, ветер, мрак. В главах, посвященных Ловудскому приюту, пейзаж тоже мрачен и суров: *the iron sky of winter* (свинцовое зимнее небо), *mists as chill as death* (туманы, холодные как смерть), *that beck a raving sound* (река неслась с бурным ревом) *wild rain or whirling sleet* (проливной дождь или вой выюги), *the forest showed sleet only ranks of skeletons* (вместо леса были мертвые деревья) [1; с. 52]; [4; с. 68]. Изображение Ловуда больше напоминает казарму: очень длинное помещение, со множеством освещенных окон, стена с открытой дверью [1; с. 46] (*the building spread far – with many windows; and lights burning in some, a wall and a door open in it –* [4; с. 60]). И это неудивительно: в дальнейшем видно, что многие девочки, воспитывавшиеся в Ловуде, оказываются сломленными морально. Над входом в Ловудский приют – доска с высеченными в камне словами из Евангелия от Матфея. И маленькая Джен Эйр не в состоянии постичь связь между священным писанием и страшной картиной унижения человеческой личности, открывшейся ей в стенах заведения. При этом нельзя не отметить суховатость манеры, с которой повествовалось о ловудских порядках, отсутствие пафоса: общий тон был сдержан, саркастичен и очень грустен. Наиболее отталкивающий и гротескный образ в романе – священник Брокльхерст. Портрет данного персонажа сжато и точно передает его характерные черты, фигура напоминает «черный столб» [1; с. 66] (*black column*) [4; с. 84], лицо – холодное и неподвижное, моментами напоминающее высеченную из камня маску (*the grim face at the top was like a carved mask placed above the shaft*) [4; с. 46].

Следующая сцена приводит читателя в Торнфильд. Торнфильд – «серая громада», мрачное здание с гулкими переходами и таинственными происшествиями. Здесь Джен будет работать гувернанткой. Почти все образы, связанные с Торнфильдом, – намеренное преувеличение, сатирическая и романтическая гипербола. Главным пунктом описания замка является почти постоянно дующий холодный, пронизывающий ветер, метафора насыщенной и быстро меняющейся жизни. Метафорический эпитет – *trembling stars*, как будто передаёт внутреннее состояние Джен, ее неуверенность – входит в дом или нет. Романтический пафос преобладает как в повествовании, так и в передаче нарастающего чувства Рочестера к Джен Эйр и Джен к Рочестеру.

Восприятие Ш. Бронте природы и человека заключается в их тесном единстве. Гроза, буря, проливной дождь – подчеркивают эмоциональное состояние героев, что усиливает нюансы, связанные с дальнейшими чувствами. Кульминация – сцена грозы в саду Торнфильда, аллегория – удар молнии, расколовший на две части старый каштан. Это символизирует невозможность брака. Скрытая угроза таится в сильных порывах ветра, который мчал облака по всему небу, громоздил их друг на друга, закрывая пеленой июньское небо. Но Джен Эйр с наслаждением бежала навстречу ветру, «отдавая свою тревогу этим безмерным потокам, пронесившимся с воем над землей».

Однако природа постоянно вмешивается в личную жизнь героини. Чистая неиспорченная природа противится поступку Рочестера и как бы предостерегает Джен. Такую же роль играет описание луны накануне свадьбы Джен: «The moon appeared momentarily...her disk was blood-red and half overcast; she seemed to throw on me one bewildered? Dreary glance and buried herself again instantly in the deep drift of cloud» [4; с. 351] («На мгновение появилась луна...ее диск был кроваво красным и наполовину покрыт тучами; казалось, она бросила на меня печальный, растерянный взгляд и сразу же спряталась в густой пелене облаков») [1; с. 310].

Эпитет *blood-red* имеет сильное эмоциональное воздействие, и ассоциируется с неприятностями, вызывает страх, беспокойство. Обозначение луны местоимениями: *her, she* – здесь и в других описаниях, говорит об олицетворении. Ш. Бронте наделяет луну чертами одушевленного объекта, лишней раз подчеркивая ее значение перед важными событиями. Олицетворение луны, ее растерянный, печальный взгляд – все это как бы подготавливает трагическую развязку. Свет луны всегда является предзнаменованием серьезных перемен в судьбе Джен.

В некоторых случаях пейзаж становится у Бронте метафорическим описанием переживаний героини. Таковы размышления Джен после несостоявшегося бракосочетания: «A Christmas frost had come at midsummer; a white December storm had whirled over June; ice glazed the ripe apples, drifts crushed the blowing roses; on hey-field and corn-field lay a frozen shroud: lanes which last night blushed full of flowers, to-day were pathless with untrodden snow...» [4; с. 375].

«Среди лета грянул рождественский мороз; в июне пронеслась снежная декабрьская метель; мороз сковал спелые яблоки; ледяные ветры смяли расцветающие розы; на полях и лугах лежал белый саван, лужайки, еще вчера покрытые цветами, сегодня стали непроходимыми из-за глубокого снега...» [1; с. 331].

Если в начале романа холодная зима и тоскливая осень служили фоном для описания тяжелой жизни Джен, здесь противопоставление мрачной холодной зимы цветущему благоухающему лету является самым описанием переживаний Джен в форме развернутой метафоры.

Такую же роль играет природа для описания смятения, которое испытывает Джен, когда понимает, что полюбила Рочестера. Здесь снова пейзаж в виде развернутой метафоры фигурирует во внутреннем монологе Джен.

I regained my couch, but never thought of sleep. Till morning dawned I was tossed on a buoyant but unquiet sea, where billows of trouble rolled under surges of joy. I thought sometimes I saw beyond its wild waters a shore, sweet as the hills of Benlah; and now and then a freshening gale wakened by hope, bore my spirit triumphantly towards the bourne: but I could not reach it, even in fancy, a counter-acting breeze blew off land and continually drove me back [4; с. 197].

Я легла в постель, но и подумать не могла о сне. До самого утра я носилась по бурному и радостному морю, где волны тревог чередовались с волнами радости. Минутами мне казалось, что я вижу по ту сторону кипящих вод какой-то берег, сладостнее рая, и время от времени освежающий ветерок пробуждал мои надежды и торжествуяще нес мою душу к этому берегу; но я так и не могла достичь его даже в воображении, ибо навстречу дул береговой ветер и неустанно отгонял меня [1; с. 170].

Бурные волны жизни, в которые ее бросает судьба, невозможность достичь счастливого берега – все это образное описание того, что ожидает Джен в будущем. Различными художественными средствами, одно из которых – использование пейзажа, Бронте подготавливает читателя к трагической развязке. Пейзаж и здесь, как и во всем романе играет большую роль в создании образа. Ветер также передает душевное состояние героини – она хочет передать ветру все свои тревоги и дурные предчувствия, чтобы он унес их подальше от нее.

Природа в романе Ш. Бронте нередко является проекцией человеческих чувств и характеров. Сент-Джон – хороший человек, прекрасный брат, ревностный христианин, решает стать миссионером. Но его действия решения глубоко связаны с неутолимой честолюбием, осознанием своего природного дарования и стремлением его реализовать во что бы то ни стало. «Миновав мягкую луговину, они пришли к утесам, охранявшим ущелье. Вдали высились горы без покрова, трав и цветов, одетые вереском. Каменные глыбы создавали ощущение некоей мрачной пустыни», – так изображает писательница местность, где произойдет решительное объяснение между Джейн и Сент-Джоном. И сам Сент-Джон напоминает героине каменную глыбу. Природа неразрывно связана с человеком. Ш. Бронте как будто намеренно подчеркивает, что человек, не способный чувствовать и видеть красоту пейзажа, обречен на смерть. Таковым является Сент-Джон. Автор лишает его очень ценного, с её точки зрения, качества – умения восхищаться природой. Шарлотта Бронте дает ему и символическое имя, вызывающее в памяти неистового Иоанна Крестителя. Он холоден, как античная бесчувственная скульптура, а поцелуи ощущаются как могильный холод. Его черты – гармоничны, прекрасны, но неподвижно суровы. Глаза – яркие, глубокие и пронизывающие, но лишённые нежности. Это педант и фанатик, приносящий в жертву все живые чувства и человеческие отношения. И недаром в финале романа Джен Эйр предчувствует его скорую кончину. Такой черствый человек не способен дальше поддерживать свое существование.

Таким образом, в описании природы Шарлотта Бронте использует многочисленные стилистические средства: олицетворения, сравнения, эпитеты и

метафоры, которые позволяют понять намерения, мысли и душевные переживания героев и постичь авторский замысел. Шарлотта Бронте – признанный мастер пейзажа. Она видела мир глазами художника – она была не только писателем. Набросанные в её романах ландшафты родного севера Англии прекрасны и многообразны. Это и вересковые долины, и холмы, то окутанные голубой дымкой, то залитые лунным светом или обледеневшие, иссеченные холодным ветром. При помощи олицетворения Бронте превращает неживую природу в одушевленное существо, как бы реагирующее на происходящие события. Пейзажи не только дают возможность четко увидеть место действия, но и помогают более глубоко понять тонкую натуру главной героини. Ш. Бронте удалось органично и тонко вплести цвета и запахи северной Англии в канву повествования.

Список литературы

1. Бронте Ш. Джен Эйр, М.: СП «Внешиберика», 1992. – 514 с.
2. Гражданская З. Предисловие к книге Ш. Бронте «Джен Эйр». М.: СП «Внешиберика», 1992. – 514 с.
3. Тугушева М.П. Шарлотта Бронте. Очерк жизни и творчества. М.: Художественная литература, 1982. – 191 с.
4. Bronte Charlotte Jane Eyre. – М.: Foreign Languages Publishing House, Moscow, 1952. – 568 p.
5. Thormählen Marianne The Brontës in context (Literary Criticism), М.: Cambridge University Press, 2012. Googlebook – Интернет-ресурс.

СКАЗКИ О ЖИВОТНЫХ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Палагина Ю.Н.

магистрант института филологии и иностранных языков,
Московский педагогический государственный университет,
Россия, г. Москва

В статье рассматриваются методические аспекты изучения русских народных сказок в иностранной аудитории. Представлены типовые упражнения и задания по работе со сказочными текстами, используемые на занятиях РКИ.

Ключевые слова: лингвокультурология, лингвострановедение, фольклор, сказка о животных, РКИ.

Постоянный процесс интеграции и глобализации порождает интерес к изучению иностранных языков, в частности, русского.

На занятиях РКИ объектом изучения является не только язык как система, через него студенты осваивают культуру народа-носителя языка, его ментальность. Привлекаемый на занятия языковой материал должен формировать у иностранных студентов представление о русском национальном характере, его традициях и обычаях. Поэтому использование фольклорных текстов является оправданным и закономерным, потому что именно они знакомят учащихся с культурой не только в плане лексики, но и в плане содержания. В фольклоре отражена жизнь народа: его быт, мировоззрение и опыт.

Национальное своеобразие русской народной сказки ярко проявляется в её языке. Одним из основных жанровых признаков сказки, наряду с эстетической функцией, следует считать воспитательную. Сказка является синтетическим средством, «содействующим совокупному решению задач умственного, нравственного и эстетического воспитания» [3, 55]. Иными словами, в сказках заключен коллективный опыт народа в воспитании и образовании детей. При этом в них «урок» даётся не в форме общих рассуждений, а с помощью ярких и убедительных образов и действий, облегчающих восприятие и осмысление коллективных ценностей.

В чтении и анализе народных сказок отражена система бинарных оппозиций (следовательно, можно выделить пары антонимов, что играет немаловажную роль при изучении грамматики): *ленивый-трудолюбивый, умный-глупый, хитрость-наивность/глупость, добро-зло, жизнь-смерть, любовь-ненависть, мир-война, черный-белый, свой-чужой* и т. д. Анализ данных понятий, применение их как к сказочному сюжету, так и к реальной жизни помогает иностранным учащимся лучше понять жизнь русского народа, сравнить его культуру и традиции с культурой и традициями своего народа, осмыслить, кто есть кто и что есть что вокруг них, поскольку сказка — отражение модели мира [5, с. 39–43] [6, с. 265]. «В сказках о животных круг персонажей определяется фауной русского леса. Главные... – волк, заяц, лиса и медведь. Каждый из них является носителем определенной черты характера: лиса – хитрая, внешне привлекательная, волк – жадный, злой и глупый, медведь – простодушный и недалекий, заяц – трусливый» [2, с.13]. Также в сказках мы можем встретить и домашних животных: петуха, курочку, кошку, собаку и т.д.

Наиболее распространенным героем данной группы сказок является лиса. Этот персонаж является олицетворением хитрости. Основанием для выбора именно лисы на эту роль послужили многовековые наблюдения людей за поведением этого животного в естественных условиях. Сказки как жанр исключают развернутый психологический анализ героев, их портреты. Поэтому характеристика сказочных героев заключается в описании их действий и поступков. Сказочный герой – это, прежде всего герой действия. Типичные действия героев становятся сказочными мотивами. Например, с лисой в русских сказках связан устойчивый круг мотивов, часто переходящий из сюжета в сюжет: лиса-воровка (кража рыбы), лиса-обманщица (способ рыбной ловли), лиса-плачущая, лиса-лекарка, лиса-повитуха, лиса – волчья кума.

При работе с русской народной сказкой в иностранной аудитории преподаватель сталкивается с рядом трудностей, в числе которых «нечувствительность» иностранца к стилю сказочного произведения, непонимание образов сказки, ее замысла. В какой-то степени преодолеть эти трудности помогает чтение книг для детей, т.к. в них содержатся яркие, пошаговые иллюстрации, облегчающие понимание сюжета, а также использование мультфильмов, что помогает снятию напряжения и языкового барьера у студентов. Привлечение мультимедийного материала помогает сделать работу на занятиях по русскому языку более разнообразной и эмоциональной.

При использовании фольклорных текстов на занятиях по РКИ можно выделить следующие виды работ: чтение сказки с параллельными комментариями преподавателя; самостоятельное чтение со словарем и без словаря; рассказ с опорой на иллюстрации; проведение сравнительного анализа сюжетов и персонажей *русской сказки и фольклорных текстов, относящихся к национальной культуре учащихся*; знакомство с некоторыми сторонами жизни и быта русского народа и сравнение их с национальными обычаями и традициями учащихся конкретной группы и т.п.

Работа с текстами сказок о животных и выполнение упражнений к ним дают возможность расширить и закрепить знания учащихся о лексике и грамматике, а также обеспечивают развитие коммуникативной компетенции.

Приведём типовые примеры заданий, используемых при работе с текстами сказок [4, с.151].

I. Поисковые

1. Выпишите из сказки слова и выражения к теме «*женитьба*»:

2. Вставьте в выражение: *не хочу, а хочу жениться* подходящий по смыслу глагол.

Подсказка; это выражение употребляется по отношению к человеку, который ничего не хочет делать.

3. Выпишите из текста однокоренные слова к глаголу *говорить*. Объясните различие в их значении.

4. Какие особенности разговорной речи представлены во фрагментах диалога:

а) Дома ли цапля?

- Дома

б) – Возьми меня замуж!

- Нет, цапля, убирайся, ступай прочь!

5. Подчеркните в представленном тексте слова, которые обозначают предметы крестьянского быта. Сгруппируйте эти слова по темам (одежда, дом, посуда -утварь, основные занятия) и выпишите их из текста.

II. Конструктивные:

1. Образуйте слова с уменьшительными или ласкательными суффиксами;

мышь -.....кум -

баба -лиса -

дед- терем -

рыба- заяц -

2. Чья это кличка? Напишите слова, от которых образованы эти клички, в правый столбик. * Какие клички у животных в Вашей стране? Знаете ли вы? почему они получили такие клички? Похожи ли клички животных в русском и Вашем родном языке?

Пример: Мурка- кошка- мурлыкать

Жучка

Буренка

Барсик

Васька

Пират

Черныш

3. Напишите однокоренные слова к слову ДЕДКА,

4. Какие глаголы можно употребить в предложении;

бабка за дедку,

дедка за репку

5. Образуйте глаголы по образцу;

курица кудахчет

собака..... корова

кошка свинья

III. Сравнительные:

1. Что, на Ваш взгляд, объединяет эти диалоги?

а) Волк – Здравствуй, кумушка, хлеб да соль! Лиса – Я ем свой, а ты подальше стой!

б) Лиса – Ну, куманек, больше угощать нечем. Журавль – Спасибо, кума, и на этом.

2. Кто так «говорит»? Впишите во второй столбик названия животных. Справа напишите, что говорят эти животные в Вашей стране?

Кудах-тах-тах

Гав-гав

Мяу-мяу Тяв-тяв

Му-му

Хрю-хрю

Слова для справки: Собака, кошка, корова, свинья, кури.

IV. Творческие:

– **рассказ:**

1. Расскажите сказку от лица журавля.

2. Для приготовления окрошки нужны следующие продукты;

Квас	300 гр	огурцы 65 гр.
------	--------	---------------

Картофель	75 р.	яйцо 1/2 яйца
-----------	-------	---------------

Морковь	20 гр	сметана 30 гр
---------	-------	---------------

Репка	10 гр.	
-------	--------	--

Расскажите, как из этих продуктов приготовить окрошку?

3. Придумайте и напишите историю о том, как волк может обмануть лису.

4. Придумайте конец сказки:

а) решил колобок поселиться в теремке, но не знает, где его искать ...

б) посватались к лисе волк и журавль

в) снесла курочка золотое яичко, а мышка его украла ...

г) пригласила лиса к себе жить мышку, колобка и зайчика, и стали они жить втроем ...

5. Представьте, что вы русский крестьянин или крестьянка. Расскажите, какие животные у вас есть; как их зовут, какие звуки раздаются в вашем дворе по утрам ...

– **интерпретация/комментарий:**

1. Объясните, как вы поняли из контекста значение выражений;

Не обессудь
Званный пир.....

2. Прочитайте комментарий к пословице, сформулируйте ее значение другими словами:

Как аукнется, так и откликнется

Аукнется – безл., 3л; ед.ч. от гл. *аукнуться* – крикнуть «ау» *Откликнется* – безл.> 3л; ед.ч. от гл. *откликнуться* – отозваться на крик, на зов,

В лес за ягодами, за грибами обычно идут несколько человек, и, чтобы не заблудиться и не потерять друг друга, аукаются, т.е. время от времени кричат «ау». На всякий громкий крик отзывается эхо.

«...Иностранцу, изучающему русский язык, сказка «дает возможность получить разностороннее представление о коренных началах национальной жизни» [1, с.28]: о семейных и трудовых традициях, о народном быте бытовых и об особенностях межличностных отношений русских. Языковые и речевые возможности сказки – это бездонный клад для преподавателя дисциплины «Русский язык как иностранный».

Мы привели лишь малую часть примеров заданий по работе со сказками о животных. Потенциал данного языкового материала неисчерпаем и в зависимости от поставленных задач можно корректировать и менять задания в соответствии с целями урока.

Список литературы

1. Барсукова-Сергеева О.М., Русская народная сказка как инструмент формирования коммуникативной компетенции иностранных учащихся / «Русский язык за рубежом», учебно-методический иллюстриров. журнал, №4, 2013, 28 с.
2. Барсукова-Сергеева О.М. Читая сказки...; Учебное пособие, 2-е издание, стереотипное. М.: Изд. «Флинта», изд. «Наука», 2012, 13 с.
3. Волков Г.Н. Этнопедагогика: Учебник для средних и высших педагогических учебных заведений, – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Academia, 2000, 175 с.
4. Игошина О. А. Лингвокультурологический анализ фольклорного текста при обучении русскому языку немецкоязычных студентов. Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2003, 151 с.
5. Подручная Л.Ю. Фольклорный текст на занятиях РКИ: восприятие и интерпретация русской народной сказки. Слово.ру: Балтийский акцент, 2013, № 3, 39–43 с.
6. Спиридонова О.С. Формирование лингвострановедческой компетенции иностранных учащихся на практических занятиях по русскому языку (на материале малых жанров русского фольклора). Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2010, 265 с.

ПРАГМАТИКА РЕЧЕВОГО АКТА СОГЛАСИЯ

Перервина Н.В.

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова,
Россия, г. Архангельск

В статье кратко описывается теория речевых актов, рассматриваются прагматические аспекты речевых актов согласия, приводятся интенциональные смыслы прагматического согласия.

Ключевые слова: прагматика, речевой акт, согласие, интенциональный смысл.

Прагматика – это наука, изучающая язык в его отношении к тем, кто его использует. Одним из основных положений данной науки является то, что речевая деятельность всегда совершается с каким-либо намерением [5, с. 419]. Понятие речевого акта является центральным в прагматике, так как в речевых актах говорящий реализует свои коммуникативные намерения.

Теория речевых актов была разработана английским философом Дж. Остином в середине 50-х годов XX века. Учёный обратил внимание на то, что язык можно использовать не только для того, чтобы утверждать что-то, но и для совершения разнообразных действий. С помощью языка отдают приказы, приносят извинения, дают обещания и т.д. Дж. Остин определил речевой акт как минимальную целостную единицу речевой деятельности и выделил в нём три уровня: локутив, иллокутив и перлокутив.

Дж. Серль развил предложенную Дж. Остином теорию. Он считал, что «основной единицей языкового общения является не символ, не слово, не предложение и даже не конкретный экземпляр символа, слова или предложения, а *производство* этого конкретного экземпляра в ходе совершения речевого акта» [4, с. 151]. Дж. Серль утверждал, что главной функцией языка является осуществление целенаправленных действий.

В зависимости от коммуникативной интенции, содержащейся в речевом акте, выделяют речевые акты предположения, подтверждения, совета, приказа, просьбы и др. Рассмотрим более подробно речевой акт согласия.

Речевые акты согласия представляют собой реагирующие речевые акты, которые выражают положительную реакцию адресата на предшествующий акт. Реакция согласия возникает в ответ на высказывание адресанта, который использует различные языковые средства с целью речевого воздействия на адресата. Т. М. Свиридова выделяет три основных коммуникативно-синтаксических типа начальных реплик, способствующих появлению согласия:

- 1) сообщение, в котором говорящий высказывает свое мнение;
- 2) реплика, содержащая в себе требование, просьбу, мольбу, совет и т.п.;
- 3) вопрос с оттенками значений предположения, уточнения и т.д.

В зависимости от типа начальной реплики реплика-реакция представляет собой либо согласие с мнением, либо ответ на побуждение собеседника к действию, либо ответ на заданный вопрос. Согласие – это основное коммуникативное намерение говорящего, которое, однако, распадается на множество интенциональных смыслов, конкретизирующих данное намерение [3, с. 6].

М. К. Любимова делит согласие на полное и неполное. **Полное согласие** – это такое согласие, когда мнение или желание говорящего полностью совпадают с мнением или желанием собеседника, что выражается в реплике-реакции. **Неполное согласие** – это реакция говорящего, в которой присутствует неуверенность в согласии с мнением собеседника, или говорящий в реплике-реакции высказывает определенное условие, при котором он согласится с собеседником [1, с. 10].

Исследовательница выявила следующие интенциональные смыслы прагмазначения согласия (табл.).

Согласие

полное согласие	неполное согласие
согласие-подтверждение, согласие-договор, согласие-одобрение, согласие-разрешение, продуманное согласие, заинтересованное согласие, взаимное согласие, согласие-подхват, согласие-обещание	частичное согласие, неуверенное согласие, вызывающее согласие, пассивное согласие, согласие-уступка, согласие-примирение, согласие-допущение, вежливое согласие, согласие и уход от темы, согласие и условие

Помимо вышеперечисленных интенциональных смыслов К.А. Оразалинова выделяет еще два дополнительных прагматических значения: ироническое согласие и ложное согласие. *Ироническое согласие* есть тип согласия, при котором говорящий с определенной насмешкой и порой издевкой подтверждает мнение собеседника. Ироническое согласие может быть выражено репликами (А) *как же!; А то! То-то же!* *Ложное согласие* – это формальное согласие, которое фактически согласием не является. Данное прагматическое значение согласия выражается лексемами утвердительной семантики. Интонация и контекст дают возможность правильно интерпретировать намерения говорящего [2, с. 83].

Из сказанного выше можно заключить, что речевые акты согласия могут представлять собой согласие с мнением собеседника, ответ на его побуждение к действию или ответ на заданный вопрос. Существует целый ряд интенциональных смыслов (прагматических значений), которые конкретизируют интенцию «согласие».

Список литературы

1. Любимова М. К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров: Автореферат дис. на соиск. учен. степ. к. филол. н. Тамбов, 2004. – 13 с.
2. Оразалинова К. А. Коммуникативные смыслы согласия и способы их вербализации в русском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2012. – №2 (256). – Вып. 62. – С. 81–85.
3. Свиридова Т.М. Выражение согласия-несогласия лексико-синтаксическими средствами : Автореф.дис.на соиск.учен.степ.канд.филол.наук. – М., 1994 – 17 с.
4. Серль Дж. Что такое речевой акт // Новое в зарубежной лингвистике. – 1986. – Вып. 17. – С. 151-169.
5. Столнейкер Р. С. Прагматика // Новое в зарубежной лингвистике. – 1985. – Вып. 16 – С. 419-438.

УСТАНОВКИ КУЛЬТУРЫ В ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

Писарская Т.Р.

ст. преп. кафедры педагогики и переводоведения, канд. филол. наук,
Санкт-Петербургский университет управления и экономики,
Россия, г. Санкт-Петербург

Якименко Н.Е.

доцент кафедры русского языка и методики его преподавания, канд. пед. наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, г. Санкт-Петербург

Статья посвящена уточнению лингвокультурологического понятия *установки культуры* на материале паремий русского языка, роли паремий в отражении национального сознания, поведения и внутреннего мира человека.

Ключевые слова: лингвокультурология, установки культуры, паремия, менталитет.

Лингвокультурология как относительно новая наука создаёт свой понятийный аппарат, свой метаязык, который постоянно пополняется и уточняется. Одной из единиц понятийного аппарата лингвокультурологии является термин *установка культуры*. Е.О.Опарина отмечает, что этот термин – один из наименее определённых и поддающихся формализации» [5, с.53]. В числе первоочередных задач, стоящих сегодня перед этой наукой, Л.М. Ковшова выделяет «уточнение методологических предпосылок, на основе которых может быть разработан метаязык лингвокультурологии, понимаемый как ключевые термины для решения новых задач: *культура, установки культуры, текст культуры, тезаурус культуры, симболарий культуры* и др.» [2, с.55].

Лингвокультурология как дисциплина, изучающая взаимосвязи и взаимовлияния языка и культуры, фокусирует свои исследования на *образных и фразеологических* единицах языка [1, 7, 3]. Именно система образов, закреплённых в языковой семантике, является *зоной сосредоточения культурной информации* в естественном человеческом языке [6, с.18]. Ассоциативно-парадигматические связи в устойчивых словосочетаниях, обозначающих концепты культуры, интерпретируются через *коннотации*. Понятие *культурной коннотации* является ключевым в работах лингвокультурологического направления во фразеологии [2, с.65]. В лингвокультурологической парадигме исследование содержания культурной коннотации видится в «ценностно осмысленных *установках культуры*, т.е. ментальных прескрипциях, оценивающих социальные и духовные практики человека» [8, с.27]. Язык не только закрепляет и хранит в своих единицах концепты и *установки культуры*: через него эти концепты и установки воспроизводятся в менталитете народа или отдельных его социальных групп из поколения в поколение [9]. Культурно-национальные *установки* обычно не носят "абсолютного" характера. Это означает, что в пределах одной лингвокультурной общности сосуще-

ствуют различные, иногда – противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания [6].

Установки культуры – это своего рода «идеалы, в соответствии с которыми личность квалифицируется как «достойная/недостойная». Вырабатываются они на протяжении исторического пути, проходимого народом, который откладывается в социальной памяти и формирует установки. Помимо прочего нас отличают от животных правила и установки, о которых мы договаривались друг с другом. Именно они отделяют нас от бездны хаоса, упорядочивают нашу жизнь, поэтому их нужно соблюдать» [10, с.49]. Социальная память народа, формирующая установки культуры, ярче всего представлена в паремиях национального языка. Кроме того, паремиологический фонд любого языка относится к языковым источникам культурной коннотации, поскольку «большинство пословиц представляют собой стереотипы и предписания народного самосознания» [9, с.23]. С одной стороны, типичность обиходно-бытовых ситуаций, отображенных в паремиях, стереотипный или "эталонный" характер их образных оснований делают их знаками языка культуры: они сами обретают стереотипное, эталонное или символическое прочтение, с другой стороны, пословицы и поговорки являются репрезентантами так называемого «обыденного» сознания», «практической» философии народа. Именно эта особенность, т.е. одновременная принадлежность языку и культуре, дают возможность выделить на их основе установки культуры, т.е. *вербализовать культурный смысл*, выраженной одной или несколькими пословицами.

Так мы можем выделить ряд паремий русского языка, воплощающих установку культуры ‘дети похожи на своих родителей’: *Какие корешки, такие и ветки, какие родители, такие и детки; Каков батька, таков и сын; Каков отец, таковы и дети; Каков садовник, такое и яблоко (яблони); Какова корова, таков и телёнок; Какова матка, таково и ягненок; Какова матка, таковы и детки; Каково дерево, такова и поросль; Каково дерево, таковы и ветки, каковы родители, таковы и детки; Каково деревце (яблонька), таковы и яблочки; Каково семя, таково и племя; Каковы берёзки, таковы и отростки; Какое дерево, таков и клин; Лось от лося, а от свиньи поросё. Не мы на детей походим, а они на нас; От каких родителей, тем и питаешься; Отец рыбак, и дети в воду смотрят; От свиньи родится не бобрёнок, а такой же поросёнок; По дереву и плод; По отцу и дитяток, по матери и дочь; С дурного куста и ягода пуста; Свинья рылом в землю – и поросё не в небо; Яблоко от яблони недалеко падает* [4].

Более ста паремий отражают мысль о сходстве/несходстве детей и их родителей, что свидетельствует, на наш взгляд, о важности данной установки культуры для национального сознания.

Противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания проявляются посредством аксиологической оценки, эксплицитно или имплицитно заключенной в паремии. В ряде паремий содержится только утверждение о сходстве двух объектов, а хорошо это или плохо может прояснить только ситуация употребления: *Каков отец, таковы и дети; По отцу*

и дитяtko, по матери и дочь; Каково дерево, таковы и ветки, каковы родители, таковы и детки; Каково деревцо, таковы и яблочки; Каково сукно, таковы и обрезки; Яблоко от яблони недалеко падает.

Единиц, эксплицирующих положительное сходство родителей и детей, значительно меньше, чем единиц, описывающих отрицательное сходство, и представлено данное сходство следующими единицами: *Родители трудолюбивы и дети неленивы; От доброго дерева добрый и плод*, тем самым, утверждая мысль о том, что ‘у хороших родителей и дети хорошие’.

В паремии могут содержаться лексические единицы, которые способствуют эксплицированию отрицательной оценки: *С дурного куста и ягода пуста; От худой курицы худые и яйца*. Определения *худой, дурной*, в значении ‘плохой’ способствует выделению установки ‘у плохих родителей и дети плохие’. В этой группе паремий содержится немало количество пословиц, содержащих наименования взрослых животных и их детёнышей: *Свинья рылом в землю – и поросё не в небо; У поросёнка одна мать, и та свинья; Лось от лоса, а от свиньи – поросё; От свиньи родится не бобрёнок, а такой же поросёнок; Орёл орла плодит, а сова сову родит; Свинья не родит бобра*. У таких паремий вследствие их метафоричности появляются широкие возможности для выражения оценки, поскольку наименованиям животных свойственно переносное оценочное употребление по отношению к человеку. Так, наиболее часто встречающееся в пословицах упоминание о *свинье и поросётах*, вне всяких сомнений, связано с отрицательной оценкой характеризуемых людей.

Мысль о том, что из плохого не может получиться ничего хорошего, утверждают паремии, содержащие названия объектов растительного мира: *От терновника не жди винограда; На осине груши не растут; Не расти на вербе груше; От осины яблочко не родится; У(от) осинки не родятся апельсинки, Не растут на вербе яблоки*. Паремии с компонентом фитонимом построены на противопоставлении кислого и сладкого плода, плодового и неплодового растения, (терновник – виноград; осина – груша, яблоко, апельсин) и добавляют в данную мысль некоторую категоричность: этого не может быть, и формируют установку культуры: ‘у плохих родителей не может быть хороших детей’.

Положение о том, что «в пределах одной лингвокультурной общности сосуществуют различные, иногда – противоположные по оценке одного и того же явления стереотипы сознания» подтверждается следующим материалом: *И на хорошем дереве бывают и плохие сучья; Дуб – дерево хорошее, да плоды его только свиньям годны*, другими словами, дети не похожи на своих родителей, ‘у хороших родителей могут быть плохие дети’, но и ‘у плохих родителей могут быть хорошие дети’: *Криво дерево, да яблоки сладки; Неказисто дерево, да вкусен плод; Бывает добрая овца и от беспутного отца*. Кроме того, жизненные наблюдения позволяют пословице утверждать, что ‘у одних и тех же родителей дети бывают разные’: *Дети от одной матери и те разные бывают; Из одного куста, да не с одной ветки; Из одной печи, да не одни калачи; Одна матка, да не одни детки, В одной суме – да разные денежки, в одной семье – да разные детушки*.

Таким образом, установки культуры, как способ вербализации культурных смыслов, выраженных одной или несколькими пословицами, могут фиксировать действительность не только с позиций «достойно/недостойно», хорошо/плохо, но и отражать объективную реальность нейтрально: это так (т.е. дети похожи/или не похожи на своих родителей), а дальше следует экспликация аксиологической оценки посредством экспрессивно окрашенной лексики.

Национально-культурное представление о той или иной ситуации характеризуется множеством культурных установок, отражая данную ситуацию с разных позиций. В языке национальной лингвокультуры сосуществуют различные, иногда противоположные по оценке одного и того же явления, стереотипы сознания, выраженные в установках культуры.

Список литературы

1. Зиновьева Е.И., Юрков, Е.Е. Лингвокультурология. Учебник. СПб., 2006.
2. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. – М.: Книжный дом «Либроком», 2012 – 456 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учебн. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 208 с.
4. Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Народная мудрость. Словарь пословиц. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. – 416 с.
5. Опарина Е.О. Установка культуры и диапазон метафоризации // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. Отв. ред. В.Н.Телия. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 344 с.
6. Опарина Е.О. Язык и культура. Лингвокультурология: методологические основания и базовые понятия. Электронное издание. Сб. обзоров – М.: ИНИОН, 1999. – 109 с.
7. Сабитова З.К. Лингвокультурология: учебник. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2013. – 528 с.
8. Телия В.Н. Культурно – языковая компетенция: её высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка / В.Н.Телия // Культурные слои во фразеологизмах и дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С.19-30.
9. Телия В.Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры. – М., 1999.
10. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и культурологический аспекты. – М., 1996.

ЯДЕРНЫЕ И ПЕРИФЕРИЙНЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПОЭТИЧЕСКИХ СРАВНЕНИЙ

Правда Е.А.

доцент кафедры теории, истории и методики преподавания русского языка и литературы, канд. филол. наук, доцент, Воронежский государственный педагогический университет, Россия, г. Воронеж

Статья посвящена проблеме описания поэтических сравнений. К анализу сравнений применена полевая методика, позволяющая разграничить главные (ядерные) и дополнительные (периферийные) способы выражения сравнений в русской поэзии, по-новому

интерпретировать некоторые известные способы выражения сравнений в поэтической речи.

Ключевые слова: сравнение, сравнительная конструкция, союзный способ выражения, бессоюзный способ выражения, ядро, периферия.

Как отмечают исследователи, сравнение точнее и лаконичнее, чем описание, обозначает явления действительности, является ярким средством их оценки [3, с. 3]. Поэтому сравнение является одним из важнейших стилистических средств, используемых в речи, излюбленным средством художественной выразительности у поэтов и писателей.

Поэтические сравнения по своей форме весьма разнородны; по-разному освещается исследователями и набор средств их выражения.

Так, например, В.В.Одинцов к средствам выражения сравнений в языке русской поэзии относит: „1) сравнительный оборот, вводимый союзами *как, как будто, словно, точно, ровно, как бы* и др.”; 2) форму сравнительной степени прилагательного или наречия; 3) форму творительного падежа имени (так наз. „творительный сравнения”); 4) присоединительную конструкцию, „вводимую союзом *так* и обычно содержащую развёрнутое сравнение” [4, с. 327].

В „Словаре литературоведческих терминов” С.П. Белокуровой к этому списку добавляется наречие с приставкой *по-* (*по-писаному* и под.) [7].

Отмечается исследователями и возможность выражения сравнения с помощью лексических средств – слов *подобный, похожий* и др. [5]. Приводятся и другие способы.

Современные научные подходы дают возможность по-новому посмотреть на приём поэтического сравнения, учесть всё реально существующее разнообразие этих явлений, найти новые подходы к решению дискуссионных вопросов в области сравнений, в том числе и вопроса о классификации сравнений (см., напр. [2; 6]).

Анализ обширного материала, полученного в результате наблюдения над языком стихотворных произведений русских поэтов XIX–XX вв., позволяет выделить ядерные и периферийные способы выражения сравнений.

К ЯДРУ ПОЛЯ СРАВНЕНИЯ могут быть отнесены конструкции, для которых значение сравнения является основным. По способу выражения значения сравнения исследуемые конструкции делятся на союзные и бессоюзные.

Союзные конструкции – конструкции с различными сравнительными союзами и союзными средствами – являются наиболее частотным способом выражения поэтических сравнений. По структуре они подразделяются на 2 типа: конструкции со сравнительными оборотами и конструкции со сравнительными придаточными предложениями.

Конструкции со сравнительными оборотами могут характеризовать производителя действия или носителя признака, а также иметь предметную семантику: *Слова у нас, до важного самого, в привычку входят, ветшают, как платье* (В.Маяковский. Владимир Ильич Ленин); *Ещё, как шахта, я глубок* (В.Сикорский. Когда последняя любовь...). Такие конструкции со-

ставляют подавляющее большинство всех сравнительных конструкций в поэтической речи.

Сравнительные придаточные предложения сообщают о ситуации, с которой сравнивается ситуация, обозначенная в главной части: *Лью лесть ей в предназначенный сонет, Как льют в фужер брожение виноградин* (И.Северянин. Гиппиус); *А одежда тонка, будто вовсе и нет, – из тончайшей поэтовой неги она* (В.Маяковский. 150.000.000).

К **бессоюзным способам выражения сравнений** относятся следующие:

1) **конструкции с компаративами** – формами сравнительной степени прилагательных или наречий. Построенные на их основе сравнения указывают на степень проявления признака в предмете по отношению к корреляту: *Страшнее голода и холода воскресшей совести укор* (В.Сикорский. Долой технические доводы...);

2) **конструкции с „творительным сравнения“**: *Телеграммой лети, строфа!* (В.Маяковский. Хорошо!);

3) **конструкции с лексемами сравнительной семантики** – словами с корнями *-похож-, -схож-, -равн-, подоб-, -род-, родн-, -вид-*, глаголами *казаться, показаться, напоминать, напомнить, припомниться, вспомнить* и др.: *На лилий похожи все лебеди, И солнце похоже на музыку!* (И.Северянин. Фантазия восхода); *Я радугу сравню с вратами рая, Куда при жизни я попал сейчас* (А.Дементьев. В деревне); *И казался нам знаменем красным Распластавшийся в небе язык* (А. Блок. В кабаках); *Тот бар, продолговатый, как вагон, И шумное роенье городское Напоминали питерский „Сайгон“* (А. Городницкий. „Сайгон“); *Это ты, о сын мой, Смотришь Иисусом!* (С. Есенин. Заждалася сына дряхлая вдовица...);

4) **конструкции с предложно-падежными сочетаниями**: *И Жиранф – Важный граф Вышиною с телеграф...* (К. Чуковский. Крокодил); *Стихи в манере Пастернака* (Г.С. Семёнов. Стихи в манере Пастернака);

5) **конструкции с именем в родительном падеже**: *Я вас люблю любовью брата...* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); *Ты рванулась движеньем испуганной птицы...* (А.Блок. В ресторане);

6) **конструкции с наречиями тоже и также, с местоименными сочетаниями такой же** и под.: *Воду пьют из кружек и стаканов, Из кувшинок также можно пить* (С.Есенин. Каждый труд благослови, удача!);

7) **микротексты с местоименными наречиями так (или таков)**, которые обычно стоят в начале предложения, открывающего вторую часть сравнения; в таких сравнениях уподобляются друг другу целые картины, сюжеты: *...Поэт Роняет молча пистолет, на грудь кладёт тихонько руку И падает. Туманный взор Изображает смерть, не муку. Так медленно по ска-ту гор, На солнце искрами блистая, Спадает глыба снеговая* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин).

К ПЕРИФЕРИИ ПОЛЯ СРАВНЕНИЯ могут быть отнесены обороты и художественные приёмы, которые основаны на логической операции сравнения и построены как сравнительные обороты или сравнительные придаточные предложения, однако в контексте выполняют другие функции. Показате-

лем их принадлежности к сравнениям служит сохранение многими из них семантики «предметности» и возможность замены включающих их конструкций на ядерные сравнительные конструкции.

Так, например, сравнения-эпитеты могут выражаться следующими средствами:

1) **компаративными оборотами**, в которых „признак предмета сравнивается с тем же его признаком по отношению к предшествующему или последующему состоянию” [1, с. 250]: *Стук копыт участился, Пыль всё выше* (Н.Гумилёв. Осень);

2) **полными формами имён прилагательных**: *Глаза у него Бонапартьи и цвета защитного френча* (В.Маяковский. Хорошо!);

3) **краткими прилагательными на -о/-е**, обычно имеющими окказиональный характер: *И струнно плачут серафимы, Над миром расплескав крыла...* (А.Блок. На смерть Комиссаржевской);

4) **окказиональными отсубстантивными глаголами и деепричастиями**, образуемыми от имён существительных: *Солнце лавит с неба* (И.Северянин. Прогулка короля);

5) **отыменными наречиями**, выступающими в роли обстоятельств образа действия: *Глагол не бывает угоден, где рабски пред властью молчат* (Г.Гладков. Глагол);

6) **приложениями**: *...И шуришала Нева – Неопрятная мутная Лета* (А.Городницкий. Горный институт); *Профессор, снимите очки-велосипед!* (В.Маяковский. Во весь голос).

Как видим, применение полевой методики позволяет распределить разнообразны́е средства выражения поэтических сравнений на те, которые выражают значение сравнения наиболее явно, и те, в которых это значение совмещается со значениями других средств художественной выразительности. Это помогает лучше понять феномен поэтического сравнения.

Список литературы

1. Краткая русская грамматика/ Под ред. Н.Ю.Шведовой и В.В.Лопатина. М. РАН, 2002. 726 с.
2. Крылова М.Н. Функционально-семантический анализ как основа системного исследования языковых единиц. Функционально-семантическая категория сравнения // Гуманитарные научные исследования. Сентябрь 2013. № 9 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/09/3736> (дата обращения: 30.03.2016).
3. Мокиенко В.М. Словарь сравнений русского языка: 11 000 единиц. СПб.: Норинт, 2003. 603 с.
4. Одинцов В.В. Сравнение/ В.В.Одинцов // Русский язык. Энциклопедия. Гл. ред. Ф.П.Филин. М.: Советская энциклопедия, 1979. 432 с.
5. Определение термина „Сравнение” // Textologia.ru. Сайт о русском языке и литературе. URL: www.textologia.ru/slovari/lingvisticheskie-termíny/sravnenie/?q=486&n=1815 (дата обращения: 30.03.2016).
6. Правда Е.А. К вопросу об отрицательных сравнениях // Известия ВГПУ. № 2 (263). 2014. С. 167 – 169.
7. Словарь Литературоведческих Терминов/ Автор-составитель С.П. Белокурова, 2005 г. Электронная версия © А.А. Белокуров. URL: www.gramma.ru/LIT/?id=3.0 (дата обращения: 30.03.2016).

АНТРОПОЛИНГВИСТИКА: К ВОПРОСУ О НАУЧНОЙ НОМЕНКЛАТУРЕ

Савельева Е.К.

кандидат филологических наук, доцент,
независимый исследователь, Швеция, г. Лунд

Данная статья представляет собой попытку провести дифференциацию в современной научной лингвистической номенклатуре, которая, из-за характерного для современной науки дисциплинарного эклектизма, зачастую не является чётко сформулированной, что влечёт за собой противоречия и трудности в классификации научных дисциплин.

Ключевые слова: антропологическая лингвистика, этнология, антрополингвистика, лингвистическая антропология, терминологическая антрополингвистика, терминоведение.

В настоящий исторический момент, на рубеже XX–XXI веков, в мировом языкознании происходят серьёзные теоретические преобразования, расширяются его границы. Появление всё более молодых разделов в лингвистике, как правило, в прикладной, ведёт к появлению новых номинаций, которые часто не подкреплены ни прочной теоретической базой, ни зрелой научной номенклатурой, а эклектический характер современной науки в целом затрудняет закрепление за той или иной дисциплиной определенного места в системе научных знаний.

При всём многообразии направлений и разделов современной лингвистики, выделяется их общий признак – антропоцентризм, при котором точкой отсчёта для исследования языковых явлений является языковая личность. Именно поэтому в широком смысле современное языкознание называют **антропологической лингвистикой**. Часто в данном контексте учёные рассматривают всю историю вопроса «человек и язык» в XX веке, изучая теории гумбольдианства, структурализма, генеративизма, бихевиоризма и когнитивизма. В зарубежной традиции данный термин существует как *anthropological linguistics* (иногда *linguistic anthropology*), отражаясь в исследованиях Н. Хомского, Л. Блумфилда, А. Вежбицкой и мн.др. Отметим, что **лингвистическая антропология** (*linguistic anthropology*) всё-таки трактуется как наука антропологическая, сформировавшаяся во второй половине XX века. Она проводит анализ семиотических и лингвистических форм с точки зрения антропологии и производит интерпретацию социокультурных процессов различных этнических групп.

В узком смысле антропоцентрический подход к изучению языка получил четкие контуры в новом разделе лингвистики **антрополингвистике**, целью которой является воссоздание картины *эволюции человеческого разума на основе её отражения в соответствующей эволюции языка* [1, с. 10]. Появление данной науки было провозглашено на международной конференции «Язык и культура» [2] (Белосток, 2004 г.). Авторы манифеста определили сферу применения нового научного знания и его междисциплинарное положение (стык терминоведения, когнитивной лингвистики и психологии, этно-

лингвистики, семиотики и культурологии), а его основные постулаты были изложены в учебном пособии «Основы антрополингвистики» [1]. Однако, принцип антропоцентризма в лингвистической науке всё ещё понимается неоднозначно, а квалификация термина «антрополингвистика» весьма противоречива.

Во-первых, как было сказано выше, антропологическая лингвистика в широком смысле – это лингвистика с точки зрения антропоцентризма, в узком – антрополингвистика Белостока. Более того, многие зарубежные исследователи трактуют данный термин иначе. Например, австралийский учёный W. Foley [3] объясняет: «Anthropological linguistics is that sub-field of linguistics which is concerned with the place of language in its wider **social and cultural context**» [Цит. по: Опарин], [4, с. 113]. Из этого следует, что антропологическую лингвистику Foley понимает как «исследование языка как культурного ресурса и речи как культурной практики» [1, 6], то есть, как **этнолингвистику**. Таким образом, здесь термин антропологическая лингвистика употребляется в социальнокультурном контексте, тем самым приближаясь к этнолингвистике, или даже к лингвокультурологии.

Во-вторых, в силу крайней популярности антропоцентризма в отечественной науке, наметилась тенденция чрезмерного употребления термина «антрополингвистика» и его превращения в так называемое buzzword. По словам С. Гринева-Гриневича, «вошедший в моду термин «антропологическая лингвистика» употребляется весьма в широком значении, зачастую не к месту, вызывая превратное представление о данной области исследования» [1, с. 7]. Ученый выступает за «чистоту» номенклатуры, отмечая, что под этим названием можно найти не только публикации по этнолингвистике, социоллингвистике и лингвокультурологии, относящихся к смежной тематике, но и материалы по когнитивной лингвистике, семиотике, психоллингвистике, прикладной лингвистике и этнографии. Многообразие таких исследований только ещё раз доказывает, что термин употребляется с точки зрения антропоцентризма в лингвистике, то есть в самом широком его смысле.

В-третьих, по причине того, что объектом антрополингвистики Белостока является терминология (поскольку в ней наиболее отчетливо отражаются особенности процесса развития системы научных знаний), существует ещё одна тенденция: называть исследования по историческому терминоведению «антрополингвистикой». На наш взгляд, это две самостоятельные дисциплины, так как антрополингвистика изучает эволюцию мышления, отраженную в терминах, а историческое терминоведение – историю терминологий, тенденции их образования и развития. Также в данном контексте появляются новые понятия: «антрополингвистические аспекты терминологии» (Чернышова) [5] и «**терминологическая антрополингвистика**», которая, по словам Болховитянова, «является одной из основных дисциплин при исследовании появления новых терминов в различных терминосистемах» [6, с. 33].

Таким образом, очевидно многообразие научной антрополингвистической мысли, и освещение всех граней вышеуказанных отраслей представляется довольно сложным в рамках данного исследования. Однако в заключе-

нии, установим, что, во избежание разногласий в научной номенклатуре, представляется необходимым внести некоторые пояснения и разграничить следующие понятия:

1) Антропологическая лингвистика в широком смысле – современная лингвистика с точки зрения антропоцентризма.

2) Этнолингвистика в отечественном языкознании – anthropological linguistics в зарубежном.

3) Антропологическая лингвистика в узком смысле – отрасль лингвистики, которая занимается проблемами эволюции мышления, отраженной в языке. По нашему мнению, для использования вышеуказанного термина в данном контексте должно соблюдаться его слитное написание.

4) лингвистическая антропология – отрасль антропологии, также междисциплинарная отрасль на стыке психологии и лингвистики, как правило, изучающая лингвистические аспекты этнических групп.

Вопрос о месте **терминологической антропологической лингвистики** остаётся открытым.

Список литературы

1. Гринев-Гриневиц С.В., Сорокина Э.А., Скопюк Т.Г. Основы антропологической лингвистики: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2008, 128 с.
2. Language and Culture: Establishing foundations for anthropological linguistics. Bialystok, 2004.
3. Folley, William. Anthropological Linguistics: An Introduction, 1994.
4. Опарин М.В. Лингвокультурология и этнолингвистика как смежные науки о языке и культуре в российском и германском научных пространствах // Альманах современной науки и образования, Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 112-115.
5. Чернышова Л.А. Антропологические аспекты современной отраслевой терминологии (на материале терминологии железнодорожного транспорта): автореф. дис. ... д-ра фил. наук. М., 2011. 36 с.
6. Болховитянов И.В. Становление терминологической антропологической лингвистики и ее воздействие на исследование общих проблем перевода спортивной терминосистемы, филологические науки // Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2014. № 10 (40): в 3-х ч. Ч. II. С. 33-35.

МЕТОДЫ И МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИЁМЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ПРАВОПИСАНИЮ В ЛЕЗГИНСКОЙ ШКОЛЕ

Салихова Л.Э.

ст. преподаватель, канд. пед. наук, Филиал Дагестанского государственного педагогического университета в г. Дербенте, Россия, г. Дербент

В статье рассматриваются основные методы и методические приёмы обучения русскому правописанию в лезгинской школе. Формирование у учащихся навыков грамотного письма зависит от степени эффективности применяемых на уроках русского языка методов и методических приемов. В связи с этим предлагаются наиболее приемлемые в условиях национальной школы методы и приемы обучения русскому правописанию. Для дифференцированного усвоения смешиваемых орфограмм методисты, учителя рекомендуют межъязыковые и внутриязыковые сопоставления, способствующие более глубокому

осмыслению фактов русского и родного языков, и выполнения специальных упражнений, составленных с учетом специфики как русского, так и лезгинского языков.

Ключевые слова: методы, методические приёмы, межъязыковая интерференция, орфография.

Выбор методов обучения должен быть подчинён закономерностям и вытекающим из них принципам обучения, что предполагает направленность методов на комплексное решение задач образования, воспитания и развития; научность применяемых методов, их доступность для учащихся, на обеспечение прочности знаний, умений, навыков и др.

Метод, как определённый способ обучения, объединяет совокупность приёмов деятельности. В лингводидактике существуют различные подходы к классификации методов. Классификация методов обучения в зависимости от методических приёмов, предложенная И.Я. Лернером и М.Н. Скаткиным (объяснительно-иллюстративный, репродуктивный, проблемного изложения, эвристический и исследовательский) наиболее целесообразна при обучении правописанию учащихся-лезгин [1, с.318].

В национальной школе широко используется **объяснительно-иллюстративный метод** на уроках обучения русской орфографии. Этот метод предполагает передачу учащимся готовой информации и характеризуется следующими приёмами: сообщение (или слово) учителя, формулировка орфографического правила учителем, получение готовых знаний из учебника или через наглядные пособия (схемы, таблицы, кодоскоп и др.), образец анализа примера учителем, сопоставление фактов правописания русского и родного языков с указанием на сходства (полные и частичные) и различия и т.д.

Репродуктивный метод обучения предполагает передачу учителем и запоминание учениками учебной информации с целью формирования знаний, умений и навыков русского правописания. Данный метод включает в себя такие приёмы, как: рассказ, лекция, беседа, объяснение учителем задания, инструктирование, разбор примеров, выполнение разнообразных тренировочных упражнений и т.д. [2, с.88].

В лезгинской школе **метод проблемного изложения материала** получил достаточно много сторонников среди учителей русского языка. Дело в том, что использование этого метода на уроках орфографии способствует лучшему запоминанию изучаемого материала, а также обеспечивает развитие и активизацию мыслительных способностей, познавательной деятельности учащихся. Метод проблемного изложения характеризуется следующими приёмами: создание проблемных ситуаций, решение различных орфографических задач, вопросно-ответная беседа, логические рассуждения учащихся, сравнение и сопоставление фактов русского и родного языков, формулирование и доказательство новых выводов, и т.д.

Основным составляющим понятием в проблемном обучении является создание проблемной ситуации. Так, например, при изучении темы «Гласные в суффиксах существительных **-ек** и **-ик**» проблемную ситуацию создавали следующим образом: учитель выписывает на доске в 2 столбца существи-

тельные с пропущенными гласными в суффиксах и предлагает учащимся определить, в каких случаях в суффиксе пишется гласная **е**, а в каких **и**.

сыноч...к	мяч...к
звоноч...к	кирпич...к
замоч...к	карандаш...к
ореш...к	самолёт...к

В ходе беседы возникают противоречивые ответы, и у школьников вполне естественно возникает желание узнать правило правописания гласных в суффиксах существительных **–ек** и **–ик**.

Используется также **частично-поисковый, или эвристический метод**, который характеризуется системой методических приёмов, направленных на организацию самостоятельного поиска учащимися новой учебной информации. Этому методу на уроках обучения русской орфографии соответствуют следующие приёмы: эвристическая вопросно-ответная беседа, решение различных познавательных задач, самостоятельный анализ лингвистического текста, составление алгоритма правила, выделение в словах орфограмм и их группировка, самостоятельные выводы учащихся на основе анализа материала для наблюдения, сопоставление явлений русского и родного языков, сравнение отдельных фактов и правил в контактирующих языках, формулирование обобщений после изучения ряда правил, выявление основных принципов правописания в контактирующих языках и др.

Поисково-исследовательский метод обучения развивает и совершенствует опыт поисковой, творческой деятельности учащихся, формирует навыки самостоятельного овладения правописными знаниями и умениями, а также учит использовать известные знания для получения новой информации. Для этого метода характерны приёмы: наблюдение и самостоятельное изучение явлений русской орфографии, сопоставление их с фактами родного языка; постановка и решение проблемных задач, творческих заданий; выяснение места орфографического факта в общей системе правописания и его связи с другими явлениями; и др.

При изучении одной орфограммы могут быть использованы несколько методов обучения. Но при таком подходе важно обеспечить такую комбинацию методов, чтобы доминирующий способ деятельности подчинялся основной цели урока все другие методы. На уроках обучения орфографии применяются и предметные приёмы, специфичные для данного учебного курса. К ним, в частности, могут быть отнесены следующие приёмы: послоговое орфографическое проговаривание, подбор однокоренных слов, многократная запись слова, составление и заполнение орфографических таблиц, вставка пропущенных орфограмм, словарно-орфографическая работа, группировка слов по указываемому орфографическому основанию и т.д.

В лезгинской школе особую значимость приобретает **приём сопоставления** фактов русского и родного языков. Необходимо сопоставлять факты и явления контактирующих языков, которые могут вызвать межъязыковую интерференцию в области правописания.

При обучении орфографии необходимо учитывать то, что в русском и лезгинском языках есть орфографические явления, которые:

а) совпадают в обоих языках (правила употребления прописной буквы, переноса слов с одной строки на другую); б) характерны для обоих языков, но имеют свои специфические особенности (правила правописания сложных существительных); в) присущи только русскому языку (правила правописания безударных гласных, употребление разделительных ь и ъ знаков, правописание глухих и звонких согласных и др.) [3, с.220].

Большое место в обучении орфографии занимает **теоретико-практический метод**, который предусматривает правильное и разумное соотношение теории (орфографических правил) и практики (разнообразных упражнений). В условиях отсутствия русской речевой практики необходимо развивать у учащихся языковое чутьё, умение пользоваться полученными теоретическими сведениями в области правописания на практике, при выполнении тренировочных упражнений. Для формирования умения писать слова на изученные правила используются *специальные* орфографические упражнения (списывание и диктанты) и *неспециальные* (творческие и свободные диктанты, изложения, сочинения) [4, с.98].

Список литературы

1. Львов М.Р. Методика преподавания русского языка в начальных классах (5-е изд.) : учеб. пособие – М., 2008.
2. Разумовская М.М. Русский язык: Методика обучения орфографии в школе. М.: Дрофа. – 2005. – с.192.
3. Шанский Н.М. Сопоставление как один из методических приёмов обучения русскому языку нерусских. // Русское языкознание и лингводидактика. – М., 1985. – С. 220.
4. Шайкевич А.Я. Введение в лингвистику : учеб. пособ. для студ. высш. учеб. заведений – М., 2005.

РЕКЛАМНЫЙ ТЕКСТ КАК ОДИН ИЗ ВИДОВ ТЕКСТА: ЕГО ОСОБЕННОСТИ И ЖАНРОВЫЕ ВИДЫ

Серикова Е.И.

магистрант факультета иностранных языков группы 41 МИЯ,
Томский государственный педагогический университет, Россия, г. Томск

В статье рассматривается рекламный текст в качестве реализации требований, вложенных в рекламное сообщение. Представлены виды публицистических жанров и коммуникативных функций, выделены двенадцать основных видов рекламного текста.

Ключевые слова: реклама, рекламный текст, рекламное сообщение, коммуникативные функции, жанры.

Текст является неотъемлемой частью большинства рекламных сообщений. Он, как правило, является главным элементом, раскрывающим основное содержание рекламного сообщения.

Рекламный текст – это совокупность содержания рекламы и ее формы, то есть симбиоз «мыслей» и «выражений». При создании любого текста вопрос о «выражениях», то есть о языковых тонкостях, встает на стадии его редактирования. Это касается и рекламы. Язык рекламы – это словесные средства, которыми это содержание передается. Мысль можно изложить множеством способов, используя массу стилистических оттенков и акцентов [1, 65].

Поэтому в рекламных целях используются почти все публицистические жанры, которые можно распределить по трем группам:

1) информационные: заметка, интервью, отчет, репортаж, строчная реклама;

2) аналитические: корреспонденция, статья, обзор, обозрение, рецензия, комментарий;

3) публицистические: зарисовка, очерк [4, 27].

Одними из основных функций рекламного текста в первую очередь являются коммуникативные функции: воздействие и взаимодействие.

Эти коммуникативные функции рекламы делятся на первичные – такие, которые присущи любому виду коммуникации вообще, и вторичные – такие, которые выполняет именно реклама как особый и своеобразный вид коммуникации.

Рекламный текст непременно должен выполнять данные функции, т.к. реклама является одним из видов коммуникации. Выполнение коммуникативной функции предполагает передачу определенного объема рекламной информации. С этой задачей может справиться любой автор рекламного объявления. Однако осуществление регулятивной функции рекламного текста может вызвать некоторые затруднения. Согласно трактовке регулятивной функции, рекламный текст должен регулировать поведение адресата, воздействовать на него. В связи с этим рекламисты часто обращаются к психологии с целью выяснить, на какие стимулы лучше всего реагирует человек. Чаще всего стимулы бывают тесно связаны с основными потребностями людей.

Можно выделить двенадцать основных видов рекламного текста [2, 185], наиболее часто используемых для рекламных компаний:

• рекламное объявление;	• рекламная статья;
• рекламная заметка;	• строчная или рубрицированная
• рекламное интервью;	реклама – вид рекламного текста-
• рекламная рецензия;	объявления, которое размещается
• рекламный отчет;	на рекламных полосах
• рекламный очерк;	периодических изданий
• рекламная консультация;	нерекламного характера или
• рекламный рассказ;	составляет основу рекламных
	изданий.

Стоит заметить тот факт, что большинство вышеперечисленных рекламных жанров характерны для газетно-журнальной рекламы, в то время

как список видов рекламы по средствам передачи довольно широк. Обслуживает эти типы чаще всего первый из рассмотренных нами жанров – рекламное объявление, наиболее полно раскрывающий специфику, общую для рекламного текста.

Рекламный текст, с одной стороны, должен импонировать реципиенту (потенциальному покупателю), выглядеть как бы более безобидно, а с другой – искусно маскировать истинные намерения рекламодателя, быть привлекательным, понятным и читабельным. Люди охотнее откликаются на приземленный, разговорный стиль, претендующий на теплые, дружеские отношения с реципиентом, насыщенный использованием разнообразных тропов, характеризующийся выбором простых, живых и полных личностной окраски слов, не отягощенных бременем построения грамматически правильных предложений и т.п.

В современных рекламных текстах используются разнообразные средства практически всех языковых уровней: графического, фонетического, лексического, грамматического и синтаксического, а важным требованием, предъявляемого к рекламным текстам является максимум информации при минимуме слов [3, 98].

Реклама стоит дорого. В современном рекламном мире, время – действительно деньги. За минимум времени необходимо донести суть, наиболее точно воздействовать на потенциального покупателя с целью заставить его, как говорят маркетологи, «полюбить и захотеть товар», что требует конструктивного использования текстовой информации, где основным ориентиром является стремление к экономической составляющей и максимальной экспрессии рекламного текста.

Список литературы

1. Картон Г. Эффективная реклама. М.: Прогресс, 1991. 65 с.
2. Лазовская Н.В. Лингвистические особенности современной российской рекламы. Вестн. Саратовской гос. акад. Права, 2006. 185 с.
3. Панкратов Ф.Г., Баженов Ю.К., Серегина Т.К., Шахурин В.Г. Рекламная деятельность: Учебник для студентов высших учебных заведений: 3-е изд. М.; Маркетинг, 2001. 98 с.
4. Попова Е.С. Рекламный текст и проблемы манипуляции. Тез. докл. 27 с.

СЛОГАН КАК ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМПОНЕНТ РЕКЛАМНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Серикова Е.И.

магистрант факультета иностранных языков группы 41 МИЯ,
Томский государственный педагогический университет, Россия, г. Томск

В статье рассматривается слоган как важная составляющая в структуре рекламного текста и его эмоционально-коммуникативная направленность. Изучены основные лингвистические особенности слогана и на основании научных трудов, составлен собственный список данных особенностей. Представлен анализ аспектов рекламного слогана.

Ключевые слова: слоган, рекламный слоган, рекламная коммуникация.

Понятие «реклама» воспринимается многозначно и имеет разное толкование. Основная причина состоит в том, что категория «реклама» анализируется с многих точек зрения, и каждый такой подход характеризуется неоднозначностью и неоднородностью восприятия рекламы и многочисленностью научных определений этой категории.

Наиболее интересным с точки зрения исследования является текст рекламного сообщения, в частности рекламный слоган. Именно слоган несет в себе основную информацию о рекламируемом объекте и обладает наибольшей эмоционально-коммуникативной направленностью [4, 89].

Слоган – спрессованная до формулы суть рекламной концепции, доведенная до лингвистического совершенствования запоминающаяся мысль [2, 367]. Слоган должен вызывать устойчивую ассоциацию с рекламируемым товаром и наоборот, т. е. слоган выделяет фирму и ее продукцию среди конкурентов.

Говоря об особенностях слогана, важно обозначить его влияние на массовое сознание аудитории и формирование коммуникативных способностей получателей рекламной информации [1, 124]. С одной стороны, слоган – "зеркало" культуры, объективно отражающее среду коммуникации общества. На наш взгляд, в этом проявляется уникальность слогана как социального явления. Данный вывод оправдан, поскольку слоган стремится "разговаривать" на одном языке с потребителем, быть максимально понятным и близким той аудитории, к которой обращается.

С другой стороны, слоган призван выполнить конкретную, прагматическую задачу: привлечь внимание потенциального потребителя, стимулировать покупку и принести прибыль организации-рекламодателю. А следовательно, он должен быть понятным целевой аудитории и воздействовать на ее мотивы.

Эффектный, и поэтому эффективный, запоминающийся слоган абсолютно соответствует задачам маркетинга. Идеальный слоган прочно «врастает» в сознание потребителя и вызывает у целевой аудитории прямые ассоциации с рекламируемым продуктом. Причем эти ассоциации непременно способствуют покупке продукта, так как основные требования слогана: информативность, простота, краткость, звучность, динамичность, эмоциональность, фонетическая правильность [6, 42].

Особый интерес для исследования природы английского рекламного слогана представляют его основные лингвистические особенности. Именно они во многом объясняют видовое разнообразие слоганов и принципы их функционирования.

Основные лингвистические особенности английских и русских рекламных слоганов рассматривали в своих работах такие исследователи, как Н.И. Клушина, И.Н. Кохтев, В.Л. Музыкант, Е.А. Песоцкий, Д.Э. Розенталь, О.А. Феофанов, а также Р. Браун, Д. Огилви, Ч. Эдвардс и др.

Обобщая и систематизируя идеи данных исследователей, мы составили собственный перечень основных лингвистических особенностей английского рекламного слогана, к числу которых отнесли:

1. Многоаспектность (многоуровневость) природы рекламного слогана.

Дело в том, что в каждом конкретном случае все эти аспекты играют особую роль в создании образа слогана и формируют определенное отношение к нему со стороны потенциального покупателя.

Проиллюстрируем анализ некоторых аспектов рекламного слогана на примерах, представленных в таблице.

Таблица

Примеры многоаспектного анализа английских слоганов

Слоган	Стилистический аспект	Синтаксический аспект	Лексический аспект
Soap without the drama	Игра слов; выделение слова «Soap»	Номинативное односоставное предложение	Абстрактная лексика; переносное значение слова «Soap»
Beyond measure, Beyond expectations	Анафора; курсив и заглавные буквы слова «Beyond»	Адverbальное односоставное предложение	Абстрактная лексика
Your Citi never sleeps	Олицетворение и игра слов; выделение слова «Citi»	Простое предложение	Конкретная лексика

Как мы можем видеть, стилистический прием, грамматическая форма и графическое выделение значимых слов в тексте слогана способствуют качеству его восприятия и запоминания.

2. Прямая зависимость языка слогана от особенностей рекламируемого товара и целевой аудитории.

3. Экспрессивность лексики слогана.

В самом определении слогана как лозунга, девиза подразумевается, что использованная в нем лексика отличается высокой степенью экспрессивности. При этом экспрессивность следует понимать не только как синоним эмоциональности, но и как содержательность, информативность [3, 209].

Экспрессивность слогана – это необходимое условие его эффективности, так как:

1) одной из главных задач слогана является привлечение внимания потенциального покупателя посредством формы и содержания рекламного текста, и именно экспрессия делает рекламу интересной для восприятия;

2) достаточно короткое рекламное сообщение (особенно если слоган используется независимо от других компонентов рекламного текста) должно нести в себе большое количество информации.

4. Важная роль подтекста, косвенность рекламного воздействия [5, 93].

Таким образом, анализ природы английского рекламного текста в целом и в частности позволяет нам сделать вывод о том, что он имеет ряд лингвистических особенностей, главной из которых является многоаспектность природы. Данный факт объясняется разнообразием использованием в создании слогана лингвистических и экстралингвистических приемов и средств воздействия на потенциального покупателя. Самое главное при

создании рекламного слогана – помнить о том, что любое обращение должно нести в себе "заряд мысли", в интересной и доходчивой форме предлагающий потребителю какую-либо выгоду.

Список литературы

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. – 4-е изд., испр. и доп. М.: Флинта: Наука, 2002. 124 с.
2. Бобров В. Б. Англо-русский словарь по рекламе и маркетингу. М.: Руссо, 1997. 367 с.
3. Ильин В.Я. Творческий подход к рекламе. М.: ЭКО, 1995. №9. 209 с.
4. Панкратов Ф.Г., Баженов Ю.К., Серегина Т.К., Шахурин В.Г. Рекламная деятельность: Учебник для студентов высших учебных заведений. М.: Прогресс, 2001. 89 с.
5. Песоцкий, Е. А. Современная реклама. Теория и практика. М.: Прогресс, 2001. 93 с.
6. Полякова И. Вот он – за-го-ло-вок! Индустрия рекламы. 2002. 42 с.

ТЕМА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» В СОВРЕМЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сизых А.А.

студентка 2 курса,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Россия, г. Якутск

Штыгашева О.Г.

научный руководитель, к.ф.н.,

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К. Аммосова,
Россия, г. Якутск

В статье рассмотрен образ маленького человека в современной литературе, проведена параллель между маленьким человеком XIX и XX века. На примере рассказов Л. Е. Улицкой «Народ избранный» и Л.С. Петрушевской «По дороге бога Эроса» обозначены особенности данного образа в период XX века.

Ключевые слова: маленький человек, социальное неравенство, общество, образ, главный герой.

Тема маленького человека обрела популярность еще в литературе XIX века. Образ «маленького человека» был намечен в повестях А.С. Пушкина «Станционный смотритель» (Самсон Вырин), «Шинели» Н.В. Гоголя (Акакий Акакиевич), в романе Ф.М. Достоевского «Бедные люди» (Макар Деревушкин). К концу XIX века в литературной традиции сложилось особое отношение к человеку. С сочувствием писали о жалких, ничтожных людях, которых никто не замечает, но у которых есть свои мечты, потребности.

В XIX веке данный образ определялся невысоким социальным положением, он не обладал выдающимися способностями, но при этом отличался добрым нравом. Многие писатели того времени стремились привлечь внимание общественности к проблеме маленького человека. Так, и А.С. Пушкин, и

Н.В. Гоголь показывали его как самого обыкновенного, заслуживающего сочувствия, внимания, члена общества.

Иное отношение к теме маленького человека складывается в литературе XX века. Теперь он обладает равными возможностями с современниками: ему доступно образование, он становится полноценным гражданином. Однако он страдает от невозможности выразить себя, свою индивидуальность, так как стеснен общественно-политической системой. То же можно сказать и о самом обществе того времени – оно, в большинстве своем, состоит из таких же маленьких людей.

Образ «маленького человека» в художественном произведении всегда был актуальной темой для критиков. Так, в статье известного гоголеведа И.Н.Степанова раскрывается основное противоречие общества XIX века – противостояние властных бюрократических верхов и работников, тружеников, находящихся внизу общественной лестницы. Типические выражения этих двух социальных сфер – образы мелкого чиновника Акакия Акакиевича и «значительного лица». И.Н.Степанов утверждает: «Социальная направленность, протестующий пафос повести, с ее резким обличением господствующих верхов и горячей защитой бедняка, бесправного и забитого, явились своего рода программой для писателей реалистического направления 40-х годов» [5, с. 273]. Критик отмечает и то, что типичность внешности главного героя, обусловлена социальной средой тех лет: «В литературе 30-х годов образ чиновника – разночинца занимал заметное место...».

Этой же точки зрения придерживается и Макогоненко Г.П., автор работ, посвященных гоголевской «Шинели». В них критик сравнивает гоголевскую «Шинель» с произведением А.С.Пушкина «Станционный смотритель». Автор обнаруживает в «Шинели» пушкинское начало. Он пишет: «Защита человека и обнажение обстоятельств, которые губят его (Башмачкина) и приводят к нравственной, в конечном счете, и физической гибели, даны в пушкинской трагедии». [5, с. 325]. О Самсоне Вырине из «Станционного смотрителя» он пишет следующее: «Именно система чинов в государстве губит людей, в том числе и чиновников разных рангов, искажает их личность, обрекает их на бессмысленное, жалкое существование ...» [5, с. 304].

Известный литературовед Г.Фридлендер говорит о том, что бунт, находящийся место в душе «маленького человека» не единственное и далеко не главное свойство. Он пишет: «Достоевский в «маленьком человеке» хочет найти большого человека, который способен благородно мыслить и чувствовать, защищать свое человеческое достоинство, любить и ненавидеть и который всегда способен самоотверженно прийти на помощь такому же бедняку, как и он сам» [5, с. 13]. Душа маленького человека обнаруживает удивительное благородство по отношению к другим, несмотря на то, что сам он не получает помощи от общественности.

Таким образом, И.Н.Степанов противопоставляет бюрократию и рабочий класс, на примере «Шинели» Н.В. Гоголя, показывая неравную борьбу «маленького человека» – чиновника – разночинца против социального и государственного устройства, который не способен на протест против неспра-

ведливости из – за своей бесправности и забитости. С подобной точкой зрения согласен и Г.П. Макогоненко, отметивший, что в «Станционном смотрителе» также, как и в «Шинели», человек пропадает под гнетом государственной системы. Г. Фриндлер выделяет особенные качества «маленького человека» – его внутренний бунт, благородное отношение к таким же отверженным, как и он.

В монографии «Жанр романа – эпопеи» под авторством В.М. Переверзина можно обнаружить интересную мысль, применимую к типу маленького человека: «репрезентативный характер» [1, с. 79], носитель определенных тенденций времени, отражающей типические черты его. Благодаря этому, удастся добиться того, что все герои оказываются вовлеченными в общий большой поток изображаемых событий, оказываются органически сращенными с основным движением сюжета». Рассматриваемый тип героя – маленький человек связан крепкой нитью с обществом, ежедневно сталкиваясь с его жестокостью и несправедливостью, он вынужден приспособливаться к правилам его игры. При этом «в личных судьбах основных персонажей раскрывают самое широкое и глубинное содержание общественной жизни эпохи. Причем... все изображение сосредоточено на частной жизни индивида» [2, с. 25].

Подобное положение маленького человека можно проследить в рассказе Л. Е. Улицкой «Народ избранный». Он несчастен от равнодушия общества, но не признается в этом в силу своей гордости, влачит жалкое существование, занимая низкую ступень в социальном устройстве общества, внутренний мир маленького человека – крошечен и скрыт в самой глубине его сердца. В данном рассказе представлен тип маленького человека, однако он подразделяется на два вида: первый – отчаявшийся, сдавшийся человек, который неспособен на реализацию своих желаний, второй – приспособившийся к окружающей среде, обладающий духовным началом, стойкостью против любых жизненных ситуаций. В рассказе представителем первого типа является – Зинаида, второго – Катя. Героиня рассказа – Зинаида, лишившись матери, вынуждена заботиться о себе самостоятельно. От родительницы ей достается наказ «...надеяться на Божью Матерь...» [4, с. 16]. Героиню не интересует окружающая действительность, ей чужда духовность, она не верит в Бога по-настоящему и повторяет лишь заученную фразу «я в Божью Матерь...» [4, с. 17]. Единственной ее потребностью является утоление постоянного чувства голода «Аппетит у Зины был непрерывный, и он был ее болезнью...» [4, с. 17]. Другой представитель маленьких людей изображен в образе Кати, которая является противоположностью Зинаиды, так как она образованна «...в техникуме училась технологическом...» [4, с. 17], духовна. Однако попадает Катя в общество нищих из-за людей, окружавших ее: предательство матери, измена мужа. Среди массы нищих и старушек у церкви, по сравнению с Зинаидой – она обладает жизненной стойкостью, богатым духовным миром, верой в Бога, которая не исчезла вопреки ее судьбе. Она борется за то, во что верит. Однако, героини попали в общую массу таких же маленьких людей в силу жизненных обстоятельств: Зина – из – за смерти ма-

тери вынуждена просить милостыню, а Катя – по причине предательства близких людей остается одна.

Главная мысль о предназначении маленьких людей звучит в конце рассказа «каждый человек, который на нее смотрит, одно думает: вот несчастье, хуже моего,... Вот уж кого пожалеть надо, а не себя» [4, с. 17], то есть маленький человек, по мнению автора, вызывает в людях лучшие их качества, такие как сострадательность, понимание, – делает их человечнее.

Явление маленького человека характерно и для творчества Л.С. Петрушевской. В рассказе «Через поля» этот образ мимолетен. Рассказ – своеобразная зарисовка встречи двух родственных душ, счастье которых заключалось в «переходе» по полю. Маленькие люди в этом рассказе ограничены несвободой друг друга. Вовик связан обещанием жениться, его спутница не имеет права предать дружбу подруги. В обоих характерах прослеживаются черты маленького человека: скромность, граничащая с боязнью проявления естественности «я стеснялась тогда всяких проявлений естества и больше всего своих босых ног...» [3, с. 207]. Однако образ женщины менее естественен, так как ее идеальный облик «... завитые волосы, накрашенные ресницы» [3, с. 207] разрушен самой природой. В то же время иначе показан характер Вовика «небольшие добрые глаза..., на его худом носу ... повисла капля» [3, с. 207] – он более естественен и обречен несвободным и тяжелым выбором, так как он встречает близкого человека, но не может нарушить данного обещания. Причины, по которым герои не могут быть счастливы заключаются в том, что они маленькие люди: они чувствуют свою незащищенность, не способны нарушить общепринятые правила, навязанные обществом, страдают от одиночества и непонимания со стороны окружающих.

Схожая история любви присутствует и в рассказе Л.С. Петрушевской «По дороге бога Эроса». Чувство, возникшее между Пульхерией и ее таинственным избранником нерешительно, тщательно оберегаемо главной героиней от всех. Оба они маленькие люди со своими проблемами: Пульхерия, будучи верной женой, остается одна с двумя дочерьми на руках, но после их взросления остается одна, а неожиданная встреча на вечере у Ольги преобразует ее внутренний мир. «Каменный гость» [3, с. 22] как называет своего избранника героиня, также маленький человек, ведь он несчастлив в браке со своей женой, которая считает его сумасшедшим и совсем не любит его. Любовь в представлении людей, подобных Пульхерии, отличается терпеливым ожиданием, смирением и вознаграждается долгожданной встречей с любимым. В рассказе судьбы двух маленьких людей сплетены воедино, так как их робкая любовь становится для них единственной опорой и радостью в равнодушном и тусклом для них мире.

Таким образом, маленький человек XIX века занимал довольно низкое место в социальной иерархии: мелкий чиновник, мещанин или даже бедный дворянин. Он отличался от общей массы людей своей кротостью, однако, порой, он бунтует, но в конечном счете, порядок вещей остается прежним. Общество не считается с его переживаниями, проблемами, желаниями, бедами, в то время как он испытывает бедность, незащищенность.

Он – страдалец, жертва социальной несправедливости и бездушного государственного механизма, его не понимает и не принимает общество.

В XX веке маленький человек обнаруживает в себе удивительное свойство: он привыкает к своему положению, но при этом в нем еще кроются несбыточные надежды, вера. Общество претерпевает невиданные до сих пор изменения – в нем возникает еще больше маленьких людей, чем прежде. Он уже – не феномен, а вполне распространенное явление.

Тема маленького человека представляет большой интерес для писателей всех эпох: вплоть от XIX до конца XX века. Эволюция маленького человека носит особый характер: теперь место маленького человека не всецело зависит от социального положения. Если в XIX веке маленькие люди были незначительной частью общества, зависели от его общественного и государственного устройства, то XX век можно назвать эпохой маленьких людей, так как с изменением окружающей действительности меняются общепринятые правила и мораль. Все эти изменения трудно пережить, потому что являются неуверенные в себе, одинокие люди.

В XXI веке этот образ также остается актуальным. Он живет в сознании каждого, ведь отчасти человек есть совокупность неосуществленных стремлений, которому присуще также чувство одиночества и тоски, неуверенности в себе, надежда на счастливое будущее.

Список литературы

1. Переверзин В.М. Жанр романа – эпопеи (История и типология) / В.М. Переверзин. Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 1984. 104 с.
2. Переверзин В.М. Жанр романа – эпопеи. Пособие по спецкурсу / В.М. Переверзин. Якутск: Изд. Якутского госуниверситета, 1981. 104 с.
3. Петрушевская Л.С. По дороге бога Эроса / Л.С. Петрушевская. М.: Олимп, 1993. 336 с.
4. Улицкая Л.Е. Рассказы / Л.Е. Улицкая. М.: Эксмо, 2007. 18 с.
5. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://nsportal.ru/shkola/literatura/library/2014/01/20/problema-malenkogo-cheloveka-v-literaturnoy-kritike>

СИНОНИМЫ-РЕПРЕЗЕНТАНТЫ КОНЦЕПТА «ТАХ»/«НАЛОГ»

Улиско К.А.

преподаватель кафедры иностранных языков № 3,
ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В.Плеханова», Россия, г. Москва

В статье анализируются синонимы-репрезентанты концепта «тах»/«налог» в английском и русском языках. На основании анализа многочисленных лексикографических источников обоих языков автор отбирает синонимы-репрезентанты концепта, сопоставляет особенности его репрезентации синонимическими средствами, выявляет общие и национально-специфические особенности репрезентации.

Ключевые слова: концепт, синоним, лексема, налог, когнитивный признак, репрезентация концепта.

Каждая эпоха знаменуется возникновением новых реалий, которые фиксируются в языке и приводят к появлению новых слов, называющих новые явления или процессы. Изменяющиеся экстралингвистические условия приводят к переосмыслению и переоценке отношения в обществе к ряду процессов и явлений. При этом развиваются синонимы, которые не только называют схожие явления и процессы по-разному, но и выделяют их разные характерные черты, передают их коннотации (созначения).

При этом проявляется закон синонимической аттракции, в соответствии с которым, как подчеркивает С. Ульманн, «объекты, обладающие наибольшей важностью для общества, привлекают большее количество синонимов» [7, с. 75]. То есть, у имен, репрезентирующих концепты, наиболее значимых для отдельных индивидов, так и общества в целом, развивается большее количество синонимов.

Цель статьи – отобрать, сопоставить и систематизировать синонимы-репрезентанты концепта «tax»/«налог» в двух языках (английском и русском).

Самое общее представление о налоге в английском языке выражено лексемой *tax*, в русском языке – лексемой *налог*, то есть, лексемы *tax* и *налог* можно считать ключевыми лексемами концепта «tax»/«налог» в английской и русской лингвокультурах соответственно.

Так, синонимический ряд лексемы *tax*, номинирующей соответствующий концепт, представлен в словаре синонимов и антонимов английского языка девятью синонимами: **duty, excise, customs, dues, levy, tariff, toll, tithe, charge** [11]. В тезаурусе английского языка к вышеперечисленным девяти синонимам зафиксированы еще восемь: **impost, contribution, assessment, tribute, fee; Scottish, Irish and Indian cess** [12].

Нам представляется, что все выявленные синонимы можно условно подразделить на две группы: в первую группы входят синонимы, в дефинициях которых используется лексема *tax*, репрезентирующая одноименный концепт. Именно эти синонимы наиболее близки по значению к ключевой лексеме исследуемого концепта, так как через лексему *tax* содержат в себе все когнитивные признаки концепта «tax», выявленные нами: «обязательность платежа, взимание платежа, наложение платежа, назначение платежа, плательщики налогов, облагающие налогом, средства платежа» [6, с. 88].

Рассмотрим подробнее толкование представленных имен анализируемого концепта «tax».

Так, налог на купленные товары, особенно те, которые ввозятся в страну, обозначается лексемой *duty* (*duty – a tax that you pay on things that you buy, especially those that you bring into the country* [10]).

Лексема *excise* используется, когда мы речь идет о государственном налоге на товары, произведенные и продаваемые в пределах определенной страны, то есть отечественные товары (*excise – a government tax on some goods made, sold or used within a country* [10]).

Лексема *customs* подразумевает налоги, выплачиваемые государству за ввоз товаров из других стран, другими словами, ввозные пошлины (*customs –*

the taxes that must be paid to the government when goods are brought in from other countries [10]).

Налог, которым облагаются товары, ввозимые в страну и вывозимые из страны, обозначается лексемой *tariff* (*tariff* – a tax that is paid on goods coming into or going out of a country [10]).

Лексема *levy* имеет общее значение налог в пользу государства (*levy* – an extra amount of money that has to be paid, especially as a tax to the government [10]). Так, *Business English Dictionary* толкует данную лексему, как «a tax» (налог) [8, p.301]. Налог или сходный обязательный платеж, включая таможенные пошлины, обозначается лексемой *impost* (*impost* – tax or similar compulsory payment [13], a customs duty [9]).

Налог в Шотландии, Ирландии и Индии обозначается лексемой *cess* (*Scottish, Irish and Indian cess* – (in Scotland, Ireland and India) a tax or levy [13]).

Интерес также представляет лексема *tithe*, которая, согласно *Oxford Advanced Learner's Dictionary*, имеет два значения: первое, устаревшее значение – название десятой части товаров, произведенных кем-либо, или денег, заработанных им, и уплаченных в пользу церкви в качестве налога», и второе значение, до некоторой степени актуальное и в наше время – это название, действующей и в наши дни в отдельных христианских церквях практики, при которой десятая часть дохода прихожанина отдается в пользу церкви»: 1. (in the past) a tenth of the goods that sb produced or the money that they earned, that was paid as a tax to support the Church; 2. (in some Christian Churches today) a tenth of a person's income, that they give to the Church [10].

Подчеркнем, что принципиальное различие между двумя значениями лексемы *tithe* заключается в том, что раньше платеж в пользу церкви носил обязательный характер, а сейчас осуществляется на добровольных началах. Несомненно, наличие лексемы *tax* в первой дефиниции подчеркивает эту обязательность.

Вторая группа включает синонимы, которые условно можно обозначить как «платежи». Анализ, тем не менее, показывает, что и в их дефинициях также присутствуют некоторые когнитивные признаки налога, например, обязательность платежа, цель платежа, которые в конечном итоге и отличают налог от всех остальных платежей. Так, лексема *dues* обозначает сборы (*charges*), например, портовые сборы (*harbour dues*) [10]. Лексема *toll* используется, когда мы говорим о сборе за пользование определенной дорогой либо мостом (*toll* – money that you pay to use a particular road or bridge [10]). Расходы на товары и услуги обозначаются лексемой *charge* (*charge* – the amount of money that sb asks for goods and services [10]). Лексема *fee* имеет общее значение вознаграждение за услуги (*fee* – an amount of money paid to a professional person or organization for their services [8]). Сумма обложения обозначается лексемой *assessment* (*assessment* – an amount that has been calculated and that must be paid [10]). Лексема *contribution* означает взнос, регулярно выплачиваемый работодателю, для получения, например, медицинской страховки (*contribution* – a sum of money that you pay regularly to your employer or the gov-

ernment in order to pay for benefits such as health insurance, a pension, etc [10]). Дань, выплачиваемая побежденным победителю обозначается лексемой tribute (tribute- <historical> payment made periodically by one state or ruler to another, esp. as a sign of dependence [10]).

В результате анализа многочисленных лексикографических источников мы выявили пятнадцать синонимов – репрезентантов концепта «tax». Нельзя не заметить, что синонимы анализируемого концепта фокусируют наше внимание на определенных признаках; так, лексема customs имеет значение налог на ввоз товара. Среди репрезентантов концепта «tax» лексемы levy и impost наиболее близки по значению лексеме tax, так как они стилистически нейтральны и имеют наиболее общее значение среди всех представленных синонимов наряду с самой лексемой tax. Кроме того, среди выявленных синонимов лексемы tax только один стилистически маркирован (tribute).

Обратимся к толкованию представленных имен анализируемого концепта «налог». Анализ лексикографических источников позволяет выявить синонимический ряд ключевой лексемы концепта «налог», состоящий из тринадцати синонимов: дань, оброк, платеж, поборы, повинность, подать, пошлина, сбор, тягота, мыто, мыт, акциз, контрибуция [1].

Как показывает анализ, большинство синонимов-репрезентантов концепта «налог» стилистически маркированы, то есть, отмечены как устаревшие либо имеют помету, указывающую на конкретный период их использования. Так, помета при лексеме дань – «в старину: подать с населения или налог, взимаемый победителем с побежденных», оброк – «при крепостном праве: принудительный натуральный или денежный сбор с крестьян, взимаемый помещиком или государством», поборы – «чрезмерные, непосильные налоги или сборы (устар.)», подать – «в царской России до второй половины 19 века: денежный налог, взимаемый с крестьян и мещан» [6]. Лексемы мыто и мыт имеют пометы «ист. налог, пошлина за провоз товаров, прогон скота через внутренние заставы в Древней Руси» [2, с.566].

Среди синонимов выявлены лексемы с пометами, ограничивающими сферу их употребления, например, тягота – то, что обременяет, отягощает (книжн.), контрибуция – (спец.) платежи, налагаемые государством – победителем на побежденное государство [5].

У лексемы акциз выявлено два значения, первое из которых маркировано как специальное – «косвенный налог», и второе – разговорное, переносное значение учреждения, собирающего такой налог: 1. косвенный налог, преимущественно на товары широкого потребления, а также на услуги (спец.); 2. В царской России: учреждение по сбору такого налога (разг.) [6].

Кроме того, нами выявлены стилистически нейтральные синонимы-репрезентанты концепта «налог», которые можно условно обозначить как «сборы, платежи». Так, пошлина – денежный сбор, взимаемый государством в возмещение некоторых операций, сбор – взимаемые или собранные за что-нибудь или на что-нибудь деньги, платеж – уплачиваемая сумма, повинность – общественная или государственная обязанность населения [5].

Таким образом, в результате исследования было выявлено тринадцать синонимов – репрезентантов концепта «налог». При этом не выявлено лексем, наиболее близких по значению к ключевой лексеме. Восемь из тринадцати лексем-синонимов концепта «налог» стилистически маркированы (например, устаревшее слово поборы или книжное тягота).

Проведенное исследование позволяет утверждать, что анализируемый концепт «tax»/«налог» значим для обеих лингвокультур. Как показывает наше исследование, среди источников появления синонимов немаловажное место занимают экстралингвистические факторы. Появление нового явления обуславливает возникновение нового имени этого явления. Так, в Средневековой Англии доминирующую роль играла церковь, и в 900 году появился налог в пользу церкви – *tithe*, составлявший десятую часть заработанного прихожанином за год [14]. Со временем значение лексемы может меняться под влиянием меняющихся социоэкономических и общественных событий. Так, в современном английском языке лексема *tithe* означает не обязательное, и не имеющее фиксированного размера «добровольное отчисление в пользу церкви». Первое значение лексемы «акциз» некогда было название «казенного учреждения по сбору налога, преимущественно косвенного», в настоящее время так называют сам косвенный налог.

Как показал анализ, в английском языке функционируют синонимы, почти совпадающие по значению с ключевой лексемой, в русском языке таких синонимов не выявлено. Среди английских синонимов – репрезентантов концепта «tax» мы выявили только один стилистически маркированный, тогда как среди русских синонимов восемь из тринадцати синонимов стилистически маркированы. Среди синонимов – репрезентантов исследуемого концепта в обоих языках нами была выделена отдельная группа синонимов, которую мы условно обозначили как «платежи».

Список литературы

1. Абрамов, Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений. – М.: Русские словари, 1999. – 528 с.
2. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.
3. Карасик, В.И. Концепт как индикатор эпохи / Политическая лингвистика. – Вып. 4 (30). – Екатеринбург, 2009. С. 9-13.
4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Киселева, И.А. Репрезентация концепта "семья" в ассоциативном поле концепта "детство" в русской и английской лингвокультурах (на материале женской мемуаристики конца 19 – начала 20 вв.) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2015. № 4. С.197-208.
6. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ozhegov.org/> (дата обращения: 23.03.2016).
7. Снеткова, Н.В. Репрезентация фрейма "налог" в английском языке.: Дисс...канд. филол. наук. Иркутск, 1999. – 190 с.
8. Улиско К.А. Смысловое наполнение концепта "TAX" – "НАЛОГ" в английском и русском языках // Актуальные проблемы антропоцентризма в языке и речи: сборник научных трудов. Выпуск 5 / Под ред. И.Г. Жировой. – М.: ИИУ МГОУ, 2015. С. 83-91.

9. Ульманн С. Семантические универсалии. «Новое в лингвистике». вып. V. М.: Прогресс, 1970.
10. Business English Dictionary. Director – Della Summers. Pearson Longman, 2005. – 593 p.
11. Online Dictionary [Электронный ресурс]. URL: [http:// http://www.dictionary.com/](http://www.dictionary.com/) (дата обращения: 23.03.2016).
12. Oxford Advanced Learner's Dictionary [Электронный ресурс]. 8th edition. – Электронные данные. – Oxford University Press, 2010.
13. Oxford Dictionary of Synonyms and Antonyms/ Oxford University Press, 2014. – 514 p.
14. Oxford Thesaurus of English. 2d edition/Oxford University Press, 2004. – 1024 p.
15. The New Oxford American Dictionary. 2nd edition/ Oxford University Press, Inc, 2005. – 2096 p.
16. Trueman CN The Medieval Church [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ohistorylearningsite.co.uk> (дата обращения: 29.01.2016).

ФАТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ ЯЗЫКА В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОЦЕССЕ

Устименко Н.Ю.

магистрант кафедры методики преподавания иностранных языков,
Московский государственный педагогический университет,
Россия, г. Москва

В статье фатическая, или контактоустанавливающая функция языка рассматривается как значимая, несмотря на статус дополнительной в иерархии языковых функций. Фатической функцией обусловлена возможность установления и поддержания контакта между собеседниками в процессе коммуникации, что позволяет исследователям языковых процессов выделять её как специфическую функцию языка.

Ключевые слова: функция языка, языковая ситуация, фатическая функция, коммуникативный процесс, контакт.

Язык появился естественным путем в обществе и представляет собой систему с разными языковыми уровнями. Данная система необходима как отдельному человеку, так и социуму в целом, так как используется в различных сферах жизнедеятельности и различных языковых ситуациях. Исходя из этого можно сделать вывод, что язык по природе своей многофункционален.

В исследованиях языковых ситуаций особое внимание уделяется функциональному подходу. Интерес к установлению и разграничению функций языка возник в XX веке. До этого момента понятие «функция» использовалось нетерминологически (например, у Г. Пауля, А. А. Потебни) для обозначения роли единиц в синтаксисе (функция подлежащего, функция дополнения), а также в морфологии и морфемике (функция формы, функция аффикса). Позже под словом «функция» стали понимать значение формы, конструкции (О. Есперсен), позицию в конструкции (Л. Блумфилд). Все это обусловило возникновение частнонаучного понимания функции как грамматического значения, роли (Л. Теньер), употребления языковых единиц. В связи

с этим существуют такие языковые дисциплины, как «Функциональная лингвистика», «Функциональная грамматика» и т.п. [4].

К вопросу о функциях языка и их классификации обращались многие советские и зарубежные исследователи-лингвисты, такие как К. Бюлер, Р.Якобсон, У. Стюарт, Ч. Фергюсон. Детальное исследование социальных функций языков и сферы их использования было также проведено советским лингвистом Ю.Д.Дешериевым. Рассмотрим несколько вариантов классификаций функций языка, изложенных в трудах лингвистов.

Австрийский психолог и лингвист К. Бюлер одним из первых выделил три функции языка с учетом семиологического принципа и изложил результаты своих исследований в труде «Теория языка». Он рассмотрел их как функции, проявляющиеся в любом акте речи. Ими стали: функция выражения (экспрессивная), соотносимая с говорящим, функция обращения (апеллятивная), соотносимая со слушающим, и функция сообщения (репрезентативная), соотносимая с предметом, о котором идёт речь [1, с.342].

Один из крупнейших лингвистов XX века, широко известный в Америке и России, Р.Якобсон, явился последователем К.Бюлера. Он считал, что функции языка непосредственно связаны с моделями речевой коммуникации. Коммуникативный процесс в свою очередь состоит из шести обязательных компонентов: адресанта, адресата, сообщения, контекста, **контакта** и кода.

По классификации Р. Якобсона, изложенной в работе «Лингвистика и поэтика», шесть функций языка имеют ориентацию на какой-либо из компонентов ситуации, перечисленных ранее. Три первых ситуации являются базовыми (основными), а остальные имеют добавочный характер:

1) референтивная (коммуникативная) – ориентация на контекст (референт);

2) экспрессивная (эмотивная) – ориентация на адресанта (выражение отношения говорящего к тому, о чем он говорит);

3) конативная (апеллятивная) – ориентация на адресата;

4) фатическая (направленность на контакт);

5) метаязыковая (направленность на код, язык);

6) поэтическая (направленность на сообщение).

Так же автор описывает еще одну добавочную функцию языка – магическую, или «заклинательную»). Данная функция является разновидностью конативной (апеллятивной) функции [5].

Классификация Ч.А. Фергюсона является примером одного из самых подробных исследований языковых функций. Американский лингвист выделяет 15 функций, первыми и основными в числе которых являются коммуникативная и когнитивная функции:

1) коммуникативная (или функция общения) – основная функция языка, использование языка для передачи информации;

2) когнитивная (или мыслительная) – формирование мышления индивида и общества;

3) познавательная (или аккумулятивная) – передача информации и её хранение;

- 4) эмоционально-экспрессивная – выражение чувств, эмоций;
- 5) волюнтаристическая (или призывно-побудительная функция) – функция воздействия;
- 6) метаязыковая – разъяснения средствами языка самого языка;
- 7) фатическая (или контактоустанавливающая) цель сообщения при этой функции – установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи. «- Алло, вы слышите меня? -»;
- 8) идеологическая функция – использование того или иного языка или типа письменности для выражения идеологических предпочтений. Например, ирландский язык используется главным образом не для общения, а в качестве символа ирландской государственности;
- 9) омадательная (или формирующая реальности) – создание реальностей и их контроль;
- 10) металингвистическая – по отношению ко всем знаковым системам язык является орудием объяснения и организации. Речь идет о том, что метаязык любого кода формируется в словах;
- 11) номинативная – вера человека в название;
- 12) денотативная, репрезентативная – передача информации, представление;
- 13) конативная – ориентация на адресата;
- 14) эстетическая – сфера творчества;
- 15) аксиологическая – оценочное суждение (хорошо/плохо) [2].

Мнения многих авторов сходятся в том, что язык – это средство общения и средство выражения мыслей. Две функции языка, коммуникативная и когнитивная, являются основными. Язык служит коммуникации и сам является коммуникативным процессом, и это самый главный, значимый, официальный и социально признанный из всех видов коммуникативного поведения. Это основные, базовые функции языка.

Исследователи выделяют также и функции, именуемые добавочными. Следует отметить, что многие из них не менее значимы в процессе коммуникации. В их числе фатическая функция, или контактоустанавливающая. Эта функция отвечает за установку и поддержание речевого контакта между собеседниками (использование в речи форм приветствия, прощания, устойчивых этикетных клише в определенных речевых ситуациях). Другими словами, это общение ради общения. В основном такие речевые акты сопровождаются набором закрепленных за той или иной конкретной языковой ситуацией фраз, которые являются минимально информативными, однако способствуют установлению отношений, контактов между людьми, помогают преодолеть разобщенность внутри социальной группы, что само по себе является очень важным для того, чтобы процесс коммуникации состоялся.

О фатической функции говорит в своих работах Р. Якобсон, когда утверждает о необходимости для коммуникативного процесса шести обязательных компонентов, одним из которых является «контакт». На ряду с другими, выделяет фатическую функцию в своих работах и Ч.А. Фергюсон. Немецкий психолог К. Бюлер, являясь основоположником функционального

подхода к изучению языка как явления социального, говорил о функции обращения, или аппелятивной функции языка. Аппелятивную функцию в работах К.Бюллера можно трактовать как близкую к волюнтаривной и фатической функциям в работах Ч.А. Фергюсона. Ведь процесс обращения к собеседнику и процесс установления контакта между говорящими – это два связанных и зависимых друг от друга процесса, которые трудно представить и изучить отдельно. В исследовании Т.Г. Винокура так же раскрыты особые свойства фатической речи, исследовано как проявление ее “в чистом виде”, так и диапазон присутствия фатики в информативной речи [3, с.129]. Такие речевые явления, безусловно, могут быть определены действием специфической функции речи.

Так, мы видим что уже в ранних работах, исследователи упоминают, что помимо самого процесса коммуникации в языке происходят процессы, которые условно можно обозначить как «докоммуникативные», обозначаемые Р. Якобсоном, Ч.А. Фергюсоном и многими другими авторами, как установление контакта, за возникновение которых отвечает фатическая функция языка. Называемая исследователями дополнительной функцией, она, однако, играет немаловажную роль в коммуникативном процессе. Кроме того, трудно представить себе этот процесс без вспомогательных, вступительных контактоустанавливающих средств общения. Сложно представить себе простой повседневный разговор между двумя собеседниками без приветственных формул, являющихся для обоих сигналом к началу беседы, а так же без словесных формул прощания. Данные формулы, клише, присутствуют в любом разговоре, как в бытовой коммуникативной ситуации, так и в деловой беседе, оформляя и поддерживая ход мысли индивида и способ её передачи собеседнику. Такие примеры подтверждают значимость фатической функции языка.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы:

1) Изучений вопроса о функциях языка представляет собой длительный процесс, который берет своё начало в XX веке и активно развивается в связи с широким применением функционального подхода к исследованию языковых ситуаций.

2) Основными функциями языка, исходя из исследований таких авторов, как К.Бюлер, Р. Якобсон, У. Стюарт, Ч. Фергюсон, и многих других авторов, мы можем считать коммуникативную и когнитивную функции, так как язык является средством общения и средством выражения мыслей отдельных индивидов и общества в целом.

3) Наряду с основными функциями языка, авторы выделяют и дополнительные, в числе которых – фатическая, или контактоустанавливающая функция. Она играет немаловажную роль в создании языковых ситуаций и тесно связана с коммуникативной функцией. Необходимость установления контакта между собеседниками перед началом коммуникации, при её завершении, а так же для поддержания коммуникативного акта, доказывает значимость фатической функции языка.

Список литературы

1. Бюлер К., Теория языка, Репрезентативная функция языка. Москва: Прогресс, 1993. – С. 342.

2. Классификация функций языка // Государственное регулирование языка // Очерки // Кафедра теоретической и прикладной лингвистики, г. Иркутск 2011. URL: http://tplislu.ru/publ/gosudarstvennoe_regulirovanie_jazyka/jazyk_funkcii_jazyka/klassifikacija_funkcij_jazyka/41-1-0-94 (дата обращения: 29.03.16 в 11.05)

3. Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. – С. 129.

4. Функции языка // Словари и энциклопедии // Академик, 2000-2014. URL: http://exp_linguist.academic.ru/1268/АФункции_языка (дата обращения: 30.03.16 в 12.20)

5. Якобсон Р., «Лингвистика и поэтика», 1975, URL: <http://philologos.narod.ru/classics/jakobson-lp.htm> (дата обращения: 28.03.16 в 15.30)

КАТЕГОРИАЛЬНОЕ ПОЛЕ АРГУМЕНТАЦИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ФЕНОМЕНОЛОГИИ

Фанян Н.Ю.

профессор кафедры французской филологии, д-р филол. наук, профессор,
Кубанский государственный университет, Россия, г. Краснодар

В статье феноменологический подход позиционируется в качестве одного из методов, необходимых для выявления особенностей повседневного дискурса. Проекция данного подхода на категориальное поле аргументации (истина, знание, каузальность, модальность) позволяет констатировать наличие проблемы в терминах дихотомии детерминированность / недетерминированность.

Ключевые слова: феноменология, аргументация, категориальное поле, детерминация, конвенциональность.

Мир повседневности – междисциплинарный объект исследования гуманитарной сферы, включая герменевтику (М. Хайдеггер, Г.-Г. Гадамер и др.), аналитическую философию (Л. Витгенштейн при исследовании обыденного языка), психоанализ (З. Фрейд и др.). В отечественной науке феноменологическая ориентация позиционировалась с критическим прицелом: «В рамках этого направления <...> мы видим попытку найти связующее звено между проблемами “язык и сознание” и “язык и общество”. <...> Критический анализ этого направления позволяет не только вскрыть его идеалистическую сущность, но и выявить интересные постановки актуальных вопросов, подходы к их решению» [1, с. 15].

Позитивный ракурс критики И.А. Бутенко позволяет нам по-новому взглянуть на формирование категориального поля аргументации. Проекция феноменологического подхода на аргументативное пространство (АП) порождает противоречивую ситуацию, связанную с понятиями конвенциональность / неконвенциональность. Конвенциональный (формальный) подход соотносится с идеей детерминации, неконвенциональный (неформальный) – с возможностью континуальности мышления. В АП формируется специфическая интересубъективность, состоящая из различных пересекающихся релевантных интенциональностей (формальных / неформальных).

В зарубежной феноменологии «значение выступает как идеальное свойство, свойство мысли о предмете (реальном или воображаемом)»; в свя-

зи с этим в ней невозможно познание “сути дела”, поскольку она «порождается в интересусубъективном общении, приобретая для каждого из участников в то же время собственное значение, обусловленное его “наличными целями” и “текущими интересами”» [1, с. 26, 28-29].

Подобная феноменологическая ситуация соответственно требует особого подхода. Поиск гармонизации АП ведет к необходимости выявления формирующих его элементов. В данном случае особое значение приобретает вопрос о детерминации, о том, что противоречит феноменологическому подходу. Равновесия можно достичь с допущением того факта, что в процессе аргументации в глобальном АП механизм интересусубъективного «объяснения» сопрягается с «обоснованностью». «Обоснованность» реферирует к объективной реальности, а «объяснимость» – соответственно, к субъективной.

В субъективном поле (в поле феноменологии) парадоксально активизируются такие реальные понятия, как “необъяснимость”, “беспричинность” и др. При этом в поле сопряжения оказывается актуализация инференциального модуля, определенно / неопределенно соотносимого с каузальностью (причинно-следственной связью) в процессе рассуждения. Инференциальный модуль – точка соприкосновения элементов, способствующих реализации аргументативного процесса, включая доказательство (опровержение), убеждение, либо просто рассуждение. Каузальное напряжение, создаваемое в точке соприкосновения пересекающихся релевантных интенциональностей, обусловлено эксплицированным эпистемическим компонентом, способствующим выявлению имплицитной сущности нашей аргументативной компетенции.

Понятие, приближающее нас к полю феноменологии, – аргументативная компетенция. Она актуальна при реализации модального компонента – третьего элемента категориального поля аргументации. С одной стороны, аргументативная компетенция актуализируется в направлении детерминации (классическая отечественная методология), с другой стороны, она показывает проблемные точки детерминативного ракурса (зарубежная феноменология, идея континуальности в отечественной философии – В.В. Налимов, М.К. Мамардашвили, А.М. Пятигорский). Собственно в отечественной аргументологии продуктивным результатом считаем понятие «контекстуальной аргументации» [2].

Поскольку поле исследования феноменологов – мир повседневности, обыденное сознание, то, разумеется, результаты, относящиеся к житейской логике, не могут быть распространены на область научного познания. Рациональным зерном в данном ракурсе представляется тот факт, что сфера повседневности преподносит наиболее широкий контекст для интерпретации предлагаемых нами компонентов категориального поля аргументации, исходя из понятий «плюрализм» и «многозначность».

Выявляя основные элементы категориального поля аргументации (эпистемический контекст, каузальность и модальность), в качестве общего знаменателя мы выдвигаем понятие «истины», которая, по сути, не является абсолютным понятием, тем более, в сфере повседневности, в области обыденного сознания [3]. Феноменологический подход, таким образом, актуален в качестве

одного из методов, необходимых для выявления особенностей повседневного дискурса, в рамках которого релевантны непредсказуемые естественные «попытки мысли», допускающие переходы от истины к заблуждениям.

Список литературы

1. Бутенко И.А. Социальное познание и мир повседневности. Горизонты и тупики феноменологической социологии. М.: Наука, 1987. 141 с.
2. Ивин А.А. Современная логика. Фрязино: «Век 2», 2009. 384 с.
3. Фанян Н.Ю. Многомерность аргументации: проекция на лингвистическую область. Краснодар: Кубанск. гос. ун-т, 2000. 234 с.

КОНЦЕПТ НЕБОСКРЁБ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ КУЛЬТУРЕ

Хакимова Г.Ш.

доцент каф. социально-правовых и гуманитар. наук, канд. филол. наук, доцент,
Южно-Уральский государственный университет, Россия, г. Златоуст

Бражников М.П.

Южно-Уральский государственный университет, Россия, г. Златоуст

В статье делается попытка провести семантический анализ слова *skyscraper* на основе его дефиниций из различных лексикографических источников. На основе значений ядерной единицы выявляются основообразующие признаки семантического наполнения английского концепта *небоскрёб*.

Ключевые слова: концепт *небоскрёб*, семантический компонент, дефиниция.

Перспективным направлением изучения языковых явлений является когнитивная лингвистика, центральным понятием которой является концепт. В рамках данной статьи мы попытаемся реконструировать содержание концепта *небоскрёб* в рамках англоязычной культуры на базе значений ядерного слова *skyscraper*, представленных лексикографическими источниками. Наш интерес к данному феномену вызван работой со студентами, обучающимися по направлению подготовки «Строительство» по программе академического бакалавриата. Объектом нашего исследования являются словарные статьи, содержащие толкования данного явления. В рамках данной статьи мы попытаемся дать описание базовых когнитивных характеристик исследуемого концепта, которые станут своего рода точкой отсчёта для последующего описания его понятийной составляющей.

Лексема *skyscraper* образована посредством словосложения и состоит из двух частей: “sky” (*небо*) и “scrape” (*скрести; задевать, касаться*). Внутренняя форма лексемы восходит к обозначению чего-то очень высокого. Этимология слова представлена несколькими версиями: «Used earlier for "ornament atop a building" (1883), "very tall man" (1857), "high-flying bird" (1840), "light sail at the top of a mast" (1794), and the name of a racehorse (1789)» [1]. Любопытно, что одно из толкований восходит к номинации высоких парусов

на морских судах, связанной с эпохой парусников, когда мачты фрегатов и яхт могли достигать таких больших размеров, что их паруса казались англоязычным мореплавателям словно «взбирающимся в небо».

Для выявления содержания исследуемого концепта (ср.: *небоскрёб, многоэтажный дом, высотное здание*) в языковой картине мира обратимся к словарным статьям различных авторитетных словарей и электронных баз данных: 1) a very tall building [2]; 2) a very tall building containing offices or flats [3]; 3) a very tall building in a city [4]; 4) а) (*architecture*) a building of exceptional height completely supported by a framework, as of girders, from which the walls are suspended, as opposed to a building supported by load-bearing walls; б) a relatively tall building of many stories especially one for office or commercial use [5]; 5) а) a very tall building with great number of floors, б) (*archaic*) a small sail atop a mast of a ship, в) (*figuratively*) anything very tall or high [6]; 6) a very tall modern city building [7]; 7) a very tall building in a city [8]; 8) а) a very tall building, especially one over 20 stories high, б) a name for the one of the fancy sails alleged to have been sometimes set above the skysail, в) hence, anything usually large, high, or excessive [9]; 9) a very tall, multistoried building [10]; 10) a very tall multistory building [11]; 11) a very tall building [12]. Компонентный анализ приведенных дефиниций выявляет наличие ряда повторяющихся сем в значениях исследуемого слова-концепта «skyscraper»: 1) здание (*building*), 2) высокая степень высотности здания (*tall, very tall, of exceptional height*), 3) многоэтажность (*over 20 stories high, multistoried, with great number of floors*). Отдельные источники включают дополнительные семантические компоненты, а именно, «городской вид сооружения» (*city building, building in a city*), «гражданское (жилое/ коммерческое) предназначение сооружения» (*containing offices or flats, especially one for office or commercial use*).

Дефиниция в словаре [5] содержит значение лексемы *skyscraper*, актуализирующее технические особенности исследуемого феномена с позиций архитектуры, уточняющие особенности строительной конструкции, в частности несущих элементов, используемых при строительстве (*completely supported by a framework, as of girders, from which the walls are suspended, as opposed to a building supported by load-bearing walls*) [5]. Дефиниция в словаре *English Wiktionary* охватывает три значения исследуемого концепта, среди которых находим архаичный вариант, эксплицирующий значение, связанное с морской тематикой и обозначающее небольшой парус на вершине мачты корабля (*a small sail atop a mast of a ship*). И наконец, указывается переносное значение слова *skyscraper*, связанное с ассоциативным переносом характеристик высотного здания на любые высокие объекты (*anything very tall or high*) [6].

Проведенный семантический анализ в дефинитивном варианте слова *skyscraper* позволяет сделать некоторые выводы относительно концептуального содержания концепта *небоскрёб* в англоязычной культуре. Данный элемент ментального лексикона является частью концептосферы «сооружение». Концептуальное ядро составляют прототипические признаки, фиксирующие его в англоязычном сознании как высокое здание, характерное для городской среды, отличающееся многоэтажностью и предназначенное для гражданских

(жилых и/или коммерческих) целей. Главным категоризирующим элементом его смыслового содержания является признак исключительной высотности, являющимся основанием для семантического переноса при формировании других значений. Следующим шагом исследования данного концепта является ревизия вербальных средств его репрезентации на разных уровнях английского языка.

Список литературы

1. Online Etymology Dictionary. URL: http://etymonline.com/index.php?allowed_in_frame=0&search=skyscraper (дата обращения: 03.03.2016).
2. Webster's New World College Dictionary. URL: <http://websters.yourdictionary.com/> (дата обращения: 03.03.16).
3. MacmillianDictionary. URL: <http://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 12.02.16).
4. Oxford Dictionary. URL: <http://www.oxfordlearnersdictionaries.com/> (дата обращения: 12.02.16).
5. Dictionary.com. URL: <http://www.dictionary.com/> (дата обращения: 12.02.16).
6. English Wictionary. URL: <http://yourdictionary.com/> (дата обращения: 17.02.16).
7. Longman Dictionary of Contemporary English. L.: Longman. 2000. 1668 p. – P. 1348. (дата обращения: 17.02.16).
8. Merriam-Webster's Learner's Dictionary. URL: <http://learnersdictionary.com/> (дата обращения: 17.02.16).
9. The Collaborative International Dictionary of English. URL: <http://gcide.gnu.org.ua/> (дата обращения: 12.02.16).
10. Encyclopedia Britannica. URL: <http://global.britannica.com/> (дата обращения: 12.02.16).
11. Collins English Dictionary. URL: <http://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 20.02.16).
12. The American Heritage Dictionary of the English Language. URL: <http://americanheritage.yourdictionary.com/> (дата обращения: 03.03.16).

ГРАФО-ФОНЕТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКА ДАСТАНОВ А. КУРМАШИ

Шамарова Г.Б.

доцент кафедры массовых коммуникаций, канд. филол. наук, доцент,
Набережночелнинский институт К(П)ФУ, Россия, г. Набережные Челны

Хурматуллина Р.Ш.

доцент кафедры массовых коммуникаций, канд. филол. наук, доцент,
Набережночелнинский институт К(П)ФУ, Россия, г. Набережные Челны

В статье представлен анализ графо-фонетических особенностей, характерных для языка произведений Ахмета Курмаши. Даны принципы транскрипции, описывается система вокализма и консонантизма. В фонетическом плане рассматриваются некоторые соответствия и несоответствия с современным татарским языком, которые удалось установить по орфографии произведений и путем изучения отражения фонетических законов, характерных для татарского языка.

Ключевые слова: орфография дастанов, закон сингармонизма, система гласных и согласных, губная гармония.

В данной статье мы остановимся на некоторых графо-фонетических особенностях произведений поэта второй половины XIX века Ахмета Уразаева-Курмаши «Кыйсса-и Буз джигит» и «Кисса-и Тахир и Зухра». Оба произведения написаны в стиле дастана, в повествовательной форме, сочетающей прозу со стихами. Дастаны А.Курмаши написаны на старотатарском языке в период формирования татарского национального литературного языка.

В работе при транскрибировании слов, а также для определения фонетических особенностей языка дастанов используется следующая международная транскрипция на латинской основе:

А – [a]	б – [b]	к – [k]	ң – [ŋ]
ә – [ä]	п – [p]	з – [z]	х – [x]
о – [o]	в – [v]	с – [s]	һ – [h]
о – [ö]	ф – [f]	ж – [ʒ]	р – [r]
ы – [y]	й – [j]	ш – [ʃ]	
е – [e]	д – [d]	ж – [ǰ]	
ый – [yj]	т – [t]	ч – [č]	
и – [i]	г – [g]	л – [l]	
у – [u]	г – [g]	м – [m]	
ү – [ü]	к – [q]	н – [n]	

Несмотря на неустойчивость орфографии дастанов, при решении вопроса о способе транскрибирования того или иного слова, мы исходили из принципов соблюдения закона сингармонизма. При транскрибировании мы старались отразить точное написание текста дастанов. Исходя из этого, необходимо сделать следующие пояснения:

1. Что касается аффикса деепричастия и слова *küb* «много», то конечный согласный передается в письме посредством [v], хотя в современном татарском языке пишется [p].

2. Дастаны изобилуют противоречиями в написании одних и тех же слов. Аффикс исходного падежа представлен, в основном как *-din* (уйгурско-среднеазиатская форма) и как *dan*: *Kämändin* «от Камана» [2, с. 6], *tabiblardan* «от врачей» [3, с. 2], *sändän* «от тебя» [3, с. 9]. Иногда аффикс исходного падежа встречается и в форме *-dn*. Исходя из сингармонической основы языка дастанов, транскрибируем этот аффикс как *-dan* либо *-dän* в соответствии с качеством последнего гласного основы.

3. Аффиксы множественного числа *-lar/-lär* написаны также по-разному, иногда без гласного [a]. Соблюдая закон сингармонизма, транскрибируем эти аффиксы в обоих случаях как *-lar/-lär*: *dogalar* «молитвы», *eşläreŋ* «твои дела».

4. Наличие глухого и звонкого варианта *-qa, -ğa* аффикса дательного-направительного падежа дает нам право, учитывая соответствующего знака в арабском алфавите для передачи звука [k] «мягкий» вариант упомянутого аффикса *-kä* транскрибировать через *-gä/-kä*. Например: *sarajğa* «к дворцу», *Tahirgä* «Тахиру», *Büz jegetkä* «Буз джигиту».

5. В написании одних и тех же слов можно наблюдать орфографическую непоследовательность. Например, слово *juğary* «верх» в

одной и той же строке пишется через букву ğ и через q. Слово *jeget* «парень, молодой человек» также пишется через ж и через е: *ġeget, jeget* [2, с. 4]. Часто встречается написание слов *ġaraşyr* «соответствовать» [2, с. 15] вместо *jaraşyr*; *küb ġylğa* «на многие годы» [3, с. 40] вместо *küb jylğa*; *ġar* «милый, любимый» [3, с. 69] вместо *jar*; *ġuq* «нет» [2, с. 36] вместо *juq*. По-видимому, такое написание в орфографии объясняется стремлением сохранить существовавшую литературную традицию, с одной стороны, и желанием приблизить орфографию к разговорному языку – с другой. Разное написание слов в тюркоязычных памятниках объясняется также смешением двух типов письма – уйгурского и арабского.

6. В дастанах аффиксы с узким гласным имеют употребление, свойственное современному татарскому языку. Родительный падеж имеет афф.-пун/-пең, винительный падеж – пу/-пе. Однако, как дань письменной традиции, встречаются слова с губными гласными: *äjtür* «скажет», *kilür* «придет» [3, с. 2]; *turub* «находясь» [2, с. 13]; *kilüb jitledär* «пришли» [2, с. 7].

7. Традиция передачи аффикса деепричастия буквой b сохранилась в татарском языке вплоть до XX века.

Количество гласных монофтонгов в языке дастанов Курмаши, как в современном татарском языке, равно девяти: [a], [ä], [u], [ü], [y], [i], [o], [ö], [e]. Условность арабской графики не позволяет нам определить точное произношение отдельных слов. Поэтому в ряде мест наша транскрипция носит условный характер.

Изучение орфографии дастанов позволило нам выявить следующие соответствия звуков:

1. [ä] – [e]: *birär* «даст» [3, с. 15], *kürär* «увидит» [3, с. 15];
2. [ä] – [i]: *män* «я» [2, с. 4], *sän* «ты» [3, с. 11], *nä* «что» [2, с. 32], *käl* «приходи» [2, с. 30].
3. Встречаются случаи употребления [äj] вместо современного [i]: *tel-äjmez* «желаем» [3, с. 64], *ezläj* «ищет» [2, с. 5] и т.д.

Такое написание слов встречается в «Кисса-и Йусуф» Кул Гали (XIII в.), «Дастан Бабахана» Сайяди (XV в.), произведениях Мухаммедъяра (XVI в.), М.Кулый (XVII в.), У.Имяни (конец XVIII – начало XIX вв.), Г.Кандалый (I-ая половина XIX века), М.Акджигита, З.Бигиева и др. [1, с. 245] Все это свидетельствует о том, что дастаны А.Курмаши продолжают традиции письменного классического языка.

Система согласных включает 24 согласных звука: [b], [p], [t], [s], [ğ], [č], [x], [d], [z], [r], [š], [ġ], [f], [q], [g], [k], [1], [m], [n], [h], [w], [v], [j], [ŋ].

В области согласных нам удалось выявить следующие соответствия:

1. имеет место колебание [b] – [p]: *kileb* [3, с. 18] от глагола *kilü* «прийти» и *kilep* [3, с. 18] т.е. встречаются случаи использования в написании одного и того же слова или аффикса то буквы [b], то [p];
2. [b] – [m]: *bäne* «меня» [2, с. 2], *män* «я» [2, с. 4];
3. В начале и середине слова встречается [w] – [b]: *war* «имеется» [2, с. 2], *tawyb* «находив» [2, с. 16]. Указанное соответствие наблюдается во многих старотатарских письменных памятниках. Например, слова типа *war-*

syn «пусть идет», *wireb* «отдав» встречаются в языке поэта Утыз-Имяни, в «Тарих наме-и булгар» Таджетдина Ялсыгулова и «Кисекбаш китабы».

4. [q] -[ğ]: *juqary* «верх» [3, с. 38], *qajqu* «горе» [2, с. 30],

5. *čuyqardy* «вытащил» [3, с. 38];

6. [t] -[d]: *tib* «что, чтобы» [2, с. 28], *tidelär* «сказали» [2, с. 16], *dide* «сказал» [3, с. 44].

Изучение графо-фонетики языка дастанов А.Курмаши показывает, что небная (палатальная) гармония действует так же регулярно, как в современном татарском литературном языке.

Губная гармония гласных предстает в виде, характерном для кыпчакских языков, который отражается в определенной степени в памятниках Поволжья.

В традиционной форме употребляются личные местоимения I и 2 лица ед. числа: *män* «я», *sän* «ты», *mäna* «мне», *säna* «тебе».

Также в традиционном варианте пишутся такие слова, как: *berlä,berlän (belän)* «с» (предлог), *anlar (alar)* «они», *irde (ide)* (частица), *tag* «гора», *ağyz* «рот», *bağ* «веревка» и др.

Сохраняются глухие согласные в интервокальной позиции: *jite* «семь», *juğary* «верх», *tuguz* «девять».

В местоимениях выступает как [b] анлаут, так и [m] анлаут: *bän, bänem, mänem, bonda, min*.

Наблюдается чередование звуков [f] и [p]: *zifa, zipa* «стройный, статный» [3, с. 51].

Часто встречаются слова, в которых в середине и конце пишутся [ğ] и [g], но в современном татарском языке происходит исчезновение или выпадение этих звуков: *andağ (anda)* «там, туда», *bilgüçe (belüçe)* «знающий», *jyğlaştylar* «поплакали».

В начале слов преобладает традиционный [j]: *jedenče* «седьмой», *tañ j itkändä* «на заре».

В орфографии дастанов в основном наблюдается определенная нормированность, в то же время сохранена традиционная орфография, что придает языку некоторую архаичность.

Поэт одновременно отражает фонетические нормы татарского литературного языка XIX века.

Сохраняется закон сингармонизма. Случаи нарушения губной гармонии, нашедшие отражение в графике дастанов, подтверждают близость языка к современному татарскому литературному языку, для которого характерна делабиализация непервых слогов. Сохранение губной гармонии в аффиксах и частичное отражение гармонии согласных показывает, что орфография дастанов также близка к традиционной общетюркской системе письма.

Список литературы

1. Госман Х. Борынгы төрки һәм татар әдәбиятының чыганаclarы. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1981. 245 б.
2. Курмаши А. Кыйсса-и Буз егет. Казан: 1879. 64 б.
3. Курмаши А. Кыйсса-и Таһир илә Зөһрә. Казан: 1894. 72 б.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ ЗАИМСТВОВАНИЙ ТЕРМИНОВ МОДЫ В АНГЛИЙСКОМ, ФРАНЦУЗСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Яковец Т.Я.

доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, к.пед.н.,
Сургутский государственный университет, Россия, г. Сургут

В статье рассматриваются понятия «термин», «терминология», «терминология моды», заимствования терминов моды в английском, французском и русском языках, пути заимствований данных терминов и их примеры.

Ключевые слова: мода, язык, культура, термин, терминология, заимствования.

Термины и понятия в каждом из рассматриваемых языков, составляющие терминологическую систему индустрии моды, и образующие свой собственный язык – язык моды, являются во многом отражением самобытности и уникальности народа, его определенных климатических и территориальных условий, для которых данные предметы одежды являются уникальными и по настоящее время.

В современной науке нет единого мнения о содержании понятия «термин» и даже о названии самой науки («терминология» или «терминоведение»).

Ученые сходятся в определении термина как специальной единицы наименования точного понятия определенной области знания.

Одним из существенных для терминов качеств является их международность. В области политики, науки, техники, моды обычнее всего осуществляются международные связи, и поэтому вопрос о взаимопонимании людей разных наций и языков здесь является очень важным. Общность терминологии, даже при разном фонетическом и грамматическом оформлении терминов в каждом отдельном языке, дает предпосылку понимания сути дела при чтении книги по данной специальности, хотя бы и написанной на неизвестном для читателя языке [4, с. 63] (фр. *de luxe, boutique, prêt-à-porter*, англ. *brand (new), fashion week, top*).

Таким образом, термин понимается как номинация (слово или подчинительное словосочетание), имеющее специальное значение, выражающее и формирующее профессиональное понятие и применяемое в процессе познания и освоения научных и профессионально-технических объектов и отношений между ними.

Существенен вопрос возникновения терминов в языке. Рассмотрим несколько путей их возникновения.

Первый путь – это употребление в качестве термина своего слова общенародного языка. Свой словарный состав сохраняется, язык не засоряется иноязычными словами и «слово», взятое в качестве термина, считается в общем понятным любому говорящему на данном языке.

Второй путь – заимствование терминов, которые избегают трудностей понимания. Они входят в язык как кличка, этикетка, почти как собственные имена (комбайн, контейнер, бульдозер, названия вещей и явлений – фен, пре-

амбула, эмбарго и т. п.). Такие заимствованные термины – чужезычные слова не смешиваются с обычными словами; они отдельные, однозначны, стоят вне экспрессии. В русском языке терминология кулинарии, театра, моды по преимуществу состоит из французских слов – меню, ресторан, бульон; партер, бельэтаж, афиша, дебют; манто, юбка, панталоны, от кутюр, гардероб, аксессуар; пассатижи, шасси и т.п.) [4, с.65].

Третий путь – использование античного «ничейного» наследства, т. е. слов и словообразовательных моделей и элементов греческого и латинского языков. Используя международные модели терминов и их словообразовательные элементы (античные корни, суффиксы, префиксы), можно создавать термины и из своих элементов по этим образцам и с участием античных префиксов и суффиксов; таковы в русском слова: *суперобложка, декорированный, джинсовый, дизайнерский, расклешенный* и т. п. [4, с.67].

Французский язык оставил значительный след в русской лексике. Первые галлицизмы проникли в нее в Петровскую эпоху, а затем, в конце XVIII – начале XIX в., в связи с галломанией светского общества заимствования из французского языка стали особенно популярными. Тематически заимствованная французская лексика разнообразна – это слова бытового назначения и моды: *костюм, корсет, корсаж, жакет, жилет, пальто, манто, блуза, фрак, браслет, вуаль, кашне, жабо, гардероб, комбинезон, плиссе, сабо, тюль, шинель; этаж, мебель, комод, туалет, сервиз, бульон, крем* и др.

Влияние английского языка оказалось сравнительно устойчивым: из него в русский язык проникали слова в течение всего XIX в. и позднее. Так, к этому источнику восходят слова из сферы общественных отношений, названия бытовых предметов, технические и спортивные термины, а также термины моды: *лидер, митинг, лифт, бюджет, троллейбус; макинтош, плед, свитер, твид, смокинг, топ, свингер, сноптоп, джерси, пиджак, нейлон, джемпер, джинсы, шорты, пуловер, вельвет, блайзер, френч; ром, пудинг, футбол, баскетбол, бокс, бридж, спиннинг* и др. [5, с.66], [2, с.74], [3, с. 100-101], [1, с. 260].

При заимствовании слов, относящихся к области искусства, важную роль играет престиж культуры определенной страны, выходящий за национальные рамки. В нашем случае такой страной является Франция, ставшая законодательницей моды в середине XVII – начале XVIII вв.

Во французском языке процесс заимствований из различных языков в разной степени интенсивности наблюдается во все периоды его истории, начиная с самых ранних этапов и вплоть до наших дней [6, с.167].

Лексический состав французского языка существенно пополнился заимствованиями из английского языка. Французский язык начал заимствовать из английского еще в период раннего средневековья. Аналогичным образом обстоит дело с некоторыми названиями одежды: *guimpe* (XII), *paletot* (1350). Таких старых заимствований немного [6, с. 175].

Массовое проникновение английских слов во французский язык началось в XVIII в. Это время увлечения всем английским, получившее название «англomania». Всплески англomanии периодически наблюдались в XIX и

XX вв., оставляя после себя многочисленный корпус англицизмов. Одной из основных заимствующих сфер во французском языке был быт: *redingote, bifteck, rosbif* и др. В XX в. в качестве страны передовых технологий, исследований космоса, информатики, СМИ выдвинулись США, и основным источником заимствований стал английский язык Америки. Влияние заокеанского английского стало особенно заметным после второй мировой войны.

Из 2,5 тыс. находящихся в активном употреблении англицизмов половина пришла во французский язык в XX в. Примером служат такие слова, как *after-shave, badge, discount, mixer, overdose* и многие другие, которые современный носитель французского языка либо регулярно использует сам, либо слышит от окружающих. Французский язык заимствует из английского слова, принадлежащие следующим сферам деятельности (XX – XXI вв.):

- наука и техника;
- СМИ, реклама, шоу-бизнес, мода: *best-seller, hit-parade, poster, remake, shopping, discount, relooking, body, tee-shirt, top, mini, maxi, fashion show, fashion week, glamorous* и др.;
- спорт;
- повседневная жизнь [6, с.176-177].

Русская лексика в словарном составе французского языка немногочисленна. Первое знакомство с русскими словами произошло в XIX веке. Для того времени слова *czar, pope, moujik, vodka, isba, pirojki, kwas (kvas), bala-laika, ushanka, valenki* и др. были экзотизмами, обозначающие незнакомые Франции реалии. Большая часть русизмов и поныне остается на положении слов местного колорита с ярко выраженной национально-культурной коннотацией [6, с.179-180].

Французский язык оставил значительный след в русской лексике. Первые галлицизмы проникли в нее в Петровскую эпоху, а затем, в конце XVIII – начале XIX в., в связи с галломанией светского общества заимствования из французского языка стали особенно популярными. Тематически заимствованная французская лексика разнообразна – это слова бытового назначения и моды: *костюм, корсет, корсаж, жакет, жилет, пальто, манто, блуза, фрак, браслет, вуаль, кашне, жабо, гардероб, комбинезон, плиссе, сабо, тюль, шинель* и др. Через французский язык к нам попали и некоторые итальянские слова: *барокко, панталоны, бензин, арка, коридор, карнавал* и др.

Влияние английского языка оказалось сравнительно устойчивым: из него в русский язык проникали слова в течение всего XIX в. и позднее. Так, к этому источнику восходят слова из сферы общественных отношений, названия бытовых предметов, технические и спортивные термины, а также термины моды: *макинтош, плед, свитер, твид, смокинг, топ, свингер, сноуптон, джерси, пиджак, нейлон, джемпер, джинсы, шорты, пуловер, вельвет, блейзер, френч* и др. [5, с. 66], [2, с.74], [3, с.100-101], [1, с. 260].

Особенность английского словарного состава проявляется и в том, что в нем содержится до 70% слов, заимствованных из других языков.

Французские заимствования появились в английском языке задолго до Нормандского завоевания. Количество сохранившихся до наших дней заим-

ствованных слов невелико, но они свидетельствуют о существовании языковых контактов британцев с норманнами – скандинавской народностью, жившей с IX в. на северном побережье Франции, в герцогстве Нормандии и говорившей на северном диалекте французского языка. Среди сохранившихся заимствований этого периода – слова *proud, tower, chancellor*.

В XII – XVI вв. французские заимствования приходят главным образом вместе с религиозными понятиями, а также в связи с распространением французской моды, кухни, ремесел: *chastity, innocence, devotion; barber, butcher, merchant, coin; garment, cotton, towel; fry, boil, mutton, cabbage*.

Подводя итог, представляется возможным выделить следующие схемы заимствования слов:

французский => *русский* (XVIII)

английский => *русский* (XIX – XXI)

французский => *английский* (XII – XVI)

английский => *французский* (XVIII – XXI)

Позднее поток заимствований из французского постепенно иссякает; в английский язык входят уже единичные слова самых разных тематических групп.

Список литературы

1. Арнольд, И. В. Лексикология современного английского языка: Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – 3-е изд., перераб. и доп./И.В. Арнольд. – М.: Высш. шк., 1986. – 295 с.
2. Никонова, М.Н. Современный русский язык: учеб. Пособие / М.Н. Никонова. – Омск: Изд-во ОмГТУ, 2008. – 164 с.
3. Рахманова, Л.И., Суздальцева, В.Н. Современный русский язык. Лексика. Фразеология. Морфология: Учебное пособие. – М.: МГУ; «ЧеРо», 1997. – 480 с.
4. Реформатский, А.А. Введение в языковедение/Под ред. В.А. Виноградова. – М.: Аспект Пресс, 1996. – 536 с.
5. Розенталь, Д.Э., Голуб, И.Б., Теленкова, М.А. Современный русский язык: Учебное пособие для вузов. – М.: Рольф; Айрис-Пресс, 1997. – 448 с.
6. Чекалина, Е.М. Ушакова, Т.М. Лексикология французского языка: Учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1998. – 236 с.

СЕКЦИЯ «ЖУРНАЛИСТИКА И СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ»

ЭЛЕМЕНТЫ ЮМОРА В СОВРЕМЕННОЙ РЕКЛАМЕ

Плужникова А.О.

студентка 2 курса, направления «Реклама и связи с общественностью»,
Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, г. Ставрополь

В статье рассматриваются использование элементов юмора в современной рекламе как эффективный способ привлечения внимания потребителей. Также, приведены примеры использования элементов на конкретных организациях. В статье мы можем встретить ряд исследований, проведенных специалистами в области рекламы и маркетинга.

Ключевые слова: юмор, реклама, рекламная компания, товары, продажи, маркетинг.

Тема юмора с давних пор интересовала не только исследователей в области рекламы. На данный момент, становится очевидным тот факт, что юмор является сложным и многогранным понятием. Начиная с середины двадцатого века воздействие рекламных сообщений на потребителя, активно изучалось американскими маркетологами. Впервые роль юмора была проанализирована в 1973 году. К ее основным целям Стернтал и Крэйг отнесли:

- 1) привлечение внимания потребителя;
- 2) завоевание расположения адресата;
- 3) понимание сообщения адресатом;
- 4) повышение достоверности источника;
- 5) повышение убедительности сообщения [2, с.4].

Спустя 20 лет известные маркетологи Вайнбергер и Гула, основываясь на более современных исследованиях пришли к выводу: исследования Стернтала и Крэйга были верны лишь отчасти. Вкратце приведем положение о месте юмора в рекламе, изложенное в статье Вайнберга и Гуласа 1992 г. под названием «The Impact Of Humor in Advertising: A Review»:

1) юмор есть ни что иное, как отличное средство для привлечения внимания потребителя к товару. Это было подтверждено многочисленными тестированиями;

2) юмор усиливает симпатию адресата к рекламному сообщению. Данный факт не вызывает споров или сомнений у исследователей в области рекламы, поскольку подтверждается тестированиями;

3) обычное рекламное сообщение является более серьезным и убедительным, чем рекламное сообщение, включающее в себя юмористический подтекст;

Специалисты в области заметили, как шутливая форма может преобразить скучную рекламу и сделать ее более успешной. Хотя, что касается категории дорогостоящих товаров, до недавнего времени многие маркетологи относили их к группе товаров высокого риска. К ним относились функциональные товары, такие как дорогостоящая техника (компьютеры, кондицио-

неры, холодильники и т.д.) или страховые инвестиции и имиджевые товары (драгоценные украшения, брендовая одежда, автомобили и т.д.) [2, с.4]. В наши дни, реклама мотоциклов, автомобилей и иных элитных продуктов на практике встречается довольно часто. К примеру, крупный немецкий банк «Sparkasse» уже который год представляет вниманию потребителей свои рекламные сообщения, построенные на основе шутки. Хотя сам банк в данной рекламе рассказывает о серьезных вещах. Во время финансового кризиса банк использовал омонимию немецкого существительного dieBank, которое переводилось в двух случаях по – разному. В первом случае как «банк», а во втором как «скамейка». С помощью печатного изображения происходит актуализация сознания потребителя на неуместное в данной рекламе значение слова «скамейка». На печатной рекламе данного банка мы можем наблюдать изображенный крупным планом пейзаж, в центре которого мы видим берег реки и опоры стоящей там, когда-то скамейки. Заголовок гласит: «Ist Ihre Bank weg?» что на русский язык переводится как: «Вы остались без своей скамейки?» Данный вопрос также может быть воспринят потребителем и в ином смысле переведенного слова. Например, так: «Вы остались без своего банка?» [2, с. 5]. Авторы рекламы затеяли с потребителем некую языковую игру, которую продолжают развивать. Они дают ответ на данный риторический вопрос, который обращен к людям, попавшим в затруднительное положение. Ответ на него звучит примерно так: «Тогда просто приходите в одно из наших отделений и познакомьтесь с нашей скамейкой / с нашим банком. Мы будем рады Вам! С помощью такой рекламы банк пытается убедить потребителя в своей надежности. На сегодняшний день меняется стратегия использования юмора в рекламе. Последние исследования рынка немецкой рекламы, которые были произведены исследователями Свободного Берлинского университета показывают, что реклама «серьезных» товаров, в которых присутствует юмор, на сегодняшний день, является достаточно эффективной и производит более положительный эффект, чем реклама товаров массового потребления. Такие результаты объясняются цитатой Пьера Корнеля, французского поэта и драматурга: «Чем выше риск, тем слаще плод». На сегодняшний день, зарубежная реклама строится за счет комичности ситуации, которая в основном создается при помощи обыгрывания многозначности слов или с помощью изображений. Это могут быть как видео, так и плакаты. При тщательном анализе рекламных текстов, немецкие исследователи в области рекламы сделали вывод: без графического сопровождения вербальная часть рекламы воспринимается потребителями плохо или не воспринимается вовсе. Визуальный план включает в себя сообщение, которое, в свою очередь, несет авторскую позицию. Данное сообщение преподносится так, чтобы оказать максимальное воздействие как на человеческое сознание, так и на его подсознание.

Известно, что к использованию юмора в своих рекламных компаниях прибегают не только новички в этой сфере, но и уже опытные компании с многолетним стажем. Хорошим примером здесь может послужить ролики «Sprite», в которых слоган гласит: «Имидж ничто – жажда все», в забавной

форме преподносящее главенство содержания над формой. Эффективность юмора в рекламе будет зависеть от правильно определенной целевой аудитории, а также четко просчитанной ситуации.

Список литературы

1. Безлатный Д. Психология в рекламе: искусство манипуляции общественным сознанием. М.: НОЧУ ВПО «Столичная Академия малого бизнеса (институт)», 2011.
2. Папченко М.И. Юмор и достоверность в рекламе (на примере немецкоязычной печатной рекламы). Тамбов: Грамота, № 9(29). – 2014.
3. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры. М.: Языки славянской культуры, 2002. – 552 с.

СЕКЦИЯ «ДЕМОГРАФИЯ»

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ В ПЕРИОД СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

Рублева М.Е.

студент кафедры экологии и природопользования,
Сибирский федеральный университет, Россия, г. Красноярск

Мажаров В.Ф.

ведущий научный сотрудник – заведующий Лабораторией
медико-социальных проблем, д-р мед. наук, профессор, НИИ комплексных
проблем гигиены и профессиональных заболеваний СО РАМН,
Красноярский государственный медицинский университет
им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого,
Россия, г. Красноярск

Гавриков В.Л.

старший научный сотрудник, канд. биол. наук, доцент кафедры экологии
и природопользования, Сибирский федеральный университет,
Россия, г. Красноярск

Хлебопрос Р.Г.

исполнительный директор «Международного научного центра
исследования экстремальных состояний организма», д-р физико-
математических наук, профессор, Сибирский федеральный университет,
Международный научный центр исследований экстремальных состояний
человека при Президиуме КНЦ СО РАН, Россия, г. Красноярск

В работе анализируется демографическая ситуация в Красноярском крае с 1995 по 2013 гг. В качестве методов исследования используются методы вычисления параметров линейной регрессии между ожидаемой продолжительностью жизни и фертильностью женщин, производится процедура «взвешивания» демографических показателей. Было обнаружено, что Красноярский край и в период социально-экономических трансформаций 1990-х и 2000-х годов следует всемирной тенденции [1], которая характеризуется обратной зависимостью между ожидаемой продолжительностью жизни и фертильностью. Выявлено, что значимая зависимость между исследованными демографическими показателями может нарушаться и восстанавливаться в процессе адаптации к новым условиям жизни как в городских, так и в сельских муниципальных образованиях.

Ключевые слова: Красноярский край, демография, ожидаемая продолжительность жизни, специальный коэффициент рождаемости, фертильность, муниципальные образования, социально-экономические преобразования.

Демографическая картина какого-либо сообщества (популяции) определяется набором фундаментальных процессов и их показателей. К ним относятся: структура населения, рождаемость, фертильность, смертность, ожи-

даемая продолжительность жизни. Целями проведенного нами исследования были: установить наличие или отсутствие связи между ожидаемой продолжительностью жизни женщин и рождаемостью в Красноярском крае на внутрирегиональном уровне и установить, изменялись ли параметры связи с середины 1990-х по 2010-е годы. Для этого анализировалась демографическая ситуация в Красноярском крае в период с 1995 по 2013 гг., в пределах которого анализ проведен для нескольких выбранных лет: 1995, 2000, 2005, 2010, 2011, 2012 и 2013 годы.

Главным методом служило вычисление параметров линейной регрессии между ожидаемой продолжительностью жизни и фертильностью, последняя выражалась в стандартных коэффициентах рождаемости. Параметры регрессии оценивались с использованием процедуры «взвешивания» показателей, при этом в качестве весов служили значения количества населения муниципальных образований (МО) и городских округов (ГО) Красноярского края. Статистической основой послужили база данных родившихся и умерших за исследуемый период времени и данные по ожидаемой продолжительности жизни в МО и ГО Красноярского края.

В результате статистического анализа было выявлено, что в 1995 г. между ожидаемой продолжительностью жизни и специальным коэффициентом рождаемости не наблюдалось значимой связи (рис. 1). Вместе с тем, в 2000 году была обнаружена отрицательная линейная связь между этими показателями. С 2000 г. и до 2013 г. связь между продолжительностью жизни и специальным коэффициентом рождаемости в среднем увеличивалась, что отражается в величинах рассчитанных коэффициентов корреляции Пирсона (рис. 2).

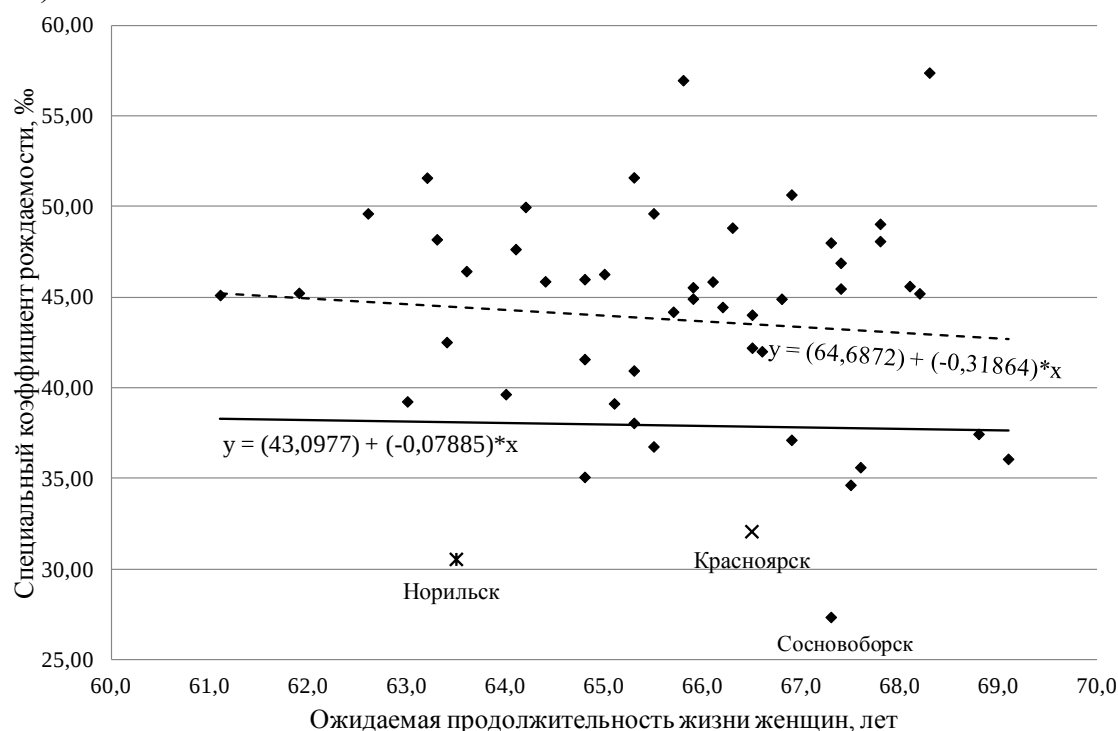

Рис. 1. Распределение МО и ГО Красноярского края по уровню специального коэффициента рождаемости и ОПЖ женщин в 1995 году

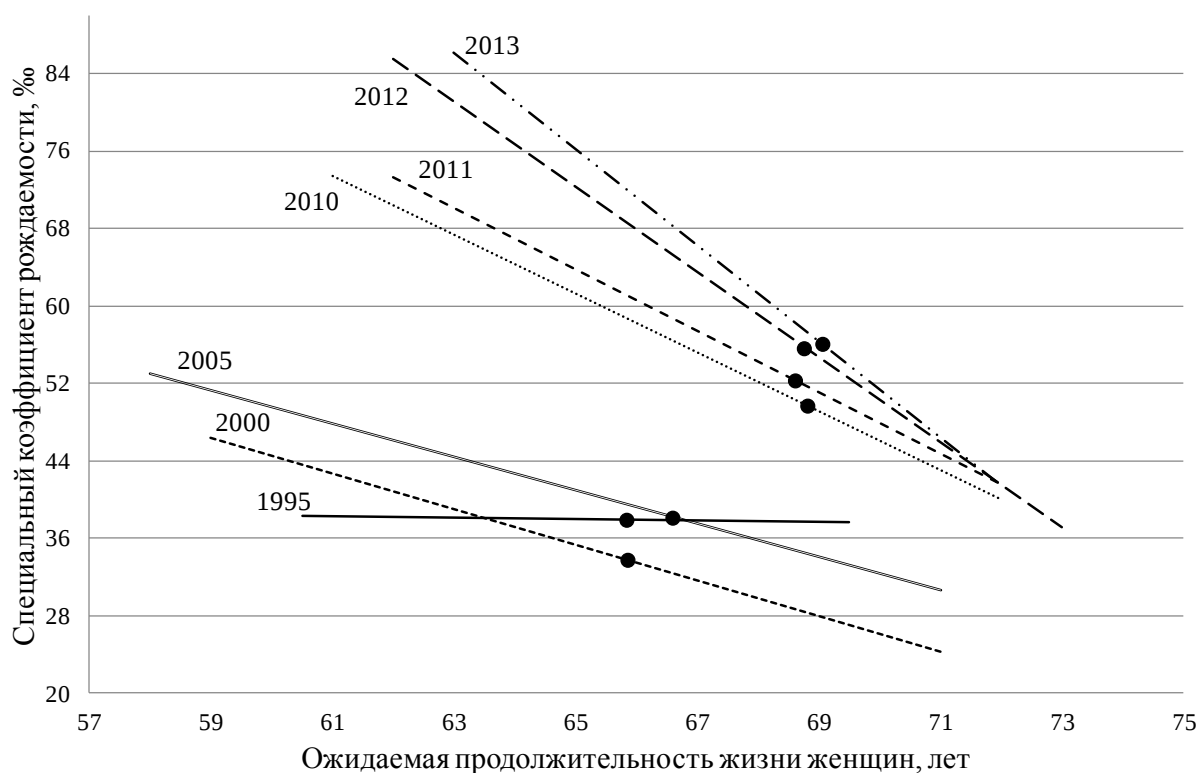

Рис. 2. Изменение зависимости между специальным коэффициентом рождаемости и ожидаемой продолжительностью жизни женщин с 1995 по 2013 гг. в Красноярском крае

Таким образом, обнаружено, что Красноярский край и в период социально-экономических преобразований 1990-х и 2000-х годов следовал всемирной тенденции [1], которая характеризуется обратной зависимостью между ожидаемой продолжительностью жизни и рождаемостью. Было выявлено, что значимая зависимость между исследованными демографическими показателями может нарушаться и восстанавливаться в процессе адаптации населения к новым условиям жизни. Высказывается гипотеза, что в основе отрицательной связи между продолжительностью жизни и специальным коэффициентом рождаемости лежат различия жизненных укладов между условно городскими и условно сельскими муниципальными образованиями.

Выявленный эффект требует дальнейшего исследования как на региональном, так и на всероссийском уровне, так как полученные выводы могут помочь разработать и осуществить более эффективную дифференцированную демографическую политику в стране и в отдельных ее регионах.

Список литературы

1. Tolstikhina O.S., Gavrikov V.L., Khlebopros R.G., Okhonin V.A. Demographic Transition as Reflected by Fertility and Life Expectancy: Typology of Countries // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2013. Vol. 6. №. 6. pp. 890-896.

2. Динамика рождаемости в Красноярском крае в 1993-2009 г. / В.Ф. Мажаров, Ю.А. Григорьев, Н.Ю. Плотников, Б.Э. Горный // Мат. Всеросс. науч.-практ. конф. М.: Экон.-информ, 2011. Ч.1. С. 92-95.

3. Динамика численности и структуры населения в социально-экономических зонах Красноярского края / В.Ф. Мажаров, Ю.А. Григорьев, Н.Ю. Плотников, О.И. Баран // Электронный ресурс Социальные аспекты здоровья населения. 2014. Т.39. № 5. С. 6.

Подписано в печать 12.04.2016. Гарнитура Times New Roman.

Формат 60×84/16. Усл. п. л. 8,14. Тираж 100 экз. Заказ 105.

ООО «ЭПИЦЕНТР»

308010, г. Белгород, ул. Б.Хмельницкого, 135, офис 1

ИП Ткачева Е.П., 308000, г. Белгород, Народный бульвар, 70а